

Возвращение к Единороду

Возвращение к Единорогу

Глава 1

1. ОСМАНСКИЙ ВЕТЕР ВНОВЬ РАЗДУВАЕТ ПЛАЩ.

...Странствие с несколько сентиментальным названием «В поисках Белого Верблюжонка» в Измерение Самарканда, Хивы, Бухары и Ташкента, закончено.

Опять и снова — Украина, странная страна промежуточных снов...

Страна, возможно, определяющая направленность дрожи тончайшего баланса мировой паутины причин и следствий.

Возможно, на грани Армагеддона...

Суфии. Ислам. Александр Македонский и Амир Тимур...

Козак Мамай.

Наши судьбы.

Вечный Сентябрь и Таинство Чаши.

Небольшая, тоненькая, аккуратная книжка, тем не менее, в жёсткой обложке. Её приятно иметь. С ней приятно путешествовать: вот — лежит она на тумбочке.

Рассказ о трёх великих Суфиях. Строгий.

Лаконичный.

В рамках научных требований... но — эссенциальный и написанный изнутри. Такую книгу почему-то не хочется быстро читать, хотя она стремится быть проглоченной.

Узбекистанское Паломничество подняло множество тем Ислама и Суфизма, в частности, дихотомию Захир и Батин.

И вот, Сеййид Хусейн Наср, в главе об Ибн Араби, пишет буквально чуть более страницы, тем не менее, повергая в шок огромной концентрацией Смысла и своеобразным Прямым Введением в Суть Истинного Учения.

Вот эта цитата:

«Термин «естественный монизм» также не может быть применен к учению Ибн 'Араби. Данный термин был предложен католическими авторами для классификации исконно гностических форм духовности, отличающихся от «сверхъестественного мистицизма», которым характеризуется главным образом христианство. Не существует абсолютного разрыва между естественным и сверхъестественным. Сверхъестественное имеет «естественный аспект», поскольку его «след» может быть обна-

ружен в самом существовании вещей, а естественное обладает сверхъестественным аспектом, так как «следы» сверхъестественного могут быть обнаружены на тварном уровне, и поскольку благодать, или барака, струится по «жилам» вселенной. Более того, считать «мистицизм» в одной религии сверхъестественным, а в другой — естественным, или сверхъестественным только в определенных случаях, а значит всего лишь «случайным», — значит ограничивать милость Бога.

Доктрина трансцендентного единства бытия или «единственности реальности» в том виде, в каком она изложена Мухии ад-Дином и другими суфиями, не представляет собой ни пантеизм, ни панентеизм, ни экзистенциальный монизм. Она также не является плодом естественного мистицизма, который не способен преодолеть тварный уровень и лишен благотворного руководства богооткровенной мудрости и благодати. Это значит, что если Бог абсолютно трансцендентен в отношении мира, то мир не полностью отделен от Него, что «мир мистическим образом погружен в Бога». Другими словами, верить в независимость какого-либо уровня реальности от абсолютной Реальности — значит впадать в самый страшный, согласно исламу, грех — политеизм (ширк) — и отрицать шахāду («свидетельство») (lā ilāha illā Allāh), согласно которой нет божества, кроме Бога, что в высшем смысле означает, что не существует иной реальности, за исключением абсолютной Реальности. Данная формула начинается с отрицания, целью которого не является ограничение Принципа каким-либо положительным утверждением. Мир и все вещи в нем не являются Богом, однако их реальность та же, что и Его, в противном случае они были бы совершенно независимыми реальностями, а это все равно, что считать их наряду с Богом божествами.

Ибн 'Араби, которого столь часто обвиняют в пантеизме, идет настолько далеко, насколько позволяет человеческий язык утверждать трансцендентность и единство Бога. Здесь можно привести цитату из «Рисāлат ал-ахадийа» («Трактат о Единстве»):

«Есть Он, и не существует по отношению к Нему «после», «перед», «выше», «ниже», «далеко», «близко», «единство», «разделенность», «как», «где», «когда», «время», «момент»,

«возраст», «бытие», «место». И сейчас Он таков, каким Он был. Он Один без единства и Единственный без единственности. Он не состоит из имени и именуемого, поскольку Его имя — это Он и Его именуемое — это Он...

А потому пойми... Ни Он не существует в вещи, ни вещь в Нем, какими бы ни были действия. Необходимо, чтобы вы знали Его некоторым образом, но не знанием, не интеллектом, не пониманием, не воображением, не чувством, не восприятием. Нет ничего, что видит Его, кроме Него самого, воспринимает Его, кроме Него самого. Посредством Себя Он видит Самого Себя и посредством Самого Себя Он знает Себя. Никто не видит Его, только Он, и никто не воспринимает Его, только Он. Его покрывало является [всего лишь «следствием» и результатом] Его единства; ничто не покрывает — только Он. Его завеса является [всего лишь] сокрытием Его существования в Его единстве, без какого-либо качества. Никто не видит Его — только Он — ни посланный пророк, ни совершенный святой, ни ангел не знают Его. Его пророк — это Он, Его послание — это Он и Его Слово — это Он. Он послал Себя с Собой к Себе».

Трудно обвинять в пантеизме того, кто доходит в утверждении трансцендентности Бога до такой крайности. То, что Ибн 'Араби стремится утвердить, — это то, что божественная реальность отлична от своих проявлений и является трансцендентной по отношению к ним. Однако эти проявления не в абсолютном смысле отделены от божественной реальности, которая некоторым образом их объемлет. Как в случае с символом грани драгоценного камня, реципиент божественного проявления, или откровения, как будто «окрашивает» то откровение, которое он получает, или, другими словами, откровение само приспосабливается к природе своего реципиента. Однако с более глубокой точки зрения ясно, что сам реципиент определяется «свыше» духом или божественным откровением, так что оба, как «сосуд», так и «содержимое», окружены божественной реальностью, которая превосходит их обоих.

Этот принцип применяется как к знанию, так и к бытию, к созерцанию небесных сущностей в сердце, равно как и к рассмотрению мира как божественного проявления. В обоих случаях реципиент этого проявления «определяет» и «раскрашивает» способ проявления; однако он сам также в действительности определен божественной сущностью, которая является источни-

ком проявления и единством, объединяющим взаимодополняющие и противоположные термины; центром, в котором объединены все противоположности и который превосходит все противоположности и противоположения в этом разнообразном мире. Это центр окружности, в котором все объединено и перед которым мир пребывает в замешательстве, поскольку он содержит *coincidentia oppositorum*, которые не могут быть сведены к категориям человеческого рассудка и объяснены монизмом, аннигилирующим онтологические различия и игнорирующим трансцендентное положение, которое центр занимает в отношении всех противоположностей, находящихся в нем свое разрешение. Явное (*zāhir*) и Скрытое (*bātin*), Первое (*'āwāl*) и Последнее (*'āḥir*). Истинный (*ḥakk*) и творение (*ḥalk*), Любящий (*'āshik*) и Любимый (*ma'šuk*), разум (*'ākil*) и умопостигаемое (*ma'kull*) представляют собой все видимые противоречия, которые находят свое разрешение в божественной сущности, которая объединяет собой и содержит их в себе, не будучи сведённой к ним».

(Сеййид Хусейн Наср — «Философы Ислама: Авиценна (Ибн Сина), Ас-Сухраварди, Ибн Араби»; М. 2014; стр. 118–120).

Как ни странно, тем не менее, в вышеприведённом отрывке совершенно чётко описано Таинство NNDNN/SNTDG...

В который раз манифестируется один из законов Истины: множество религиозных форм, представляющих Священное в социо-культуре, исходят из Пространства вне ограничений спецификациями и деталями. Но в том-то и дело, что люди ограничены и потому, они могут идти к чему-либо только через такие же ограничения. Крайне редко, будто растерянность одинокого камня на пустынном пляже, проявляются персонажи, способные по-иному.

Аэропорт.

Опять лететь на восток. Даже, на юг. Опять не на запад.

Не в родную Европу.

Аэропортное ожидание: созерцаю фото Реймского Собора: архивольты, стрельчатые арки, витражи и Розы... Синяя свежесть Рыцарского Опуса дышит в этих изображениях. Турция интересна. Она пропитана суфизмом, однако, лишена той прямоты и тишины...

Как Зульфикар отличается от Тисоны, так Пилигримажи не в Европу имеют иную геометрию вкуса.

Впрочем: сии отличия и симпатии относятся к аспекту Энергии Истины, Сама Она всецело свободна и Северный Полюс — в каждой точке, в каждом дыхании.

Попробуем взять неким введением приведённую выше цитату из книги Насра... прислушаться... о чём всё это. В какой сокровенной тишине рождено. Как даровано и пролито...

Какой Водой, в какую Чашу.

Как провести реставрацию Обратного Тока и таки узреть полноту понимания Сути.

2. СТАМБУЛ ОСТРЫХ МИНАРЕТОВ.

Стамбул.
Третий раз.
Та же истома.
Та же грязь...

После Средней Азии, сразу бросаются в глаза османские Минареты. Точнее, они даже не столько цепляют взгляд, а более осязаются.

Минареты османского типа — острые: ярко выражен мужской аспект. Узбекские — плавные, сочетающие в себе фаллическую устремленность и женскую округлость.

Возможно, сие и является одним из точных способов понять в сравнении специфику различного Ислама.

Видно, что Архэ множества турецких Мечетей взято у храма Айя-София. Так, Византия оказалась как бы вобрана и поглощена Высокой Портой.

Тектоника Святой Софии мощна, это не Романика, из-за шлемоподобных куполов и мощнейших квадратных основ чётко читается Юпитер: Власть, власть и ещё раз власть.

Симфония властей, как идея, может и прекрасна, но кибелианский анатолийский ген сыграл злую шутку со Вторым Римом и дал мультипликацию Великой Матери, которая, в конце концов, проникнув в 15 веке в Европу, таки добила Рыцарство и, собственно, саму Европу.

Романику мы здесь упомянули в качестве аскетичной формы Зодчества, апеллирующей в динамике к мощной апофатической промывке.

София не такая: внешне только кажется, что она апофатична в какой-то мере; налицо аспект очень конкретной фиксации, нет свободного дыхания освобождённых пневм — имеем в итоге непомерную имперскую гордыню, ещё и гарантированную с двух сторон этой самой симфонией властей.

Нужно заметить, что Османские Мечети, хотя и многое взяли от Айя-Софии, не такие.

В них в разы сильнее Присутствие Воздуха и Огня: Минареты — почти Готика; внутреннее Убранство в слиянии растительно-

го, геометрического и коранического Узоров значительно свежее довольно тяжелых византийских росписей и фресок.

Айя-София, пожалуй, претендуя на икону Небесного Иерусалима (то есть — на Новую Землю), Новой и потому Легко-Вознесённой так и не стала, зато манифестировала Землю Власти.

Не только, конечно, это...

Есть и особая царьградская Нежность, есть распахнутость Лица Пресвятой... однако: Константинополь проиграл, он был погран и снесён Османским Ветром, задувшим с далеких Алтайских Гор.

В этом смысле и Османы, и Рыцарство, каждые по-своему, транслировали нечто, противоположное Византии: в первую очередь — Опус Потока, нечто трансцендентно Нефиксированное. Как ни странно, на этом фоне, Византийский Логос вполне даже распознаётся как от мира сего...

Не хотелось бы это писать, но падение Православной Империи, в определённом угле взгляда, пошло на пользу Византийскому Зодчеству.

Мечеть по определению нечто мощно нефиксированное — направление на Киблу (Каабу в Мекке) уже резко усилило аспект Воздуха в такой конституции изначально византийского храма. Великий Мимар Синан подхватил Имперский Юпитер, окунул его в исламо-суфийский Растворитель, обручил с Серпом апофатического Сатурна (который срезал множество уставших эйдосных нитей) и Окрасил сие Пентаграммой бараки...

Минареты, именно Османские Минареты, передавая степной дух тюрков, задрожали нотой, исключительно близкой Готической Архитектуре.

Приземистая, купольно-округлая и как бы выходящая из девственной Природы Мечеть, получила трансцендентные ускорители и знаки Священной пропасти — Минареты.

Великий Бинер, Османский Минарет — остальная Мечеть, создал сильнейший огненный сквозняк: Архэ Степи, Коня, Серо-Голубой Волчицы, Субливного Тюльпана (как Эссенции ла-таиф)...

Мирадж.

Волшебная и Священная Ночь.

Османские Минареты — ночного покроя, молитвы и зикры о Мирадже; они — серебрянные иглы, пришивающие Бараку Печати Пророков к судьбам мириад мюридов.

Османь любили Свободу.

И её Коня — Голубого Волка. Синие искры из его шерсти выпали тюркскими рунами. Их приняли травы. Их окропили Звезды и Имена.

Всё сплелось: перемены Тюльпана, Геометрический Пульс жажды Мираджа и запредельное разрешение Каллиграфией Корана...

Странно: однако, 1453 год дал лопнуть нарыву. Душные палаты и дворцы, пресыщенные и липкие евнухи, — всё это порушила разрыв-трава Османского Цунами.

1204 был для Византии не только расплатой за Избиение Латинян (1182 года). Этот год попраЛ Ложную Землю и поставил Печать дальнейшей ошибочности опуса Симфонии Властей.

Так из Византия-Константинополя возник Истанбул. И, пожалуй, нельзя сказать, что это стало трагедией.

Анатолия и Румелия нашли в нём своё равновесие; Суфии и турки довольно пластично правили и давали жить православным.

Османский Мир сбалансировал Европу и расцвёл садом Тасаввуф.

Опять же, снова весьма странное утверждение (впрочем, в риторическом режиме троеточия): Рыцарству, всё-таки, ближе Волки Степей — турки; Византия, эта липкая и преступная Империя лжи и предательства, равно претила кодексу Северных и Степных Воинов.

Вот только...

Окончательная разгерметизация и поправление сего аула хитрецов, выплеснула безглазых детей Кибелы в Италию и далее, разошлась комфортным ужасом ренессанса, убившим Священное и Богоцентричное, уничтожившем Священную Европу.

Ирония судьбы: Православная Империя, позволившая расцвести удивительному Цветку Исихазма, носила в своём теле смертельный вирус Великой Матери.

А потом, уже техницизированная в результате причин и следствий, идущих от ренессанса, уже профанная Европа, практически убила Великих Осман (впрочем, огромный ущерб нанесла и Россия, как бы наследница Византии).

Так всё запутано в этих Лабиринтах...

А нам-то зачем всё это?

Какая разница, кто, кого и зачем когда-либо?

Ответ элегантен.

Все исторические коллизии, наши симпатии и антипатии в этих раскладах, есть проекция особенностей и свойств собственной души, её ориентации.

Так, вроде бы изучая историю Осман и Византии, Рыцарства и Тимуридов, мы, на самом деле, ищем Ключ от нашего катафитического кода. Тренируем умственные Операции в получении возможностей возврата к корню образов и истечений...

Сиятельный путь Интуиции.

Воистину: Алхимия тотальна.

3. О ВИЗАНТИЙСКОЙ ГОРДЫНЕ И КОВАРСТВЕ.

Обычно, особенно русскоязычные авторы, очень пристрастно относятся к Византийскому вопросу.

Как правило, Константинополь и ромеев ассоциируют со всем замечательным, глубоким, философским и православным, а их врагов (в частности, Крестоносцев) изображают как адских созданий.

Так ли это?

Почему Крестоносцы в 1204 году взяли Константинополь?

Приведём обширную цитату, раскрывающую суть вопроса с более комплексной стороны. К сожалению, такого материала мало, потому мы приводим сей материал почти со всей научной аргументацией и подтверждающими ссылками. Читать это будет труднее, зато надежнее ляжет в ум, привыкший к опорности элемента Земли.

В конце концов, все эти ссылки Вы вполне можете опустить при прочтении:

Из книги Павла Парфентьева и Петра Безрукова «Четвертый Крестовый поход. Миф и реальность»:

«К основам исторической науки относится одно простое правило: чтобы правильно понять события истории, их необходимо рассматривать не по отдельности, а в контексте. Исключение исторического контекста, особенно в случае, когда мы имеем дело с мифологическим сознанием, приводит к плачевным последствиям. Образ жестоких и кровожадных крестоносцев, рисуемый в «мифе о захвате Константинополя», предполагает, в качестве самоочевидного, что «православные греки» не делали ничего такого, что могло бы послужить причиной какой-либо враждебности. Поддерживающие миф авторы подчеркивают такие события, как норманнское завоевание Фессалоник в 1185 г. или мелкие грабежи, которые совершали западные войска, проходившие по византийской территории. В популярном сознании византийцы предстают невинными жертвами алчных западных завоевателей. Между тем, часто обходятся молчанием другие события, которые могут пролить свет на причины насто-

женного и бдительно-враждебного отношения к византийцам со стороны латинян.

Читая латинские источники времен Крестовых походов, приходится то и дело наткнуться на упоминание «вероломства греков». [См., напр.: Одон Дейльский. О странствовании Людовика VII, франкского короля, на Восток. Кн. IV//Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. М. 1972. С. 375; Виллардуэн Ж., де. Завоевание Константинополя. Гл. 211//Он же. Завоевание Константинополя. М., 1993. С. 55.]

Почему же столь часто латиняне рассматривали византийцев как людей вероломных и дурных? Было это отношение основано на простом неприятии чужой культуры, или имело иные, более веские, причины? Совершали ли православные византийцы по отношению к латинянам злодеяния, сравнимые с разорением 1204 г.?

Ответ на этот вопрос побуждает современного западного историка писать: «Каким бы ужасным и не подлежащим оправданию ни был захват [Константинополя], справедливость требует упомянуть о том, что он не был совершенно неспровоцированным; более чем единожды (например при резне 1182 г.) греки Константинополя обращались с латинянами так, как теперь обходились с ними самими». [Carroll W. A History of Christendom. Vol. 3: The Glory of Christendom (1100–1517). Front Royal, VA, 1993. P. 157. (Везде, где не указывается иное, перевод цитат из исследований на русский язык принадлежит автору статьи.)]

Что же такое произошло в 1182 г. в Константинополе? «Историки, красноречиво и возмущенно — и не без определенных причин — рассказывающие о захвате Константинополя, <...> почти не упоминают о резне западного населения в Константинополе в 1182 г., <...> о кошмарном уничтожении тысяч людей, <...> когда убийцы не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков, ни больных, ни священников, ни монахов. Кардинал Иоанн, [Джованни Пиззути (ум. 1182), неаполитанец; каноник собора св. Виктора в Париже; кардинал-диакон S. Maria in Portico (1115–58); кардинал-пресвитер S. Anastasio (1158–82); апостольский легат во Франции, Англии и Константинополе] посланник Папы, был обезглавлен, и голова его была протасена по улице, привязан-

ная к хвосту собаки; младенцев вырезали из чрева матерей; над выкопанными телами западных совершали надругательство; те же 4000, что избежали смерти, были проданы в рабство туркам». [Carroll W. Op. cit. P. 131.]

Правда ли это, или измышление современного западного историка?

Увы, это правда. Направлял эти события и использовал ненависть возбужденной толпы к латинянам будущий византийский император Андроник I Комнин. Двоюродный брат Мануила I, большую часть правления которого (1143–80) провел в изгнании, участвуя во многочисленных заговорах против него. После смерти Мануила I, воспользовавшись антилатинскими настроениями в Константинополе, захватил власть и провозгласил себя регентом при малолетнем Алексее II (1182). Через год он был провозглашен императором, а Алексей II умерщвлен по его приказанию.

«Прославился» главным образом своими жестокостями к своим противникам из среды высшей знати, по словам Никиты Хониата, Андроник «считал день погибшим, если он не ослепил какого-нибудь вельможу». В его правление началась новая война с Сицилией, в 1185 г. норманны вторглись на территорию империи и разграбили Фессалоники. Был свергнут с престола в результате народного бунта и казнен на своем пути к императорскому престолу. Об этом кошмарном событии сообщают нам современники. Один из этих современников — архиепископ и хронист Гийом Тирский, [Гийом Тирский (ум. 1186), архиепископ Тира (с 1174). Приближенный Амори I, короля Иерусалима. Выполнял дипломатические поручения, был воспитателем будущего короля Бодуэна IV и канцлером королевства. Как архиепископ Тирский участвовал в работе III Латеранского собора (1179). Главное его сочинение — «История деяний в заморских землях» (в 23 книгах) была написана по приказу короля Амори I Иерусалимского в 1169–84 гг. и охватывает историю королевства от его основания до современных хронисту событий. Уже после смерти Гийома, в 1194 г. его сочинение было продолжено Эрнулем и доведено до 1220 г.] которого историки называют «хорошо осведомленным о ситуации в Константинополе». Вот что пишет он об этих событиях в своей хронике «История деяний в заморских землях»:

«Поэтому наши (латиняне — П. П.) были весьма испуганы, боясь внезапного нападения горожан на них, так как были предупреждены кем-то, кто знал о заговоре; те, кто был более силен, на сорока четырех галерах, которые находились в порту, убежали от греков; другие, поместив на корабли, которых в порту было большое множество, все свое хозяйство, избегли смертельной опасности. Те же, кто был стар, или не мог узнать [об опасности], или не был способен к бегству, остались в своих домах и перенесли бешенство нечестия из-за того, что другие бежали. Ибо многократно помянутый Андроник, тайно снарядив корабль, ввел в город все множество тех, кого увлек за собой; они, как только вошли [в город], вместе с гражданами ворвались в ту часть города, которую населяли наши, и остаток народа, который, когда другие уходили, либо не захотел, либо не смог бежать, буйствуя, перебили мечами; и лишь немногие, кто был в состоянии взяться за оружие, остались в тот день в живых, и сделали победу врагов небескровной.

Итак, забывшие верность и услуги, которые многие наши оказали империи, уничтожив тех, кто, как они видели, мог сопротивляться, предали огню их жилища и всю их область (район города — П. П.) немедленно обратили в пепел; женщины и дети, старики и больные погибли в огне. И не было достаточно их нечестию буйствовать в мирских (не священных — П. П.) местах; воистину, они вошли в церкви и чтимые места, к убежищу которых прибегали [латиняне], и вместе с ними сожгли дотла святые храмы. И не было различия между народом и клиром, но безжалостно растерзали тех, кто отличался религиозным саном и достоинством. Монахам же и священникам первым причинили несправедливость, и тех, кого нашли, жестоко убили. Среди них достопочтенного мужа по имени Иоанн, субдиакона святой Римской Церкви, которого по церковным делам господин Папа направил туда, схватив, ради поношения Церкви обезглавили, а его голову привязали к хвосту грязной собаки. Но и мертвые, которых обычно щадит всякое нечестие, среди настолько гнусных и злых отцеубийц и святотатцев не были оставлены в покое; их вытаскивали из гробниц и разбрасывали по улицам и дворам, словно чувствующих причиненную несправедливость.

Кроме того, ворвавшись в госпиталь, носящий имя св. Иоанна, сколько в нем ни нашли больных, всех убили мечами. Тех же, кто из долга благочестия справедливо был сохранен от нападавших, прежде всего священников и монахов, привлечен-

ные к разгрому бродяги и разбойники искали, обшаривая ради награды убежища и укрытия в домах, чтобы те там не спрятались и не могли избежать смертельной опасности; найденные и насильно вытщенные передавались мучителям; те же, чтобы они не даром прилагали усилия, давали им награду за убийство несчастных. Более же добрые, видя, как действуют разбойники, тех, кто у них искал защиты и кому они дали надежду на спасение, продали в вечное рабство туркам и другим неверным народам; людей всякого пола, возраста и состояния, числом более четырех тысяч было увезено к варварским народам для получения награды. И вот, так нечестивый народ греков, порождения ехиднины, нравом подобные змее, пригретой на груди, и домовым мышам, оплатили злом своим соседям, ничего такого не заслужившим, ничего такого не боявшимся; тем, что отдавали им своих дочерей, внушек и сестер в жены и из-за долгого сожительства считали их своими родственниками». [Guillelmus Tyrensis. *Historia rerum in partibus transmarinis gestarum*. XXII, 12//PL. Т. 201. Col. 859C–860D (пер. Цит. — Ф. Л. Моисеев). Упомянутый здесь «субдиакон Иоанн» — кардинал Джованни Пиззути.]

Латинский хронист рассказывает правду. Его слова подтверждает даже враждебно настроенный к латинянам византийский историк Никита Хониат, тоже современник событий — не ужасаясь деяниям греков, он подтверждает, что латиняне, не успевшие вовремя спастись, «все были осуждены на смерть, и все без исключения лишились имущества». [Цит. по: Никита Хониат. *История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина*. СПб, 1860. Т. I. С. 322. Полное изложение событий у Хониата выглядит так: «Находясь еще по ту сторону пролива, Андроник объявил войну находившимся в Константинополе латинянам, выслав против них трииры, которые перешли к нему вместе с великим вождем, а равно и отборнейшую часть воинских отрядов, которые присоединились к нему на пути. А так как и жители города поднялись против них, согласившись между собой произвести дружное нападение, то в одно время началась битва и на море и на суше.

Латиняне, будучи не в состоянии противиться окружившей и опоясавшей их отовсюду двойной толпе врагов, бросались кто как мог спасать себя, оставив на произвол грабителей свои дома, полные всякого богатства и многообразных благ, каких обыкновенно ищут люди. Они не смели ни оставаться на месте,

ни напасть на римлян, ни сколько-нибудь противиться их нападению. Поэтому одни рассеялись, как случилось, по городу, другие укрылись в знатных домах, иные же, добравшись до длинных кораблей, которые заняты были их единоплеменниками, кое-как избегли опасности погибнуть от меча. А кто был пойман, те все были осуждены на смерть, и все без исключения лишлись имущества».]

Куда более откровенен другой греческий хронист, также современник, православный архиепископ Евстафий Солунский [Евстафий Солунский (ок.1115—ок.1193), византийский филолог. Магистр риторов, митрополит Фессалоник. Автор комментариев к Гомеру, Пиндару, Аристофану, Дионисию Периовету.] в своем «Разорении Фессалоник»:

«На Андроника, однако, столица с самого его вступления в город могла только сетовать <...> Ибо он не избирал прямого пути, как и показало все дальнейшее. Едва лишь принял он наследство великого Константина, как его пафлагонцы, дикий народ, который эллины именовали варварами, тут же по команде набросились на латинян. Те жили, по древнему обычаю, обособленно на восточном берегу Златого рога, числом более 60.000. Были они обвинены в том, что держат-де сторону прото-севаста и кесарини <...> и по этой причине враждебны ромеям <...>

Но, к несчастью, пафлагонцы в своей бездумной дерзости истребили большое зло посредством другого зла. Ибо, едва войдя в столицу, они набросились на латинян, — конечно, в союзе с другими бунтарями, — неожиданно напали на них и обошлись с ними самым жестоким образом. Тогда было посеяно семя, от которого мы, и многие с нами, собираем сейчас урожай, так сказать, подобно Персефоне. Ибо с этого и начались наши нынешние беды.

Много труда потребовалось бы для описания всех ужасов, что довелось тогда пережить латинянам: огонь, пожравший ту часть их имущества, что не была разграблена; пожары на море от огня, который ромеи низвергали на тех, что желали спастись на судах; происходившее на берегу и на улицах. Люди Андроника нападали не только на вооруженных противников, но и на тех, кто по слабости своей заслуживал снисхождения. Ибо и женщин, и маленьких детей они избивали мечом. Уже и это было ужасно,

но всего ужаснее, когда железо разверзало материнское чрево и извергало плод его. Солнце сияло прежде времени на младенцев, и тьма Аидова принимала их, еще несозревших для жизни. Это скотство, и ни с каким иным преступлением не сравнимо. Тогда же погиб святой человек из латинян, приехавший по делам не то из Ветхого Рима, не то с Сицилии; в общем, римлянин или сицилиец. Он лишился жизни не просто так, а в полном священном облачении, которое надел для защиты от оружия, предполагая, что тогда разбойники постыдятся его тронуть. [Судя по такому выделению из числа убитого духовенства, речь идет о кардинале Иоанне.]

Это тоже было предвкушением того, что потом пришлось пережить нам. [Речь идет о норманнском завоевании Фессалоник в 1185 г. До 1204 г. Евстафий не дожил.] <...> Но это произошло позднее; тогда же несчастье латинян было таково, что они, как мне кажется, взывали к небесам против Андроника, чтобы они отомстили нам, и Бог услышал прошения их». [Новейшее издание оригинала (*Eustathii Thessalonicensis Opera Minora*. Berlin, 2000), к сожалению, было нам недоступно. Приведенная цитата дана по немецкому переводу: *Die Normannen in Thessalonike*/von H. Hunger. Graz, 1955. S. 41–43 (пер. цит. — Анна Лейцина).]

Об этом эпизоде рассказывают и другие современные ему источники. [23 — См., напр.: *Roberti Canonici S. Mariani Autissiodorensis Chronicon*//MGH SS. T. XXVI. P. 246–247; *Roberti de Monte Cronica*//MGH SS. T. VI. P. 533.]

Жестокость греков была ужасна — как мы видели, убивали женщин и детей, священников и монахов, у беременных вырезали плод, грабили и жгли церкви, варварски убили папского посланника, кардинала Иоанна, надругавшись над его телом. Историки указывают, что число жителей латинского квартала в Константинополе в 1182 г. составляло около 60.000 человек. Даже учитывая то, что некоторые из них успели бежать до начала или уже во время ужасного погрома, и даже с учетом тех 4.000 человек, которые выжили и были проданы в рабство, число жертв должно было быть огромным, в самом благоприятном случае — никак не менее 10.000 человек. Здесь стоит заметить, что и средневековые источники, и современные историки оценивают число греков, погибших при захвате Константинополя в 1204 г., примерно в 2.000 человек. [Эту цифру дает Гунтер

Пэрисский в своей «Истории завоевания Константинополя» (Guntherus Parisiensis. *Historia captae a Latinis Constantinopoleos*. Cap. XVIII//PL. Т. 212. Col. 0245A; История крестовых походов в документах и материалах/ред. М. А. Заборов. М., 1977. С. 268). Гунтер (ум. ок. 1210) был монахом цистерцианской обители в Пэрисе (Эльзас) и писал «Историю» со слов своего аббата Мартина Пэрисского, очевидца событий IV Крестового похода. До недавних времен многие историки считали хронику Гунтера не вполне точным источником, однако недавние исследования убедительно показали, что кажущиеся неточности объясняются сознательным решением стилиста, стремящегося создать параллель между своим текстом и классическими авторами — и что, следовательно, вполне возможно доверять вторичным деталям, не существенным для стиля текста, и определенно исходящим от аббата Мартина. Эдуард Гиббон, комментируя сообщения Гунтера, пишет, что «потоки крови, текущие по страницам Никиты Хониата, могут быть сведены к убийству двух тысяч его беззащитных сограждан», а ниже добавляет по этому поводу: «арифметика — великолепный пробный камень для испытания эмоций и риторики» (Gibbon E. *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. London, 1887. Vol. VII. P. 313). Цифру в 2.000 убитых в 1204 г. при захвате Константинополя греков подтверждают и современные авторы — см., напр.: Durant W. *The Age of Faith*. New York, 1950. P. 605. Лучшим изданием «Истории завоевания Константинополя» Гунтера Пэрисского на сегодняшний день считается: Gunther von Pairis. *Hystoria Constantinopolitana: Untersuchung und kritische Ausgabe/hrsg. von P. Orth*. Hildesheim, 1994. См. также англ. пер. с этого изд.: Gunther of Pairis. *The Capture of Constantinople: The «Historia Constantinopolitana» of Gunther of Pairis/ed. and trans. by A. J. Andrea*. Philadelphia, PA, 1997. О нем: Andrea A. J. *Cistercian Accounts of the Fourth Crusade: Were They Anti-Venetian?//Analecta Cisterciensia*. 1985. Vol. 41. P. 3–41; idem. *The Historia Constantinopolitana: An Early Thirteenth Century Cistercian Looks at Byzantium//Analecta Cisterciensia*. 1980. Vol. 36. P. 269–302; Swietek F. R. *Gunther of Pairis and the Historia Constantinopolitana//Speculum*. 1978 (Jan.). Vol. 53, No. 1. P. 49–79.]

Уже это позволяет сравнивать масштабы этих двух катастроф. [В этом плане, конечно, немного странно читать слова православного епископа Каллиста (Уэра), впрочем, признающего некую ответственность православных за события 1182 г.:

«Они (православные — П. П.) должны корить себя за такие инциденты, как бунт 1182 г., когда множество живущих в Константинополе латиняны были растерзаны византийской чернью (хотя ни одно злодеяние византийской стороны нельзя сравнить с грабежом 1204 г.)» (Каллист, еп. Диоклийский. Православная Церковь. М., 2001. С. 67). Как видим из изложенных фактов — эти события вполне сравнимы.]

Даже русский историк Ф. И. Успенский, как правило, несколько односторонне — и отнюдь не в пользу латиняны — излагающий события истории Византии, описывая конфликты и взаимодействие латинского запада и греческого востока, пишет, в частности, по поводу этих событий: «То не был только грабеж и расхищение богатых домов, то было беспощадное истребление целого племени». [Успенский Ф. И. История Византийской империи. М., 2002. Т. 4. С. 365. Необходимо отметить, что Успенский, по-видимому, ошибается, считая, что в этих событиях пострадали прежде всего венецианцы, и полагая это одной из причин желания их повести войска IV Крестового похода на Константинополь (Там же. С. 454). Эту, как и некоторые иные ошибки Успенского, весьма убедительно опровергает российский историк Соколов (Соколов Н. П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963. С. 307–308).]

Соглашаясь с Евстафием Солунским, которого он выше процитировал, Успенский пишет дальше: «Событиями 1182 [В тексте цитаты стоит 1181 г., но это очевидная опечатка.] года действительно если не посеяно, то полито зерно фанатической вражды [Это, пожалуй, сильно преувеличенное выражение. Греческий Восток обыкновенно не настолько сильно занимал латинский Запад, чтобы можно было говорить о «фанатической вражде» — таковая требует, как минимум, постоянного внимания.] Запада к Востоку. С этими событиями нужно соединять и сицилийский поход в 1185 г., и завоевание латинянами Царьграда в 1204 г.». [Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. 4. С. 366. Из современных историков, помимо уже цитированного Кэрролла, о резне 1182 г., см. также, напр.: Юревич О. Андроник I Комнин. С. 117–119. Весьма интересно и характерно то преломление, которое это событие получило в мусульманской историографии. Согласно изложению Ибн Джубайра, константинопольский императорский престол был узурпирован неким че-

ловеком. Он влюбился в близкую родственницу и, поскольку христианство запрещало брак в таком случае, бежал к иконийскому султану Масуду, где принял ислам. Затем, с армией мусульман он возвратился и занял Константинополь, убив порядка 50.000 его жителей, а богатства города отошли к султану Масуду. Летописец прибавляет, что эти события — знак приближения победы ислама. См.: El-Cheikh N. M. Byzantium through the Islamic Prism from the Twelfth to the Thirteenth Century//The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World/ed. A. E. Laiou and R. P. Mottahedeh. Washington, DC, 2001. P. 60.]».

(Источник: http://bookz.ru/authors/pavel-parfent_ev/4etverti_687/1-4etv. Книга опубликована на сайте <http://baznica.info>

(http://historicaldis.ru/blog/43534681369/O-chem-molchit-RPTS:-kak-pravoslavnyie-katolikov-vyirezali?utm_referrer=mirtesen.ru)).

Как говорится, вполне достаточно для осознания чуть более полной картины: сие Избиение Латинян и дальнейшее умолчание о нём, много чего говорят о проблемах Формулы Симфонии Властей.

Всё это с другой стороны довольно откровенно читается в специфике Византийского Зодчества о чём уже речь шла...

Ещё одним способом на ту же болезнь указывает институт евнухов, такой византийский в своей стилистике.

Претензия на монопольное обладание Истиной, зачастую, так характерна для православных... и это печально. В первую очередь, для них самих.

Пристрастная настройка, опьянение доминантой, делает человека рабом жёстких концепций и страстей. Православие — Учение, действительно обладающее истинным Гнозисом, однако, Он как бы сокрыт в чаще иллюзий и многочисленных подмен и конфессионального самолюбования. Видимо, огромная ошибка — отождествлять Византийщину и Православие: первая, содержит не только христианское Знание Спасения и Освобождения, но и модусы тотального порабощения, связанные с Кибелой.

Увидеть данный объём в специфике элегантного стиля Евгения Головина мы попытаемся, погрузившись в цитату из его

рецензии на книгу Александра Дугина «Метафизика Благой Вести»:

«В заключение хочется сделать несколько замечаний относительно «Метафизики Благой Вести». Автор очень скептически относится к «латинствующему рационализму» католиков, хотя в многообразии католической теологии учитывает, похоже, только доминиканское направление, отличающееся, действительно, жесткой логистикой. Но Александр Дугин ни слова не пишет о бернардинской и францисканской мудрости, об энергичном мистическом порыве шартрской школы схоластов, о великих мистиках — Экхарте, Таулере, Хуане де ла Крус, Рюисбруке Удивительном. Правда, у православия есть преимущество: учение Григория Паламы вошло в ортодоксальную догматику, чего нельзя сказать ни об Эриугене, ни об Экхарте.

В языческом неоплатонизме нет постулата о принципиальной трансцендентности «единого». Мы живем в этом режиме, который Прокл и Дамаский называют сферой восьмой гипотезы Парменида. Здесь, в отсутствии «единого», пребывают только материальные тела, воспринимаемые как «сумма дискретных особенностей», а «знание, скорее, сновидение, а не результат реального восприятия реально существующего» (Дамаский). Так думали на закате языческого мира, такие мысли приходят в голову и сейчас. Да, схоластический Интеллект вырожден в прагматический рационализм «мужеподобных женщин», но ведь и православию нечем особенно похвастать в плане влияния на паству. Когда разорен дом, нет порядка и вокруг дома, если вспомнить детерминации Рейхлина касательно «экзо» и «эзотерики». «Это Весть — пишет Александр Дугин, — о благодатном обожении небожественного, об усыновлении сконструированного, о причащении неживого к Живому». Конечно, судя по окружающей очевидности, «сконструированный» погибнет ржавой смертью машины. Автор героически надеется, что пневматика православного ритуала способна «сделать пресную соль соленой». Дай-то Бог!

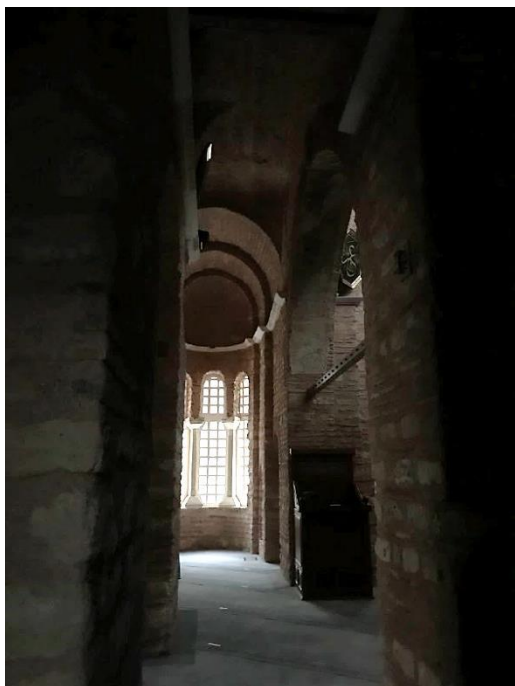
Но, по нашему мнению, не стоит акцентировать величие православия, указывая при этом на ничтожество иных христианских конфессий. От избранной конфессии недалеко и до избранного народа, к чему русские весьма склонны. Русские много раз

«торжественно провозглашали», что именно они «спасли» Европу от татаро-монголов и фашизма. Не стоит на сей раз «спасать» Европу от «бездуховности» — для этого нет ни сил, ни малейших оснований. Все мы — и на западе, и на востоке — задыхаемся от репрессивного «царства количества».

Этот эмоциональный момент несколько снижает высокий философский тон интереснейшей, единственной в своем роде книги».

(Источник: <http://golovinfond.ru/content/recenziya-na-knigu-adugina-metafizika-blagoy-vesti>).

Добавить, как говорится, нечего.

4. И СНОВА — ОБ АРХИТЕКТУРЕ. ИСТАНБУЛ. ЧЁРНОЕ И ЗЕЛЁНОЕ.

Архитектура.
О чём всё это?

Нет, мы не изучаем её.
Не изучаем, как что-то внешнее.

Архитектура, точнее наше спонтанно-мгновенное отношение к ней, этот узел чувствований, симпатий и антипатий, есть проекционный экран.

Мы видим в нём нашу энергию.
Она дана через настроение.
Внутри настроения — Смысл.
В Смысле — убранство Осознанности.
И всё это — в раковине тела.

Так различается тотальность. Так расшифровывается Лабиринт рока, переплавляясь в судьбу и разрешаясь в творчестве...

Странное дело (особенно сие различимо после Лазурных Куполов Узбекистана): кровля местных Мечетей, куполов в частности, исключительно убогая — что-то вроде оцинкованной жести. Выглядит как скучная и неопрятная серость.

При этом ясно: если бы хотели, то каждый стамбульский купол сиял бы синевой или изумрудом. Значит, так задумано.

Эта ситуация невольно толкает в ассоциации с доминацией суннитского захир со всеми вытекающими отсюда последствиями.

На контрасте, в поле созерцания попадает Мистерия Ковра, которая вне батин вообще лишена содержания. О ней достаточно для тонкого прочувствования пишет Наср в своей книге об Исламском Искусстве.

Процитируем:

«Это прослеживается во внутреннем убранстве не только мечети, но и дома, который является её продолжением. Не загромождённый мебелью интерьер, ритуально чистые полы — внутреннее пространство традиционного мусульманского дома

так же, как и пространство мечети, пробуждает ощущение священного самой своей пустотой, которая, с одной точки зрения, будто означает отсутствие, на самом деле знаменует присутствие Духа — как эфир, который, не будучи видимым, служит субстратом грубых элементов традиционной космологии. Воздух служит средством передачи Божьего Слова, периодически резонирующего в пространстве мусульманского жилья. При входе в мечеть или традиционный дом сама пустота пространства привлекает внимание к Незримому, как и ощущение пола, на который можно ступить, только сняв обувь. Прикосновение к земле или к полу руками и лбом в молитве создаёт чувство святости земли благодаря действию совершеннейшего из созданий, кто, коснувшись лбом земли в абсолютном смирении перед Богом, освятил её для всех последующих поколений мусульман.

(...)

... пол мечети, освящённый Благословенным Пророком, протирается до пола каждого дома, в котором молятся...».

(С. Х. Наср — «Исламское искусство и духовность»; М. 2009; перевод; М. Л. Салганик; стр.: 72–88).

Действительно, специфично для измерения всего Исламского Зодчества разуться при входе.

Ковёр.

Хочется сесть.

Лечь...

На него.

На спину, смотря вверх, на сплетение трёх Убранств.

Сразу немного детство, сразу немного трава, сразу немного... звёзды.

Мечеть, благодаря огромному Ковру, интегрирует Низ, пеленает оператора в себя, освящает пелёнки тремя Узорами, Светом и Звуком молитв, уносит, втягивая в нишу и перенаправляя к Каабам, здешней и горней.

Батин.

Всё время Мирадж.

Туда и обратно.

Фонтан и Водопад.

Чёрное Солнце Каабы...

Почему Чёрное?

Ислам очень огненное Учение, однако, в Мечетях, особенно в Османских, буквально: ледяной чистый Поток. Серо-стальной голубой Ветер.

Кааба — Центр.

Она не столько раздаёт, излучает (может, вообще не делает сего, ибо — Пророк уже вместил всех в Поле Своей Бараки, уже даровал Камень — Книгу) — она вбирает пятикратные ежедневные молитвы верных.

Потому, они и верные.

Чёрная Кааба вбирает Свет в себя. Подношением Аллаху...

Вся эта Великая Тайна связана с Сотым Именем, с — невозможным Именем...

Ниша.

Ниши, ниши и ниши...

Туда уходит свет молитв. Аккуратно завёрнутый в ковры и рассеченный мукарнасом.

Османские Мечети, быть может, потому и устало серы своей кровлей, что — обыденное дело, энтазировать себя Чёрному Солнцу Каабы.

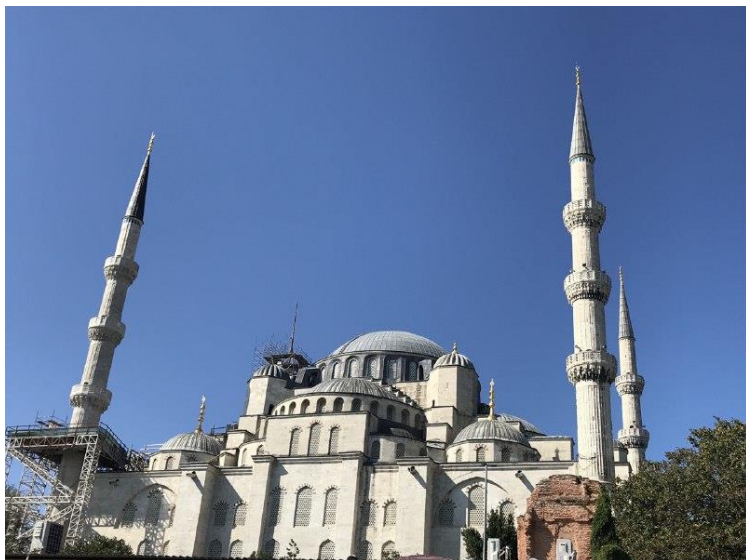
Тьма, Превышшая Света.

Чёрные Девы.

Сияющая Чернота.

Её капли — всюду. Они дают опору этому разноцветью, буйство которого суммируется растительной динамикой Зелёного Цвета.

Чёрное и Зелёное.

5. КУПОЛА КУПОЛАМ РОЗНЬ. СТАМБУЛ.

Начнём опять с цитаты из книги Насра, она даст ещё один ключ постижения вопроса, интересующего нас:

«Что касается пластических искусств, то в Персии, как и в других цивилизациях, скажем, на христианском Западе, герметические науки, в особенности алхимия, играли посредническую роль между чисто метафизическими и космологическими доктринами религии и изготовлением вещей. Функция искусства, согласно исламской концепции, заключается в облагораживании материи, алхимия же есть символическая наука, занимающаяся материальными объектами, минералами и металлами в их сопряжении с нематериальными духовными мирами. Вопреки распространённому мнению, алхимия — это отнюдь не протохимия. По существу, это наука трансформации души, основанная на символике минерального царства. Алхимия тоже представляет собой способ облагораживания материи: превращения простого металла в золото. Между алхимией и искусством Персии — как и всем исламским искусством — издавна существовала глубинная связь. Как уже говорилось, краски, применяемые во многих произведениях искусства, выбираются отнюдь не произвольно: они связаны с алхимической символикой, равно как и с символикой, возникшей из коранического откровения и хадисов. С помощью алхимии и сходных с ней космологических дисциплин ислам сумел создать среду, исламскую как по форме, так и по содержанию, где религиозные и духовные принципы запечатлены в материальных объектах, окружающих человека в повседневной жизни, и оказывают огромное воздействие на склад его ума и души».

(С. Х. Наср — «Исламское искусство и духовность»; М. 2009; перевод; М. Л. Салганик; стр.: 105).

«Османское зодчество в своем развитии прошло два этапа. Первый (с 14 до первой половины 15 вв. — до взятия Константинополя в 1453) связан со строительством в Бурсе (Бруса) и некоторых других городах Малой Азии. Второй этап начался в правление Сулеймана Великолепного и связан с именем замечательного османского архитектора Кемаля ад-дина Синана», —

пишет Ольга Бибикина в своей прекрасной статье «Исламская (мусульманская) архитектура».

А вот ещё отрывок, позволяющий в общем осмыслить это Зодчество:

«Османская архитектура — это архитектура Османской империи, которая возникла в Бурсе и Эдирне в 14 и 15 веках. Архитектура империи развивалась из более ранней сельджукской архитектуры и находилась под влиянием византийской архитектуры, армянской архитектуры, иранских, а также исламских мамлюковских традиций после завоевания Константинополя османами. Почти 400 лет византийские архитектурные артефакты, такие как церковь Святой Софии, служили образцами для многих османских мечетей. В целом, османская архитектура была описана как византийская архитектура, синтезированная с архитектурными традициями Средней Азии и Ближнего Востока.

Отоманцы достигли наивысшего уровня архитектуры на своих землях с тех пор. Они освоили технику построения огромных внутренних пространств, ограниченных, казалось бы, невесомыми, но массивными куполами и достижения идеальной гармонии между внутренним и внешним пространствами, а также артикулированным светом и тенью. Исламская религиозная архитектура, которая до этого времени состояла из простых зданий с обширными украшениями, была преобразована османами через динамичный архитектурный словарь из сводов, куполов, полукуполов и колонн. Мечеть была превращена из тесной и темной камеры со стенами, покрытыми арабеской, в святилище эстетического и технического баланса, изысканной элегантности и намек на небесную трансцендентность».

(Источник: <https://www.hisour.com/ru/ottoman-architecture-29493/>).

Вот здесь имеет смысл кое-что существенно уточнить.

Купол в контексте Византийского Зодчества и купол в контексте Османской Архитектуры — это всецело и полностью различные и символы, и духовные резонаторы, и, вообще всё.

Дело вот в чём.

Христианский Храм имеет Алтарь и ориентирован он, как правило, по сторонам света. То есть, в наличии, четкий элемент

Фиксации. Вокруг и из Алтаря совершаются Таинства, этот Камень и проявляет и мультиплицирует соответствующие пневмы.

В Мечети всё не так.

Мечеть транзитна, ибо нет Алтаря, а есть — Ниша. Свет молитв идёт в Чёрное Солнце Каабы.

Кроме того, начиная с 14 и особенно с 17 века темпоральный магистрал всё более деградирует, всё идёт наничь.

В этих условиях данная проблема усиливает свою актуализацию.

А именно: в условиях фиксированности Христианского Храма ему требуется всё большая Промывка, Транзитность, причём, Вертикальная.

Так Готика, выполняя роль Катехона, удерживающего Сатану плохих новых времён, осваивает сей Опус и включает в Архитектуру Христа самую Огненную и интенсивную Реку в Небо: это несколько замедляет падение, но оно всё равно совершается.

Приходит вульгарность мирского, не сакрального, ренессанса, начинают широко использоваться купола, деградация максимальна в барокко...

Романо-Готическая Архитектура, этот истинный Опус Рыцарского Благородства, не приемлет купола.

Византийский купол, чем ближе к нам, тем более он является манифестацией духовной гордыни. Он фиксирует макушку в черепе, не создавая предпосылок прорваться Пхове правильно-го умирания.

Выход через макушку и есть огненный протуберанец острой Башни Романо-Готики...

Купол убивает Византию.

Османский купол не таков, хотя бы потому, что нет Алтаря, а есть Минарет. Купол Мечети скорее завихряет мощнейшую реку Намазов и этим самым придаёт аспекту сущностного Тахарата ещё большую глубину.

Чёрное Солнце Каабы вбирает не просто прямые лучи, но их упакованные особой силой, вихри.

6. ХОЛМ ЮШИ.

Недалеко от Истанбула находится важная суфийская Святыня: Холм Юши.

У нас в наличии автомобиль, потому добраться нет проблем.

Приехали...

Тонкая расслабленная тишина.

Такой в Стамбуле нет.

Ощущение Чистоты и воспарённости. Лавки торговцев сувенирами, ворота... небольшой подъем среди деревьев.

Вход.

Ограда.

Собственно, Могила.

Почти незаметная прозрачность, но слегка окрашенная расслабленной Теплотой.

Вроде всё мёртвое, а живее живого: легкочастотная вибрация здесь тотальна. Время провисает и плавно переходит в лёгкость...

Говорят, здесь происходят исцеления.

Есть нечто, где можно совершить Омовение.

Четыре краника, затейливое оформление, Печати Султанов, коранические вязи...

Место расслабленного подвисяния. Райской неги.

Нет необходимости совершать усилия и мучать себя волнением.

Скамейки.

Отверстый пейзаж: память о рае. Вон спит собачка, вон потягивается господин кот...

Всем хорошо.

Всем приятно.

Никто никого не неволит.

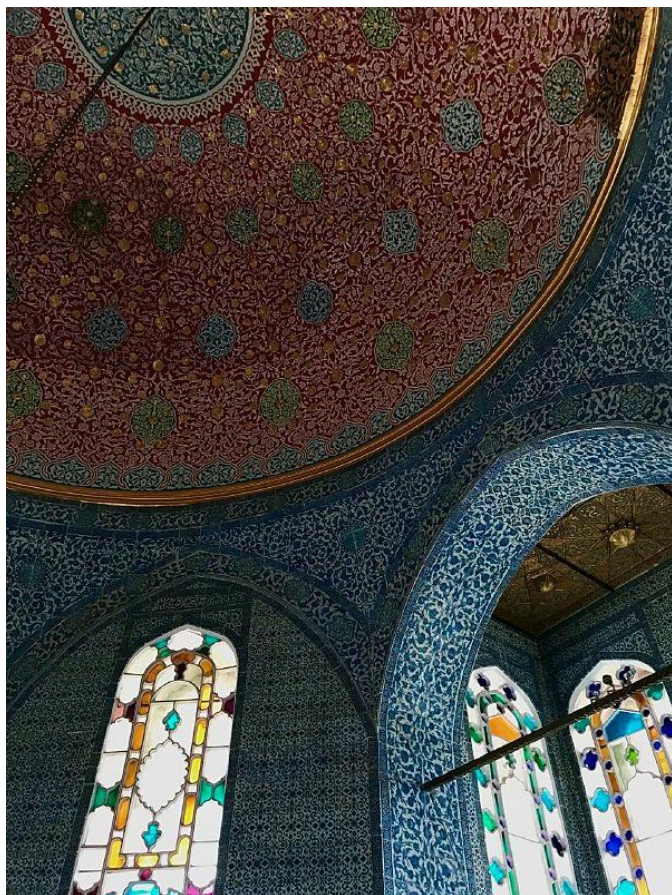
Рай.

Если бы сия Барака не коснулась наших душ, то Вы нашли бы здесь подробное описание истории и мистической подоплёки данного места.

Но она коснулась...
Потому — три точки.

...

7. ИСТАНБУЛ. МИМАР СИНАН.

Стамбул торгашей вызывает своеобразное омерзение: попытки обмануть и кинуть на деньги не прекращаются.

Слава Богу, что существует Стамбул Мечетей и суфиев...

Точкой эссенции последнего является Великий Зодчий Синан (о нём уже писалось в одной из наших предыдущих книг). Тем не менее, уместно и здесь привести некую цитату на тему:

«Великий зодчий Синан

Синан начал новую эру в мировой архитектуре. В списке сооружений, которые он построил на обширном пространстве Османской империи, около 300 (предположительно 334) позиций в различных городах. Это — мечети (в том числе две в Крыму), масджиды (квартальные мечети), медресе, дар уль-курра (библиотеки), тюрбэ (гробницы), текке или текийе (суфийские комплексы), имареты (благотворительные учреждения), маристаны (госпитали) водопроводы, мосты, караван-сарай, дворцы, провиантские склады, бани и т. д.

Сам архитектор Синан выделял в качестве наиболее удачных три свои работы: мечети Шах-Заде (1543–1548) и Сулеймание (1549–1557), обе в Стамбуле, а также мечеть Селимие (1566–1574) в Эдирне. Мечеть Шах-Заде (1548) стала первым серьезным проектом Синана. Она была выстроена по приказу султана Сулеймана Великолепного в память своих двух рано умерших сыновей — Мехмеда и Мустафы.

Считается, что именно с нее начинается «золотой век» османской архитектуры. Его вторая значительная работа мечеть Сулеймание (1550–1558) и окружающий ее комплекс, построенный для Сулеймана Великолепного. Мечеть Селимие (1568–1574) в Эдирне была построена в то время, когда Синан находился в расцвете своего таланта как архитектора.

Продолжая традиции византийских зодчих, Синан создавал огромные купола, опиравшиеся с четырех сторон на большие конхи, ниже которых располагались более мелкие своды и арки. Он широко использовал инкрустированные мраморные панели и цветные витражи. В качестве своей базы в классическом периоде использовались элементы Византийской архитектуры соседних балканских стран.

Среди наиболее известных работ Синана можно назвать также мечеть Рюстемпаша (1561–1563), мечеть Михриман Султан (1562–1565), мавзолеи Шехзаде, Султана Сулеймана Кануни (Законодателя), Роксоланы и Селима II.

Минареты Синана — это всегда стройные башни с каннелированными стволами, «перевязанные» изящным — шюрфэ — балкончиком в верхней части, предшествуя заостренному шпилю. Для архитектуры Синана характерен определенный геометрический ритм: окружность мощного купола и вертикальная устремленность минаретов прекрасно гармонируют со стрельчатыми арками, в избытке украшающими здания.

(Источник: <http://islamnaneve.com/mpage.php?p=art/osman>).

Поразительно, но, в определённом смысле, Османскую Архитектуру создал именно Синан.

Его Мечети легки, в них много Воздуха. Они, конечно, напоминают Айя-Софию, но не более: произведения Синана значительно светлее, легче и воспареннее. Они удивительно решены в интерьере: рай ковров, рай тройных росписей, рай цветных окон, изливающих лучевую игру...

Мечети Синана прохладны и благородны.

Поражаешься: Стамбул, да и вообще Восток, довольно грязные; здесь же — будто иной мир, мир Ветра, Льда и Сияний.

В определённом смысле, некоторые Мечети Синана (например: Шехзаде, Михриман-султан...) являют собою Полярный, Северный, Гнозис.

Они не связаны с нарастанием качеств и потому не Восточные; нет в них и торжества Юга...

Опять странно: Мечеть, в сути своей, это сдувание опавших листьев, это Запад утраты иллюзий, это Вечный Тахарат просветлённой Осени...

А у Синана, ещё и Норд.

Синий холодный Лёд за полярным кругом.

Личность Мимара Синана воистину уникальна.

Обратимся снова к цитированию:

«За свою плодотворную жизнь Синан создал множество прекрасных архитектурных объектов. Он занимался строительством

мечетей, дворцов, лечебных и образовательных учреждений, мостов и акведуков, караван-сараев и мавзолеев, хамамов и фонтанов, львиная доля которых обосновалась в Стамбуле.

В общей сложности Синан спроектировал и выстроил 365 шедевров. Из них 36 дворцов, 92 большие мечети, 48 бань, 52 небольших мечети, 20 караван-сараев и столько же мавзолеев, 55 школ, 17 имаретов, 8 хранилищ, 3 лечебницы, 10 мостов и 6 плотин.

Талантливый архитектор стал родоначальником основных черт османского зодчества, которые впоследствии называли классическими. Это главный архитектор Стамбула, один из самых талантливых архитекторов в мире, которым по праву гордятся турки».

(Источник:

<https://moystambul.ru/mimar-sinan-glavnyi-arhitektor-stambula/>).

Следует отметить, что прожил он 99 лет...

Продолжим выдержкой из статьи Ильдара Мухамеджанова:

«Продуктивность Синана как архитектора поражает: 360 зданий за 50 лет. Едва ли на Западе найдется архитектор, сумевший сделать столько. И каждое следующее строение как шедевр архитектуры не уступало, а превосходило предыдущие по мастерству исполнения и уникальным архитектурным решениям.

Первые османские мечети были очень простыми конструкциями в архитектурном плане: прямоугольные стены из камня и полусферические купола в качестве крыши. Синан стал проектировать многокупольные здания, а затем и величественные высокие конструкции под одним огромным куполом, как например, мечеть Сельмийе в Эдирне.

Или другой шедевр мастера — мечеть Шейхзаде в Стамбуле; Синан не относился к ней серьезно, считая ее «ученической» работой. У мечети один центральный купол и четыре полукупола с довольно массивными колоннами вдоль стен, дающими ощущение открытого пространства.

Синан был экспериментатором и в дальнейшем не повторял своего опыта с колоннами на внешней стороне здания, стараясь скрыть все элементы поддержки конструкции внутри.

Мечеть Шейхзаде стала первым сооружением, которое превратилось в общеимперский символ, а второй такой стала мечеть Сулейманийе. Синан начал строить ее в 1550 году и закончил само здание в 1558, а остальные части комплекса при мечети были возведены позднее.

Внешний облик мечети производит незабываемое впечатление. Само здание «накрыто» огромным куполом, поддерживаемым полукуполами и арками. Синан воздвиг часть поддерживающих колонн внутри мечети, а часть — снаружи и прикрыл галереями. Внутренне помещение наполнено светом, льющимся из окон с цветными стеклами.

Мечеть до сих пор является действующей, но открыта для туристов, исключая время молитвы. В саду, окружающем мечеть, располагаются тюрбе султана Сулеймана и его жены Хюррем и кладбище, где похоронены знатные лица. С другой стороны мечети есть еще одно тюрбе, но на нем нет никаких надписей, говорящих о том, кто здесь был похоронен. Историки, однако, предполагают, что это место захоронения самого Синана.

Третьей мечетью общеимперского значения, построенной Синаном, является мечеть Сельмийе в Эдирне. Ему к тому времени уже исполнилось 80 лет и ее можно считать своеобразной итоговой работой великого зодчего. Для фундамента мечети потребовались тонны камней. После того как через два года он осел, началось возведение стен и купола.

Если смотреть на мечеть с городской площади она возвышается над зеленеющими рощами и выглядит «по-имперски» величественно. Внутреннее пространство мечети поражает своей свободой — стены и купол абсолютно «не чувствуются в пространстве». Свет льется из многочисленных окон под куполом. По бокам мечети возвышаются четыре минарета в классическом османском стиле.

Для создания внутреннего интерьера широко использовался камень, мрамор, дерево, плитка, перламутр».

(Источник:

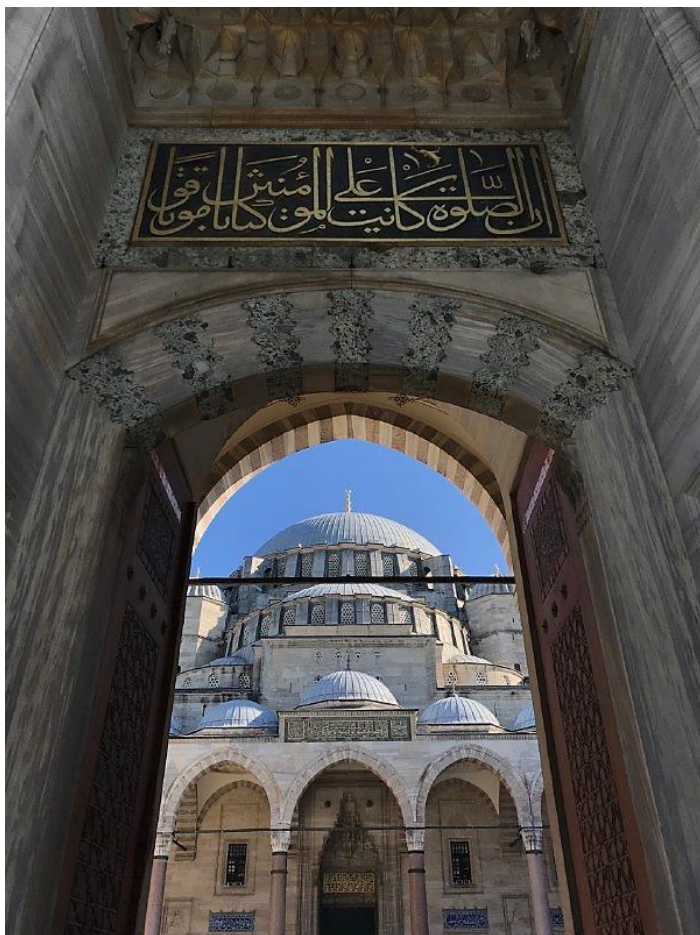
<https://m.islam-today.ru/istoria/mimar-sinan-velikij-stroitel-ummy/>;

«Мимар Синан — великий строитель Уммы»).

Вывод весьма интересен: Высокая Порта знала немало султанов и великих деятелей, но Главный Архитектор у неё один и это — Мимар Синан.

Именно в наиболее развитом (наряду с Каллиграфией) Искусстве Ислама — Зодчестве, в наиболее сакрально показательном Искусстве, проявился, как проекция Тавхида, один, единственный, Великий Зодчий.

Это действительно чудо и Печать, дарованная Аллахом всем Османам...

8. ПЛАЧ ПРЕЧИСТОЙ. ИСТАНБУЛ.

Монастырь Липса.

Прямо у трассы, плотно забитой множеством авто.

Переделанный в мечеть.

С поправленным всем. Без Камня Фиксации. Без Алтаря.

Под мощным потоком к Чёрному Солнцу...

Изменённый и поправленный.

И, всё-таки, девственно чистый. Возможно, исламский напор
смыл кибелическую составную Византизма.

Возможно, именно так, мы зрим и вкушаем то, настоящее,
Православие...

То, созерцательное чистое Чудо.

Сердце замирает, омытое слезами.

Как жаль, что всё так.

Как жаль, что всё через боль.

Монастырь Липса похож на смешение несовместимых вод:
он, многие годы, мечеть.

С разрушенной ориентацией: Храм выбрал одно, мечеть
навязали нелепое смещение осей.

В нём прозрачно исходят Слёзы Пречистой. Да, Она неиз-
вестна Исламу и её Запредельно мягкое Поле, её неизвестную
Миру Чистоту, никогда не знать сынам Корана.

В этом — Тайна Чёрной Розы.

Есть гений Мимара Синана; если бы Константинополь не был
взят, вряд ли расцвело бы это Чудо.

И: есть трагедия Монастыря Липса — если бы Византий про-
должал жить Православным, эта прекрасная Святыня даровала
бы Чудо своего Присутствия всем не спящим и обращённым
душам.

Как разрешить такого рода противоречия?

Ответ: только в нездешней Мягкости Слёз Пречистой Девы.

9. БУРСА. ПЕРВАЯ И НАЧАЛЬНАЯ.

После Истанбула мы направляемся в Бурсу.

Первое впечатление: достаточно чисто, отсутствует стамбульская навязчивость и липкость, много холмов и холмиков, чуть далее — невысокие горы; довольно простые и тихие люди.

Сразу как-то отдыхаешь.

Турция тут иная...

Бурса — некое изначалие Османской Империи, такой себе город-трамплин. Пружина экспансии в этом граде была очень туго свёрнута и ожидала своего часа.

Подобно гюрзе, притаившейся в ночной траве.

Здесь, впрочем как и в Стамбуле, очень много котов и собак: они преспокойно возлежат прямо на улице, их кормят, не обижают и видно, что эти четырехлапые тут дома.

Сей факт, безусловно, мгновенно индульгирует очень и очень многое туркам. Зачастую, особенно в Стамбуле, данные персонажи в своей массе ощущаются достаточно агрессивными, вульгарными, пропитанными духом похоти. Однако, как оказывается, всё весьма непросто: их соборное добросердечие к братьям меньшим совершенно очевидно и это не может не располагать к потомкам осман.

Современные турки, пожалуй, мало связаны с османами: совокупность множества жёстких Операций под руководством Ататюрка, не только спасли Турцию, как государство, но и необратимо переплавили антропоность, создав современную нацию (со всем примитивизмом, этому соответствующим).

Бросается в глаза: турки очень много курят, делают это везде и сие ощущается здесь всецелой нормой. Как говорится, есть причина...

Бурса — большой город, разметававшийся многочисленными домами и домиками по обширной долине. Над ним господствуют невысокие горы, поросшие лесом. Сейчас ещё не весь снег сошёл и потому сей пейзаж транслирует в миры людей благородную проседь вознесённой земли.

Данное место похоже на застывшие извивы Дракона...
Османского Дракона.

Пожалуй, внешне, со стороны экстерьеров, Бурса примечательна своеобразной мистерией улицы: какие-то отсылы к парижской коммуне, элементы печного уюта отапливаемых углём домиков, сложный гористый рельеф, безвкусные современные постройки, ядовито раскрашенные... дремотные коты... поедающие корм коты и собаки... покрученные старые переулки, парк на холме, невнятные и несколько неутонченные экстерьеры мечетей, скучные купола... люди в масках, грязь и разруха рядом с пластиком и рядом со вполне уютными, госларовского типа, домиками...

Как-то так.

Какой-то свой, неповторимый бытовой уют здесь таки запутан. Какое-то начало века двадцатого...

сны Ататюрка
рабочие
ремесло
уличный чистильщик обуви
шёлк
...

Качество и эссенция Бурсы открывается внутри ларцов сооружений.

В интерьере Мечетей.

Внутри шкатулки старого базара.

В ядре Зелёного Мавзолея.

В... сердце барвы Изумрудной.

Да.

Бурса.

Серый покров и Зелёное нутро.

На этом Изумруде, чёрными-чёрными чернилами, начертаны
Имена Аллаха и Суры из Корана.

Каллиграфия и Зелёный Сад.

Бурса.

10. ПОЗНАВАЯ ЛИК МЕЧЕТИ.

Зодчество...

Оно довольно редко врёт, хотя бы потому что, весьма трудозатратно, дорого и надолго.

Например, можно сколько угодно вещать о тонкостях богопознания и Очищении, но построенный барокковый храм неотвратимо поставит печать прихоти, похоти и страстей на все твои кружева лицемерия.

И, можно вообще молчать, возведя Готическую Твердыню.

Потому, опять и снова обратимся к Архитектуре Ислама.

Используем цитаты из великолепной статьи Ольги Бибиковой «Исламская (мусульманская) архитектура».

Общее замечание о месте этого Искусства в Исламе и о различных его направлениях:

«Из всех видов искусств, относящихся к мусульманской культуре, самым заметным, оригинальным и впечатляющим является архитектура. Строительство мечетей, мусульманских культовых зданий, первоначально базировалось на региональных традициях, однако со временем сложился новый стиль, который, сохраняя локальную специфику религиозных построек, был подчинен потребностям нового культа.

Традиционно выделяют пять архитектурных школ: сирийско-египетскую, персидскую, индийскую, магрибинскую и османскую (более мелкие, например, иракская, среднеазиатская, считаются производными)».

(Это, и остальные извлечения из указанной статьи, из ресурса: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/izobrazitelnoe_i_skusstvo/ISLAMSKAYA_MUSULMANSKAYA_ARHITEKTURA.html).

О Мечети Изначалия:

«Первая мечеть была построена в Медине сразу после хиджры пророка. Тогда это был обширный двор, обнесенный стеной. С северной стороны (обращенной к Иерусалиму) на

пальмовых стволах была укреплена кровля для защиты верующих от солнца. Но это сооружение еще не было святилищем, ибо в этот же двор выходили двери жилища Мухаммада и его жен. В первое время здесь собирались военные советы, а после битв сюда сносили раненых, то есть, это скорее был штаб будущей мусульманской общины. Но уже в этом примитивном сооружении просматривались контуры будущих мусульманских храмов. Действительно, уже первые мечети, которые были построены в крупных городах завоеванных территорий, имели кровлю, которая опиралась на колонны. Иногда это были стволы деревьев, иногда для этой цели брали колонны из разрушенных сооружений греко-римско-византийского периода. После того, как Мекка также покорилась исламу, в каждой мечети ставилась ниша — михраб, которая указывала киблу — направление на Мекку».

О первых Мечетях и стройматериалах:

«Облик мечетей во многом зависел от строительных материалов, находившихся в распоряжении строителей. Например, в Сирии из-за обилия базальтовых пород часто можно встретить сооружения, где в облицовке стен чередуется черный и белый камень (впоследствии этот тип кладки стали использовать и в других странах). В ряде стран (Иран, Ирак, Марокко, а также в Андалусии) мечети строили из кирпича, в других местах — из тесаного камня».

О влиянии Зодчества Византии:

«Первые мечети были построены с оглядкой на традиции, сложившиеся к тому времени в церковной архитектуре Византии. После превращения церкви Иоанна Крестителя в Дамаске в мечеть, на завоеванных землях стали строить мечети, повторяющие план этого сооружения. Некоторых из них сохранялся крестообразный план, характерный для византийских церквей. По такому плану построена мечеть султана Хасана в Каире. Однако впоследствии подобные мечети обрастали вспомогательными службами: библиотеками, школами, бесплатными столовыми и т. д., искажая таким образом первоначальный план».

Далее:

«Наряду с колонными мечетями сооружались четырехъярусные здания (айван — колонный зал) с центральным куполом. Купол на тромпах (конусных «парусах» в углах сходящихся стен) нашел широкое применение в Египте в 14–15 вв. Чаще всего его сооружали над мавзолеем. В период правления династии Фатимидов купол принимает заостренную форму».

Минарет — очень важный и узнаваемый элемент Мечети, её уникальная составляющая, по-особому будоражащая город и природу. Вот что на эту тему пишет Ольга Бибикова:

«Важным элементом мечети является минарет. Минарет соборной пятничной мечети доминировал над каждым мусульманским городом, создавая особый запоминающийся силуэт застройки. Обычно один из минаретов выделялся своими размерами и красотой. В средневековой Андалусии — это башня Хиральда, в Марокко — минарет Кутубии, в Индии славится делийский Кутб-Минар, в Афганистане известен минарет Джама, а в Средней Азии — бухарский минарет Калян.

Как правило, каждая из вышеперечисленных архитектурных школ имеет свою, присущую ей, форму минарета. Например, магрибинские минареты выполняли две функции: они были башнями, с которых мусульман оповещали о начале молитвы и одновременно смотровыми площадками, откуда можно было следить за передвижениями неприятеля на большом удалении. Кроме того, они были оснащены оборонительными деталями, позволяющими в случае нападения защищаться. Зубчатые стены, узкие прорезные окна и *машикули* (навесные бойницы в верхних частях стен и башен) позволяли лучнику занять удобную позицию. Типичными «оборонительными» минаретами можно назвать минарет Кутубийа в Марракеше (Марокко — 1184) или минарет Хиральда в Севилье (совр. Испания, 1195).

Как правило, минареты Магриба и Андалусии строились на прямоугольном основании, иногда это увеличивающиеся кубы, стоящий один на другом. Иранский минарет 11–13 вв. представляет собой высокую и тонкую, круглую в сечении башню с балкончиком, помещенным в своеобразный фонарь, увенчивающий

постройку. Минарет одной из самых старых мечетей Каира, Ибн Тулуна, напоминает минарет мечети Мутаваккиля «Мальвийа» («закрученный» — араб.) в городе Самарра (Ирак), тулово которого представляет собой усеченный конус, вокруг которого идет спиралевидный пандус. Минареты, построенные в османское время на территории Турции и Балканского полуострова — более стройные, снабженные каннелюрами. Как правило, в своей верхней части они имеют ажурные балкончики *шюрфэ*, с которых муэдзин призывал верующих на намаз.

На территории Средней Азии минареты обычно стоят отдельно от здания мечети, они представляют собой мощную башню, облицованную кирпичом, внешнее ребро которого покрыто цветной глазурью или полихромной плиткой».

О кровле и Михрабе, стрелке компаса на Мекку, этом приёмнике-магните молитвенных эманаций в Чёрное Солнце:

«Архитекторы Сирии, Египта и Турции использовали в качестве кровли объёмные купола на барабане, которые «накрывали» молельные залы. До сих пор поражает своим величием ребристый купол мавзолея Тимура «Гур-Эмир» (1404). Но были мечети с плоской и покатой кровлей.

Все эти культовые сооружения должны были быть ориентированы на Мекку, направление на которую указывала кибла в обрамлении михрабной ниши. Ниша михраба обычно оформлялась из цветного камня и представляла собой арку. Иногда михрабная ниша исполнена в виде одной или нескольких расположенных одна в другой стрельчатых арок, опирающихся на полуколонны. Такой же прием использован для оформления окон фасада маристана (госпиталя) султана Калауна (1284–1285) в Каире.

С развитием *фикха* в ряде мечетей стали сооружать до 4-х михрабов (по числу *мазхабов* — юридических школ, принятых в исламе). Как правило, стены, в которых находится михраб, всегда более нарядны, так как именно к кибле устремлены взоры верующего. Подобные лицевые стены обычно сплошь украшены лепниной, резьбой или керамической мозаикой, напоминающей ковровые изделия Востока».

Проникновение...

Смена миров...

Вход во Врата: Арки и Двери.

Об этом:

«Арки различных видов — подковообразные, «сломанные», с использованием колонн и «сталактитов» в качестве капители — излюбленный прием декорирования культовых зданий ислама. Арки используются для оформления сводов между колоннами молитвенного зала, для декорирования окон (в том числе и ложных). Сталактитовая капитель обычно собиралась из разных элементов (от 7), создавая карниз колонны. Таковы сталактитовые карнизы в *Львином дворике* дворца Аль-Гамбра (Гранада).

Там же, в зале *Двух сестер*, можно увидеть сталактитовый узор в верхней части стены над михрабом и расположенными выше него окнами. Иногда сталактиты украшают свод над главным входом в мечеть, как это сделано в мечети султана Хасана в Каире (1536).

Для оформления мечетей характерны также массивные резные двери, иногда украшенные металлическими заклепками в виде многоконечных звезд или «одетые» в чеканный покров из меди, рисунок которого представляет собой пересекающиеся геометрические фигуры. Такова дверь главного портала мечети аль-Муайада в Каире».

Стены, их Убранство, похожи на страницы книги. Особенно, сие значимо для мусульман с их сосредоточенностью на Коране. Вот кое-что об этом:

«Как для архитектуры исламских стран крайнего запада, так и для Средней Азии характерна изысканная резьба по стуку — разновидности алебаstra. Мастер наносит тонким резцом рисунок по слою алебаstra, а затем начинает «выбирать» излишний материал, создавая причудливый объемный рисунок, куда в общий фон переплетений можно внести картуши с цитатами из Корана или с затейливым цветочным узором. До сих пор поражает декоративная резьба по стуку, сохранившаяся на развалинах дворца Мутасима в Самарре, которая в 836–883 была сто-

лицей государства Аббасидов. Стуком декорированы мечети 14 в. в Исфахане, Бестаме, Абаркухе.

В Иране часто применяют звездообразные и крестообразные по форме изразцы, из которых выкладывали настенные панели. Иногда это геометрический узор или многофигурные композиции.

(...)

Для мусульманской архитектуры характерно использование в качестве элемента декора отрывков из текста Корана, выполненных художественными средствами с применением разноцветной керамики, резьбы по дереву или стуку. Иногда подобный орнамент выполняет роль фриза, идущего по периметру внутреннего помещения. В Иране мастера изготавливали специальную полихромную керамическую плитку в технике «*corde seka*». В соответствии с фразой, которая должна была быть изображена на стене, на каждой плитке размещались буква, слог или часть слова. Затем плитку подвергали нескольким обжигам (по числу наносимых красок). Таким образом, составлялись целые фрагменты Корана, которыми украшались внутренние помещения и вход в мечеть.

Важную роль в зодчестве мусульманского Востока играл орнамент. В известной степени орнамент компенсировал исламский запрет на изображение живого существа, но в то же время он являлся важным средством выражения художественного содержания. Первоначально в арабском орнаменте преобладали растительные элементы, что является заимствованием из классической античности. Впоследствии распространение получил линейно-геометрический орнамент, построенный на сложном сочетании многоугольников и многоконечных звезд. Таким образом, появился новый тип орнаментальной композиции — арабеска, позволившая украшать как культовые, так и светские постройки. Зодчие Ближнего Востока в разработке арабески достигли высочайшего мастерства. Бесчисленное множество композиций, которое можно обнаружить как на внешних стенах, так и внутри мусульманских построек свидетельствует о том, что при создании очередного арабескового орнамента мастер руководствовался логически-строгим и математически выверенным узором и полетом своей фантазии, которые в рамках дозволенного исламом отнюдь не кажутся ограниченными.

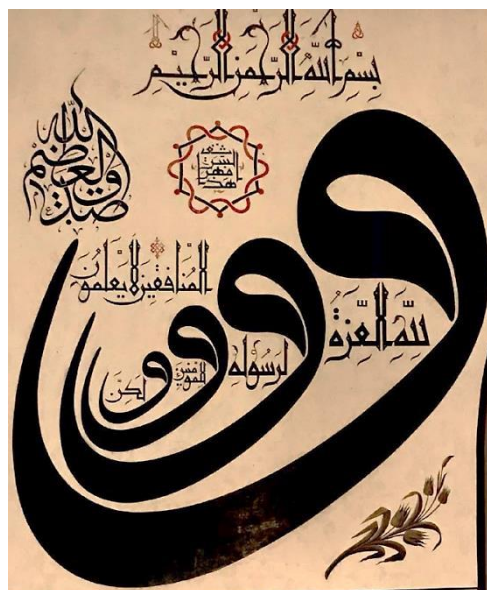
Второй тип орнамента — эпиграфический, связан с арабской каллиграфией, приоритетным видом искусства в исламе. Эпиграфические надписи или целые фризы, вводимые зодчими в убранство своих построек, несли смысловую нагрузку, которую можно сравнить с иконописью в христианских храмах. В 14–15 вв. в Магрибе уже практически каждая культовая постройка, словно сеткой, покрывалась тончайшим арабесковым узором. Орнамент, надписи, сталактитовые карнизы образуют изящные динамические композиции, свидетельствующие об утонченной роскоши. Практически каждый дециметр поверхности украшен резьбой, узором стилизованных растительных или геометрических мотивов».

Мукарны — уникальная особенность Исламского Зодчества. Они особым образом связаны с великим решением Квадратуры Круга.

Об этом:

«Набор декоративных форм и особое значение орнамента придавали мусульманским культовым зданиям нарядный и праздничный вид. Иногда орнамент красочным ковром покрывал порталы, стены или своды арок. Широкое применение в исламском зодчестве получили сталактиты, которыми обычно заполняли своды или ниши. Их появление связано с конструктивным приемом, который архитекторы использовали, когда необходимо было перейти от прямых углов к кругу (например, поставить купол на прямоугольное основание). Византийские зодчие разрабатывали этот переход через применение «паруса», исламские архитекторы стали в основном использовать сталактиты».

На этом, пожалуй, пока достаточно.

11. ВЕСЕННЯЯ ОСЕНЬ БУРСЫ.

Второй день в Бурсе.

Выглянуло Солнце, тень, однако, присвоена сталистой прохладой: как только попадаешь в её царство, будто сотни лезвий мечей и ножей мягко и плашмя прикладываются к обнажённой плоти.

Какая-то смесь весны и осени приглашена в Бурсу: то жарко до обильного пота, то блаженно прохладно...

Многочисленные коты всё так же валяжны, всё так же держат своим расслабленным и властным присутствием околицу жизненности данного града.

Базар Коза хан: каменный квадрат, древа, множество тканей, всенепрерывный турецкий чай из тюльпанов.

Турция успокоена здесь: какая-то обречённость, всецелая обречённость сразу по всем вопросам, открыла дверь особого рода уюту. Некуда спешить. Нечего делать.

Сидишь, как господин кот, пьёшь предельно банальный чёрный чай — и хорошо.

Такой себе османский Даосизм с его Серым Счастьем.

В Бурсе есть некая Зелёная Мечеть.

Рядом, на холме, Зелёный Мавзолей. Построено всё это довольно давно, явно различимо тимуридское влияние в отделке интерьера.

Впрочем, Минарет — тоже более среднеазиатский, со сглаженной верхушкой.

Убранство нарядно. Торжественно расслаблено. Расколдовано отпущено и очаровано множеством оттенков Зелёного.

Имена Аллаха...

Сталактиты, окрашенные суфийским Праздником. Ниши и шелест беззвучных молитв.

Внутри Зелёной Мечети небольшой фонтанчик, центрально радирующий Осень Вечного Тахарата...

Звезда и освобождённая радость.

Распахнутая в Осень, изумрудная Весна...

Есть в Бурсе некий холм. На нём — два Мавзолея и светлая приподнятость. Тут — сам корень Османского Мира.

Немного дальше, если пройти по покрученным улочкам, можно обнаружить небольшую Мечеть. Она, пожалуй, самая красивая и ладная в этом городе. Тихо. Голубоватый ковёр. Иранско-тимуридское оформление Ниши.

Никого.

Кроме нас.

Сфера райского Сада.

Именно так...

Ещё немного пройти — и Мавзолей. Здесь много Шейхов. Тех, кто завершил Суфийский Опус ещё в 13 веке...

Тонкое, мягкое состояние.

Вне тока перемен.

Острове особой Вечности.

Бурса.

Здесь много провеянного Ветром Оттуда, Пространства.

Весенняя Осень неожиданного зикра...

12. ПОД ЭГИДОЙ ЗЕЛЁНОЙ МЕЧЕТИ.

Как уже сообщалось предполагаемому поклоннику (или поклоннице) котов (ибо, здесь все искренне любят сих бестий и только через это вообще возможно войти в Турцию-живую), одна из главных Святынь Бурсы — Зелёная Мечеть и одноимённый Мавзолей рядом.

Немного погрузимся в чтение цитаты, касательно значения Зелёного Цвета в Исламе:

«С учетом канонического запрета на изображения людей и живых существ, цветовой символизм в исламе имеет особую значимость — цвет, наряду с геометрическими и цветочными орнаментами, становится одним из основных способов выражения в исламском мире.

Является ли зеленый цвет настоящим символом Ислама?

Любой, даже несведущий в религии человек на вопрос, какие цветовые ассоциации вызывает у него Ислам, не задумываясь ответит, что этот цвет — зеленый. И правда, сегодня мы можем наблюдать многообразие изумрудных оттенков на обложках религиозной литературы, вывесках халяльных магазинов, в убранстве мечетей и предметах гардероба духовных мусульманских деятелей. Известно, что некоторые мусульманские ригористы хотели запретить использование зеленых ковров, чтобы, наступая на них, не оскорблять честь и достоинство ислама.

Такой ажиотаж вокруг зеленого цвета образовался не на пустом месте, ведь этот благородный цвет неоднократно упоминается в Священном Писании:

«В любом месте, куда ни посмотришь, в Раю великое блаженство и великая власть Аллаха. Они одеты в одежду из зелёного тонкого шёлка и плотного атласа»
(Коран, 76:20-21).

«Они будут возлежать на ложах с зелёными покрывалами и на коврах удивительной красоты»

(Коран, 55:76).

В Исламе зеленый цвет является символом райских садов, молодости и изобилия.

(...) этот цвет означает успокоение и достижение целостности и гармонии.

(...)

Но может ли один цвет отразить всю полноту, красоту и многогранность религии ислам?

Возможно, именно поэтому еще во времена Пророка большое внимание уделялось не только зеленому, а также белому, черному и другим цветам. К примеру, белого цвета были знамена раннего Ислама, которые во время военных действий сменялись на красные.

Черный цвет у многих народов считается символом таинственности, тьмы, несчастья, разрушения, уничтожения, смерти, ужаса и ада. В христианской традиции черный — это цвет траура и трагедии. В исламе черный цвет, напротив, обладает особым статусом — это цвет Священного камня Каабы, цвет одежды и знамени аббасидских халифов, для тюркских народов этот цвет означал силу, величие и могущество. В некоторых источниках сообщается о том, что на Пророке (мир ему) была черная одежда в день завоевания Мекки.

Антиподом черного цвета принято считать белый — как символ борьбы Добра и Зла, Света и Тьмы. Для большинства культур белый цвет — это знак добра, чистоты, невинности, веры, признак истины.

В исламской символике белый цвет также очень любим и почитаем, он является символом святости и достоинства и любимым цветом Пророка (мир ему). Этот цвет используется в ритуальной церемонии — умершего заворачивают в белый саван; мусульмане совершают обход вокруг Священной Каабы, облачившись в белый ихрам.

В Исламе Тьма не противопоставляется Свету, а находится с ним в причинной связи. Темнота — это одеяние ночи, тень — это творение солнца.

Аль-Фараби писал:

«В каждом цвете скрывается отсутствие другого цвета, но присутствие белого цвета — не от отсутствия черного».

Пророк (мир ему) предпочитал монохромность.

Несмотря на то, что в Исламе немаловажное внимание уделяется красоте во внешнем проявлении, для мусульманина первостепенной задачей остается стремление к духовному росту и очищению от грехов. Ничто не должно отвлекать человека от поклонения Творцу. Стоит взглянуть на черный монолитный камень Священной Каабы, который служит напоминанием о вечности и загробной жизни.

Мусульманские дома молитвы отличаются своей скромностью и аскетизмом по сравнению с пышными, позолоченными церквями и католическими храмами.

Известно, что Посланник Аллаха (мир ему) выбирал однотонную одежду, лишенную украшений. Его коврики для намаза также были без узоров и орнаментов, чтобы это не отвлекало его от поклонения. В хадисе сказано:

«Айша сообщила, что Пророк (мир ему), молился в плаще, на котором были узоры. Он сказал: «Эти узоры отвлекают меня. Отнесите [этот плащ] Абу Джахму [то есть, человеку, который дал его Пророку] и принесите мне плащ без рисунков» (Бухари, Муслим)».

Примечателен и тот факт, что знамена и флаги времен Пророка (мир ему) не имели никаких надписей и изображений, а состояли из полотен одного цвета. На сегодняшний день только один флаг в мире полностью является одноцветным — это зеленое полотно Ливии. Монохромность — отличительная черта раннего ислама, она являла собой символ скромности, умеренности и минимализма, сумев в полной мере отразить единство и универсальность ислама».

(Автор: Ксения Сафиуллина; <https://islamnews.ru/news-cvetovaja-simvolika-v-islame>).

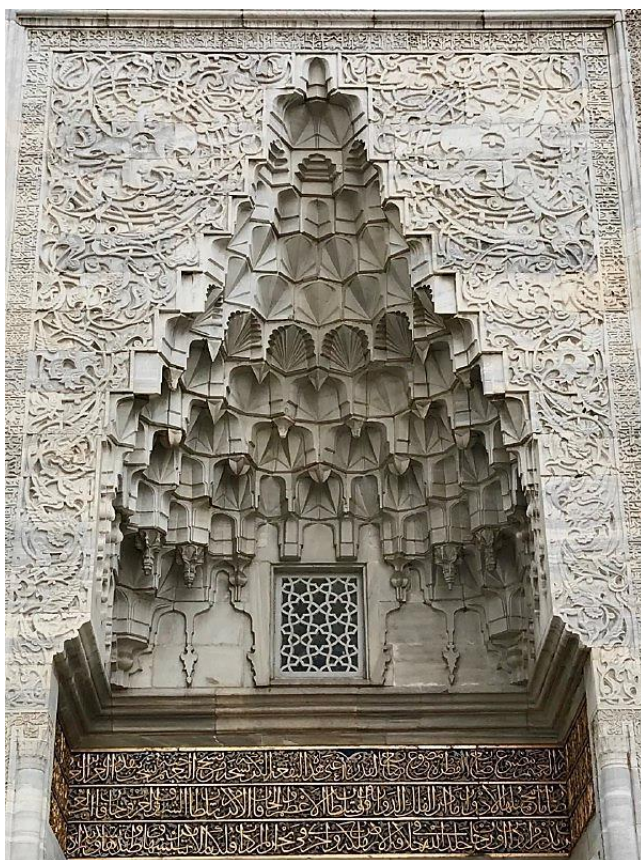
Конечно, это довольно поверхностное описание символики Зелёного Цвета в Исламе, — тем, кто глубоко заинтересован в данной теме, рекомендуем к глубокому изучению великолепную книгу Анри Корбена «Световой человек в Иранском Суфизме».

Зелёный...
Как бы Цвет Центра.
Цвет динамического равновесия Умного Сердца.

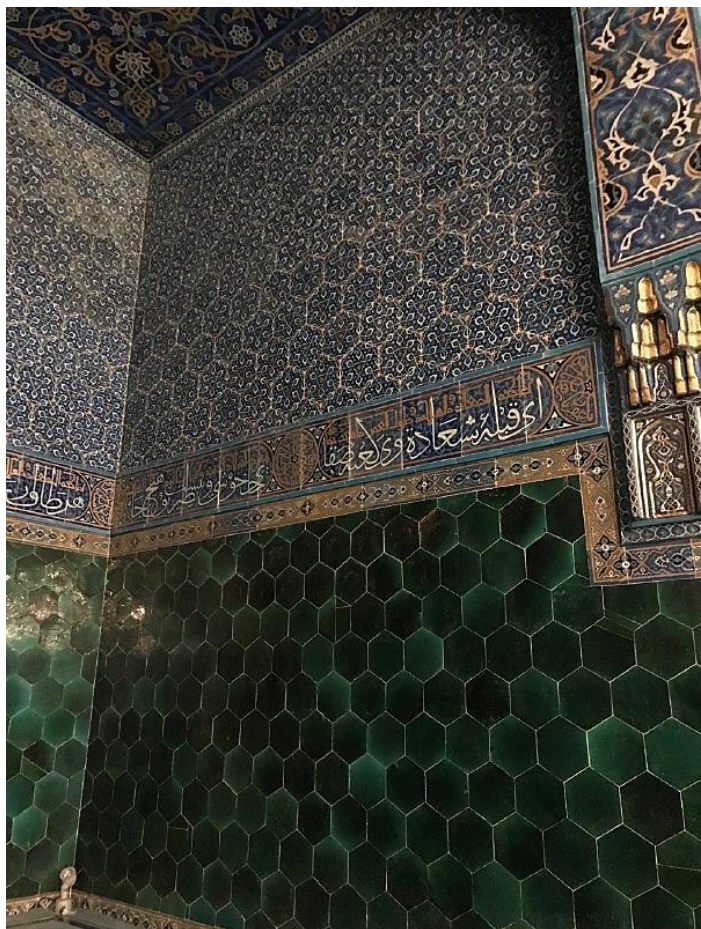
Чернота...
Белизна...

Прозрачная нейтральность.
Путь.
Стоянки.

Намёков, в общем, достаточно.

13. ВОПРОСЫ ИЗУМРУДА. БУРСА.

Зелёный Цвет.

Изумрудный Свет.

Если представить, или/и ощутить такое Сияние, исходящее из Центра (или: из Прозрачной Розы над макушкой), окрасить этой Зелёной Чистотой мир, пить её, мыслить её, сплести себя в ней и ею... дышать, созерцать и порождать.

Зелёное Сияние.

Такой Изумрудный Рай.

Он как бы целомудренно придержан и одновременно, по-юному, стремителен; в нём и свежее отдохновение и струение растительных волн жизненности.

Зелёная осознанность упруга; Изумрудная жизненность аккуратна. Не перестаёт, но и не приторна...

Ветер, Воздух... их суть — Зелёное Сияние. Очевидно ли это?

Правомерно ли Малахитовый Цвет рассматривать как равновесие и равносмещение Синего и Жёлтого?

Не слишком ли это концептуально...

Что, Зелёный, это равновесный магистрал спектра?

Тогда он соответствует Белой и Чёрной суммам?

Апофатика — блистающе Черна.

Тогда, относительно этого, Катафатика сначала идёт единым расплавом Белого.

Зелёный — их Равновесие?

Истина — Зелёная?

Вряд ли.

Слишком банально: ведь Весна и Восток так же Зелены.

Так или иначе, Зелёный Мавзолей на холме.

Зелёная Мечеть подле.

Не стоит торопиться.

Есть наша одинокая скамейка... она у пригорка. Сесть. От-
крыть книгу. Читать. Созерцать.
Буквы и вдаль.
Смыслы и вуаль.

14. МЕЧЕТЬ КАЛЛИГРАФИИ. БУРСА.

Одна из основных Мечетей Бурсы — Улу-Джами.

Она построена в некоем сельджукском стиле (что не особенно просматривается), у неё двадцать куполов... и фонтан внутри.

А вот прекрасно просматривается барокко-классицизм в базовом распределении интерьера... и почти всё бы было скучно и невнятно, но — 192 медальона Каллиграфии создают, транслируют и наводят совершенно уникальное Измерение.

Мечеть гудит.

Она звенит и светится.

Она пронизывает всех присутствующих особой радиацией.

Явно: нелюдской это плод, Коран.

Точно: не от людей арабские вязи и хитросплетения символов в этой связи.

Что-то мощное, ИНОЕ, нечеловеческое.

Мечеть Каллиграфии Корана; турецкой исламской Каллиграфии.

Это что-то.

Можно долго ходить.

Смотреть.

Сидеть.

Созерцать.

Арабскую вязь.

Арабскую вязь в многочисленных переменах. В их вселенной.

Воистину: Слово.

Буква, Слог, Звук...

Учение Книги.

Точка.

Каллиграфия Ислама.

Здесь не обойтись без цитат.

Цитат из книги специалиста, познавшего этот и захир и батин.

Итак:

«Изначальный акт сотворения был одновременно Изначальным Словом, которое есть источник всего звука и Благородного Корана как звуковой вселенной, и первичной Точки, положившей начало священной каллиграфии, которая представляет собой зримое воплощение Священного Слова. Изначальное Слово было не только повелением кун — Да будет! — чьё эхо сотворило всю вселенную и содержится в Коране как звук. Оно также выкристаллизовалось в чернилах, которыми Священное перо (аль-Калам) начертало реальности всего сущего (аль-хака'ик) на Хранимой Скрижали (аль-Лоух аль-Махфуз), на страницах архетипической книги, которая являет собою не что иное, как Коран в качестве «Матери всех книг» (Умм аль-Китаб), «Книги», заключающей в себе беспредельные возможности Божественного Творчества».

(С. Х. Наср — «Исламское искусство и духовность»; М. 2009; перевод; М. Л. Салганик; стр.: 37–38).

Далее:

«Исламская каллиграфия — это визуальное воплощение кристаллизации духовных реальностей (аль-хака'ик), содержащихся в исламском откровении. Каллиграфия даёт наружное облачение Божьему Слову в зримом мире, но это искусство остаётся спаянным с миром духа, ибо, согласно традиционной исламской максиме, «каллиграфия есть геометрия духа». Буквы, слова и стихи Корана — это не просто элементы письменного языка, но существа или личности, физической и визуальной оболочкой которых является каллиграфическая форма. Через писание и чтение букв, слов и стихов, человек вступает в контакт с этими существами и талисманами, которые изначально пришли с далёкого другого берега универсального существования, дабы направлять человека обратно к обители Единого.

(...)

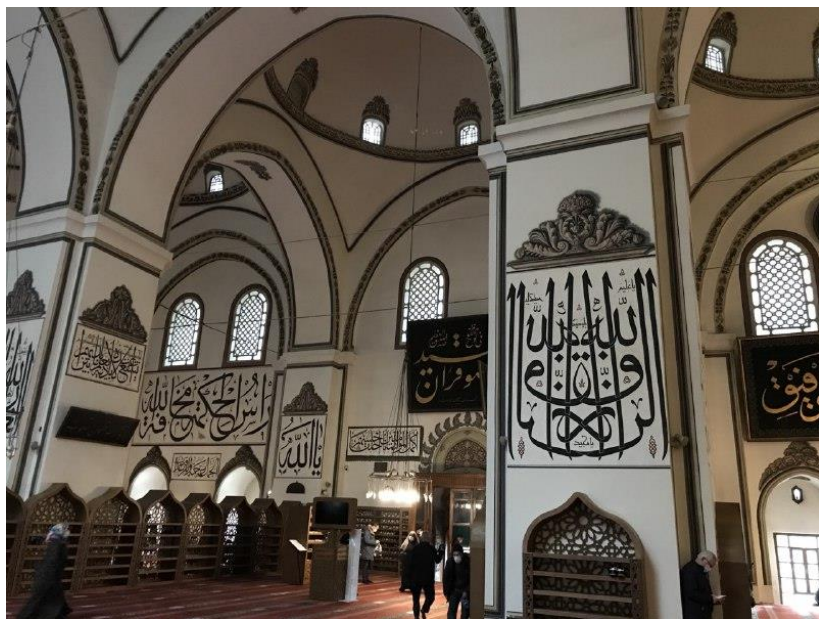
Священное искусство каллиграфии помогает человеку прорваться через завесу материального существования и причаститься той благодати, барака, которая находится внутри Божественного Слова, и «вкусить» реальность мира духовного».

(там же, стр. 40–41)

«В исламских орнаментах часто встречается сочетание каллиграфии как со стилизованными растительными формами и арабесками, так и с геометрическими узорами. В этих случаях можно говорить о том, что каллиграфия непосредственно связанная с Божественным Словом, символизирует принцип творения: геометрические элементы символизируют неизменность или мужской аспект, арабески же, связанные с жизнью и ростом, представляют живой, изменчивый материнский аспект творения. Увиденная в этом свете, каллиграфия может рассматриваться как принцип, из которого берут начало два других элемента исламских орнаментов — геометрический и растительный — и в который они снова интегрируются, как все космические двойственности интегрируются в единство Принципа».

(там же, стр.: 52)

Таково Таинство Изумрудного Единства, имеющего Сияюще Чёрный Корень и Прозрачную Белизну Плода.

15. ВЕЧНАЯ ВЕСНА ШЕЙХА ЭДЕБАЛИ.

Недалеко от города Биледжик находится место упокоения Шейха Эдебали, корня Осман и их Линии.

Здесь притих скальный Дракон, шум низвергающейся воды, горы и цветущие древа...

Много Воздуха и всё струится настроем весны...

Вечной Весны.

Тут расположен небольшой Мавзолей, Мечеть...

Шейх Эдебали и его Линия Передачи.

Осман Первый Гази стал основателем Османской династии, да и вообще — Высокой Порты и её ойкумены.

При нём Племя Кайи приняло Ислам...

Как и должно быть в таких ситуациях, Осману приснились сны, которые, впоследствии, определили судьбы многих народов.

Осман Гази с ранних лет дружил с суфийским Шейхом Эдебали, нужно понимать, ещё не будучи мусульманином.

И вот, как-то, Правитель приехал к Мудрецу, как Артур к Мерлину. Шейх принёс своему другу Коран и оставил его одного.

Осман читал всю ночь. Уснул он только под утро...

Приснился Сон.

Низошёл ангел и предрёк Осману пребывание в Славе.

После пробуждения Правитель принял Ислам.

Второй Сон был связан с прямой Передачей Гнозиса.

Вот он:

«Он увидел, как из груди святого возшла луна и опустилась в его собственную грудь. Затем, из его пупка выросло дерево, и тень его накрыла весь мир. Под тенью этой были горы, а от подножия каждой горы текли реки. Некоторые люди пили из этих проточных вод, иные орошали сады, а другие отводили каналы. Пробудившись, Осман пересказал свой сон праведнику, и тот молвил: "Осман, сын мой, поздравляю, ибо Бог даровал верхов-

ную власть тебе и твоим потомкам, а дочь моя Малхун станет твоей женой"».

Впрочем, иногда пишут, что была передана не конкретно Луна, а Полумесяц.

Это важно, так как Полумесяц может быть истолкован и в контексте Луны, и в контексте Сатурна (что сразу дарует весьма интересные созвучия и ссылки)...

Место напитано раскрепощённой, смелой и одновременно, тонкой, Весной. Её духом юношеского нарастания. Видимо, сие и определило многовековой успех Осман.

По легенде, то ли Шейх Эдебали, то ли — Хаджи Бекташи, опоясал Османа Гази Мечом, так заложив основу сего Ритуала.

В данном созерцании, Шейх Эдебали как бы раздваивается в основателя Бекташи, условно реальное, расплавляется в мифопоэтику алхимических действий с двойниками, переплетениями Орденов и тайными жестами...

Эдебали, продолжая Линию Руми (а Он — Мевлеви), приводит Османскую Династию к знаменателю Великого Кутба.

Конечно же, там где след Руми, там и Присутствие Тебризи. Так, всё в который раз сплетается в удивительный Лабиринт...

И только в Чаше смешения Белого и Красного Вин есть ответ...

16. ТРАКТАТ ЧИСТЫХ СЛЁЗ И СОЛЁНОЙ КРОВИ.

Мы пили Красное Вино...

Те, кто не был глупо опьянён, понимали всё: и потому, Белое, исходило из глаз наших...

Кровь.

Слёзы.

Не хочешь Красного, попробуй постичь через Белое.

Этот гнёт невозможен.

Он тотален.

Не может, идущий к Истине, не узреть его.

Он либо прольёт Красное: ибо — они не понимают.

Либо изойдёт Белым: ибо так невозможно.

Это тотальное Страдание почти непереносимо...

Но мы обрекали себя.

Мы теряли себя.

Исходили Белым на нивы разлук. И знали: нас предадут. Ибо они невнятны и теплохладны.

Так обреталось Красное.

Чёрное — знаменовало Покой.

Три Наших Цвета.

Барвы Стяга.

Могущий пролить Красное, предпочтёт Белое.

АРИСТАТА ЭТЕВИТАТ

NNDNN

SNTDG

В этом — Чистота.

PURIS OMNIA PURA

Р. S.: мы бы пролили большую Кровь, но — к счастью есть Вино: потому — Слёзы.

Р. Р. S.: странно, настали действительно плохие времена. Когда ты плачешь, люди думают, что тебе плохо. Они не понимают, что рыдать от души — редкое блаженство.

Потому что, таков этот мир.

Несчастные рабы: получив Сталь, куют не Меч, но свои цепи. Кандалы бессердечия.

17. НИКЕЯ. ГОРОД У ОЗЕРА.

Изник, он же, Никея, вообще не похож на турецкий город, особенно, если сравнивать со Стамбулом.

Огромное Озеро. Берег. Акватический ветер особой прохлады...

Византийские формы.

Мечети и Мавзолеи суфиев...

Черепичная кровля.

Кстати, купол, крытый черепицей обретает по-новому определяющую ноту его смыслового звучания: он какой-то спокойно домашний, умытый благородной неприторной радостью. Он, пожалуй, даже сказочный...

Таков Изник-Никея.

Мечети здесь — озёра.

Удивительный резонанс: большое Озеро и озёра чистого Присутствия в Мечетях...

Здесь когда-то было очень развито керамическое делание: плитка, посуда, эмаль, изразцы... по сей день продаётся немало такой продукции. Сие придаёт Изнику разлитое спокойное состояние, без излишней возбуждённости нафсов.

В Изнике немало Мавзолеев и Гробниц Святых. Это вполне ощущается уверенной и точной наполненностью сюжета данного града.

Заходишь...

Мавзолеей или Мечеть.

Ты попадаешь в особый герметичный объём; сразу тихо. Наполненно тихо. Часто, будто невесомую ткань опускают мягко и незаметно на голову: вдруг уютно обнаруживаешь её наличие и понимаешь, — услышали.

Понимаешь: мёртвые — живы. Особой тончайшей узорно-сияющей нездешней жизнью.

Такое хрустальное сверкание вполне может отражаться множеством Двойников: так, Сари Салтук, известный суфий и дервиш, по некоторым сведениям имел до семи проекций. Соответ-

ственно, по легендам, он умер и погребён одновременно в семи различных местах, одно из главнейших — в Изнике.

Оливковая роща, кладбище рядом, спокойно и чисто. Власти, видимо из желания приплести известного суфия к своей легитимизации, обвешали его Мавзолей турецкими национальными флагами.

По другим сведениям, существует аж двенадцать гробниц, в которых похоронен Сари Салтук, соответственно и Двойников было столько же...

Есть здесь Собор Софии-Мечеть.

Уникальная композиция: сохранены основные параметры Храма, а Мечеть, со своей системой мер здесь вполне гармонично вписана неким островом. Потому нет ощущения дисгармонии: будто спокойный и мощный седовласый дедушка на ладонях держит бодрюю внучку...

Сохранен, даже, омфал — центр мира. Находиться здесь прозрачно, уютно и ладно.

Купола укрыты желтоватой черепицей.

Сари Султук свершал свои деяния в веке тринадцатом, он шёл в след Силсила Бекташи...

Говорят, был родом из Бухары и в различных сказаниях ассоциируется даже со Святым Георгием и Святым Илией Христианства...

Иногда, сами последователи Тасаввуф говорят о некоем цикле Страха, Любви и Гнозиса (махафат, махаббат и марифат) в связи с тремя Религиями Книги.

Все эти три качества присущи каждой, но Иудаизм более связан со Страхом пред Богом; Христианство — с Любовью... Ислам же представляет Знание Бога...

Никея аккуратно распласталась веселоцветным ковром у Озера.

Сказано...

Руми, пожалуй, та фигура, в которую можно эссенцировать османский суфизм. Говорят, что специфика Передачи от Руми в том, что состоялся выход за рамки ограничений времени, пространства и особенностей религии... потому, воззвать к его Гно-

зису может каждый искренний (в любое время, в любой точке, принадлежа к любой Линии).

Изник расплавлен...

Если ты правильно понимаешь суть однородности и невыраженности претензий, если твоё эго стремится к прозрачности, то, почему бы и нет: потеряв иллюзии устроенности, бродя в оливковой роще блистающих снов, шепнуть:

- Пожалуйста, передайте.

Верю.

Хочу.

И смогу.

И зашелестят оливы. И оживут мёртвые. Узнаются мертвецами живые...

Ты будешь стоять, как Единственный, вдыхая самого себя в себя, тотально ощущая, что это — Он.

18. ЭДИРНЕ: OPUS MAGNUM СИНАНА.

Спонтанно приходит идея, в день вылета, выехав раньше рассвета, побывать в Эдирне, прикоснувшись к главной Мечети Синана.

Отправившись в 5.30 утра, к 10 пребываем на место.

Всё те же три Мечети.

Они рядом.

«Мастерская» Мечеть Синана, Мечеть Божественной Каллиграфии и Уч-Шерефли-Джами.

Немного дальше — Мавзолей местного выдающегося Суфия.

Вот, собственно, и Формула Эдирне, бедного и довольно нищего города.

Упомянутые Три Мечети, каждая — выдающийся шедевр.

Мимар Синан за пятьдесят лет своего гражданского Опуса, по факту, создал всю базу Османского Зодчества.

Интересно: Синан начал путь как военный инженер, подыскивая в укреплениях противника слабые места. Его Имя, возможно, связано с посвящением и означает «Копьё» (что весьма символично). Уже в возрасте за сорок, Синан начинает Мирный Опус, причём, его магистралом станут Мечети.

Примечательно, что Синан сам оценивает свою деятельность в терминах Опуса: по его утверждению — Работа Ученика, это Мечеть Шех-Заде (Иstanbul); Подмастерья — Мечеть Сулеймание (тоже Истанбул); Работа Мастера — Мечеть Селимие в Эдирне.

Символично, что высшая Работа расположена в Румелии, теперь — на границе Исламского мира.

В принципе, все эти три Мечети довольно похожие: экстерьер по типу Айя-София; Минареты; много Света внутри; вознесённость; много узоров и ковры... внутренняя часть сооружения более выразительная чем экстерьер (особенно, это касается куполов).

Мечети Синана (по крайней мере, три главных), в определённом смысле, похожи на своеобразный «Вокзал Гермеса», а виды

транспорта здесь — Воздух и Свет. Прийти же к такому Вокзалу Межмирья можно только по Воде... Водой и через Воду (так прочитывается в этом контексте Тахарат).

Ещё один безусловный шедевр Эдирне — Старая Мечеть, или, Мечеть Священной Каллиграфии.

Она красивее, выразительнее и сущностнее аналогичной в Бурсе. Девять куполов, каждый, имеет своё расписанное райским пребыванием, Пространство. На стенах и колоннах — извивающимися Драконами, формами ритма точно не из человеческого мира, впечатаны огнём Каллиграфические надписи: Имена Аллаха, строки из Корана...

Арабская вязь.

Здесь, в Эски-Ками, Коран развёрнут не только через андрогино уравновешенный Буквенный код; посредством Растительной Печати в союзе с Геометром, открыты Райские Сады. Это не метафоры, а описание символической оперативности данной Мечети (в Опусе, Символическое намного более живо, чем «реальное»). В этом плане, Мечеть Каллиграфии, эссенциальный шедевр Ислама в его Османском прочтении и трансляции: можно просто придти сюда с открытой душой и пережить-ощутить тотальность сего...

Мастерская Мечеть Синана по-своему, и уникальна, и прекрасна, однако — Эски-Ками вразумительнее манифестирует Вселенную Ислама: благодаря Мистерии Букв.

Мечеть Священного Ритма: она горит.

Она звучит.

Она расплавляет.

Девять купольных объемов (а они форматируются от верху, от росписи, вниз) создают девять специфических Котлов; пространство же Сакральных Букв пронизывает всё это тотальностью единой вибрации. Так уравнивается своеобразное и универсальное.

Именно в данной Мечети, можно войти конкретно в Измерение Корана, этого Краеугольного Камня; этой точки Фиксации и отсчёта.

Уч-Шерефли-Джами, третья главная Мечеть, в чём-то, ещё тоньше и красивее в сущностном смысле этого слова, чем остальные две.

Она Украшена...

Тонко.

Изящно...

Нюансировано.

Райское Состояние точно роздано по различным объёмам сооружения, эти отдельные мелодии аккуратно сливаются в одну симфонию. Цветы и Сияния.

Прохлада и Украшенная Синева Тишины.

Лёгкость и что-то несоответствующее любого рода концепциям. Видно: Убранство этой Мечети плод Гнозиса и прямого пребывания в Бараке Ведающих.

Люди, в подавляющем своём большинстве, либо материалисты-нигилисты, либо привязаны к конкретной религии и обусловлены ею.

Крайне мало Влюблённых.

Влюблённых в Истину...

После созерцания великих Романо-Готических Святынь, всё-таки и в связи поражаешься иной Святости. Иной форме Истинного Восхождения. Даже понимая, что твоей она не станет.

Ты и радуешься иному чуду.

И шокирован им.

И понимаешь: такая наполненность — в том числе есть приговор. Османы, если получится, пройдут безжалостным ураганом по любым чужим Святыням...

Четвёртое место, ещё одна драгоценная шкатулка Бараки — мавзолей Суфия. Он был закрыт и мы смогли подойти только к ограде.

Стали.

Подвисли.

Мягкое тёплое поле распозналось как медовое облако душистых трав, но без их дифференциации: просто тёплое и тонкое дарование без ограничений. Воззвание было услышано...

Небо всё более хмурилось.

Сели. Напротив Мечети Синана. Обычная бедная улочка. Невзрачное кафе; Карантин — потому, на улице, за уставшим столиком.

Чёрный чай.

Вездесущий турецкий чёрный чай.

Грустные глаза работника: он уже дедушка, седовлас и в окончательно расслабленном отчаянии. Тем не менее, тёпл к нам.

Что-то расспрашивает.

Мы не понимаем.

Немного грустно улыбаемся друг другу.

Пора.

В аэропорт.

В Стамбул.

Небо взрывается ливнем.

Очень холодным ливнем. Тонны воды избивают наше авто, создавая вуаль Межмирья.

Корпус машины гудит от тугого неистовства дождя...

Прерывание...

Опять волна.

Волна за волной.

Мы замёрзли. Очень замёрзли. Грустно и светло. Чисто и расширенно сквозь воду.

Вездесущую воду.

Придорожная заправка. Рис. Мясо. Салат. Разговоры. Улыбки. Любовь...

В её Поле.

Светлая печаль...

Переезд.

Перелёт.

Украина.

Один бесконечный день.

День сновидческой реальности.

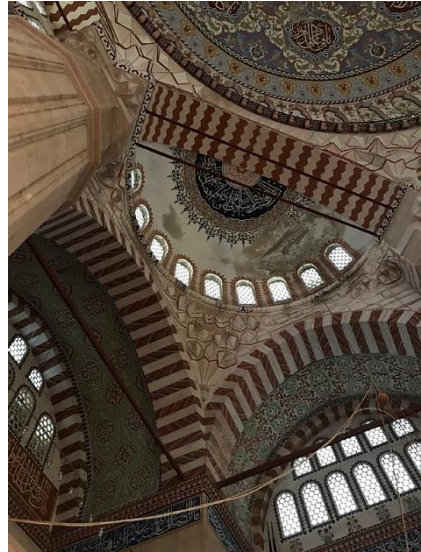
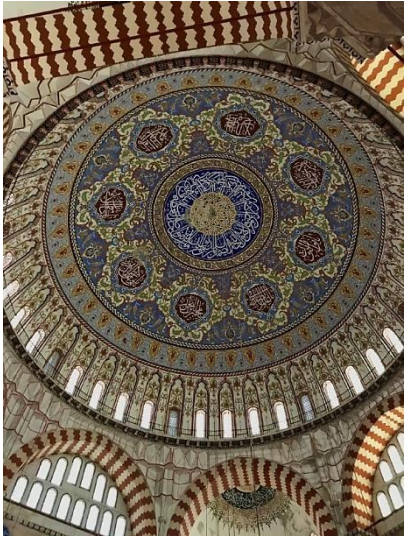
Тёплым, небольшим, сердоликом он погружается в шкатулку истоптанной тропы.

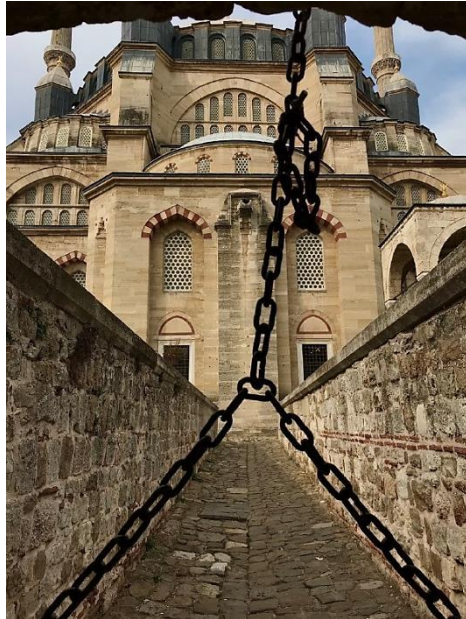
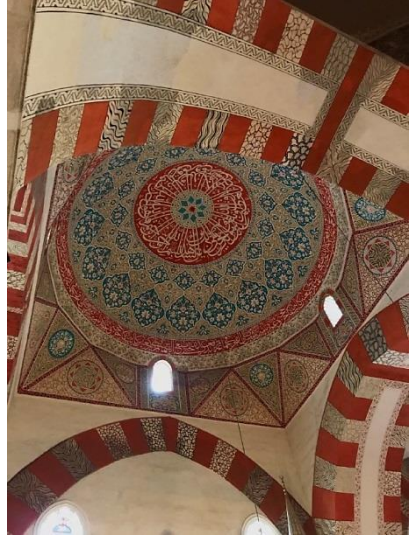
Серой пилигримской тропы...

На нашем плаще: NNDNN.

В Сердце — SNTDG.

АРИСТАТА ЭТЕВИТАТ освещает Чистый Путь.

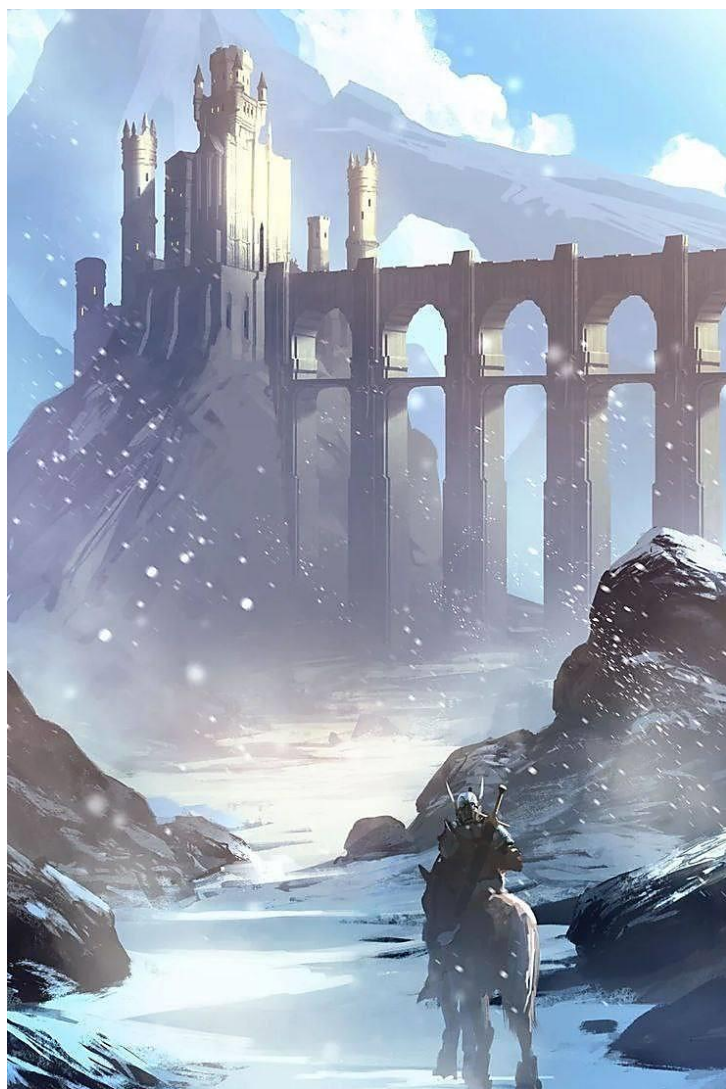

Глава 2

От Так к Там.

Вечность...
Смотрится в зеркало моей памяти
Так обретая свой такт
Так разбивая бивак
Так.

Вечность:
Озеро холода Пламени.
Смотрит всецело во Мрак.
Сны раздавая за так.
Так...

Вечность.
Феерия островов.
Глощает конкретику снов:
В Свет.
Однородный.
Прозрачный.
Такт.
Так.

Вечность.
Один.
Пасмурный день: серого неба
Снег.
Так.

Снежинка и снежинка.
Два.
Реки, Моря...
Атлантический Океан.
Там.

Там...

ОПУС ТВОЙ

Отметины клинков на латах
Прохладой звёзд в узор вплелись
Заплатами из книг булата
Легли на раны снов цветы.

И те цветы — есть ясность боя
Пронзание насквозь Мечом
Легчайшая победа стоя
Свобода двигаться Копьём.

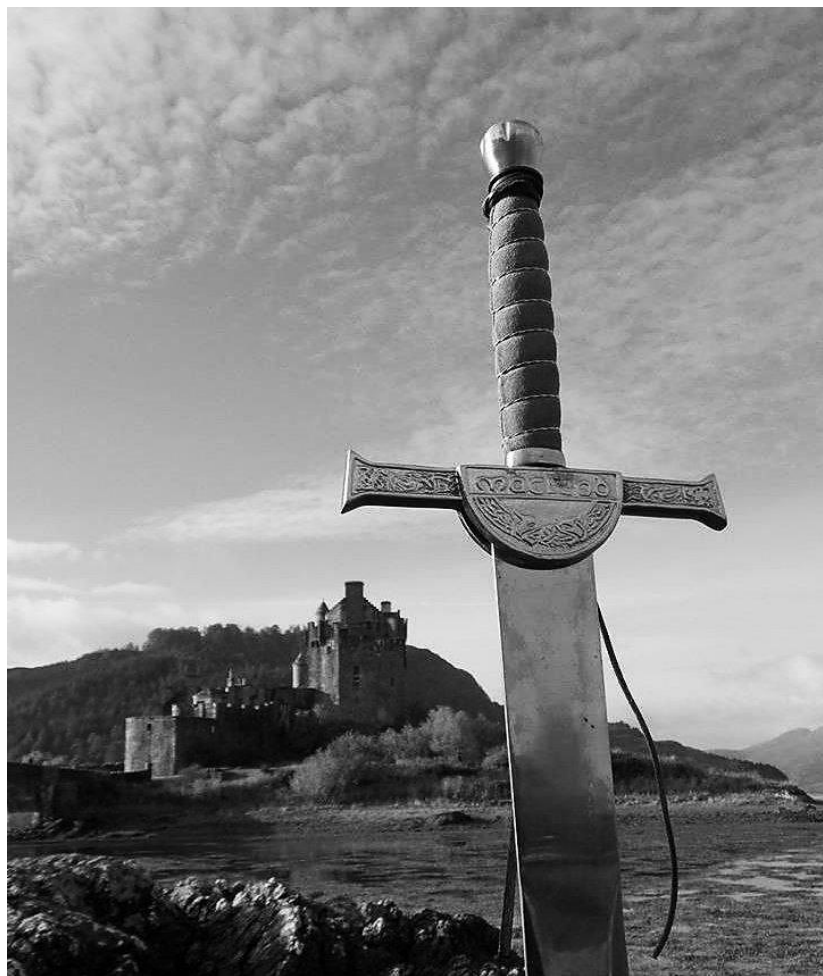
Копьём в ажуре Лабиринта
В цветок Звезды, чей хладен свет
Реинкарнаций ротапринты
Отбросить, встав с немых колен.

Никто не нужен и не жалко
Не агрессивно и не в масть
Идти узором не из писем
И память полностью принять.

Нет отвердений...
Вожделенья спускаются туда, где мел
И разноликость отверженья
В стеклянном месте — не удел.

Есть только Ясность и Свобода
Есть Круглый Стол,
Грааль Святой.
В начале найдена Основа...

Всё остальное — Опус Твой.

ПУП НОВОЙ НИЩЕТЫ

Нужно ли выздоравливать?
— корыстна эта стезя.
Но и болеть, оправдывать —
Значит губить себя.

Любая польза — иллюзия,
Так страх попадает в дом.
Всякий колчан стремлений:
Каталог размытых имён.

«Что» «для чего» и «за сколько»:
Вместо дат на кресте.
Суммарная зримая польза
«Духовность» в обманах окне

Извлечь из события выгоду
(поняв иль забыв про сие)
Бумагу комкая прикидывать —
Что: туалет или дом

Заботиться о здоровье,
Пьянствовать ночью и днём.
Всё то же:
Сюжеты испуга и
Смерти тотальный тон.

В фортуна такой только крутится
Мутного сна Колесо
И жизни цветы упрятал
Грязный и мёртвый бетон.

Есть только обратное капище:
Жертва тотальных божеств
Лучами взорвать тело ужаса
В блаженстве — на щепки ларец.

Хоть был он изрядно расписанный
В костёр все запчасти идей
Горение вне стремления:
Собор возводимых Гвоздей.

Те Гвозди твоё всё здоровье
Прибьют на изнанку тоски
И волками звёзд Сфера Мудрости
Прошепчет Ученья свои.

Учение про Единое:
Там нет ожиданий и мер.
Надежды и страхи отброшены
Свобода разбития тел

Где нету охраны желания,
Там нету лица палача.
Где ты не считаешь и меряешь:
Там... Бог... Сатана и судьба.

И нету воления рая
И адские страхи мертвы
Сияет Звезда, Пентаграмма —
Пуп новой, другой Нищеты.

Там Источник...
Пустыня
Вязь следов на песке

Кораблю пилигрима
Рады в «нигде»

Ибо посох пронзает слои вещества
Растворяя материю в жест Хрустала

Посох соткан из неги далёкой Звезды
Одиночество дышит в ночи и дни

Нет опоры в посулах
Нет испуга угроз
И не спится от жизни комфорта

Эта странная Птица,
Немой Альбатрос
Из Прозрачности —
Наша Реторта

Серебристо распахнут
Пред битвою щит
Меч из Стали
Воздет к горизонту

Одиноко и тихо идёт Пилигрим
По цветочному полю пригорка

Та Пустыня бела
И открыта она
Потерявшему знаки и вехи

Плавно-мягко плывёт
В своём Корабле
Отсекающий сонные веки

Руны звонко роятся
В привычном клинке
И реликвии в яблоке боя
Чаша Светом полна
И Триада Вина
Завершает Мистерию воли

Та Свобода открыта в границы ресниц
Нету нужд в пресечениях атаки
Одиноко ступает Тамплиер-пилигрим
Кровь на Снег:
Сигнатура и Знаки.

Знаки Света и Тьмы
Те же ночи и дни...
Опус быстрого пенного Моря

Не раним
Не ценим
Не сосчитанный Им —

Пилигрим,
Умирающий стоя.

В ОГНЕ «INRI»

Как мало в нас прощенья...
Адские существа: тела —
Фиксированные камни
Брошенные в никуда

Как редко слеза облегченья
Воском тёплым сойдёт
Свинцовые посидельцы
Тюрьмы где включён отсчёт

Тикает рваное время
В прицеле страхи и смерть
Стёрлись до пепла колени:
Рабское место есть

Озеро здесь пустыня
Вульгарны слова и судьба
Вдова потеряла сына
Вышел на след шакал

Тошнотно рождённый мальчик
Будет убит змеей
Плакали майские травы:
Никто не пришёл домой

Нету уже маршрута
Боли без центра, круг
Терзают страхи и смерти
Включён обратный испуг

В эту оскомину горя
Ты рождаешь детей
И даже улыбки в дурдоме
Светлей, чем деянья властей

Каменным гостем побудешь
Вкусив яду мутного сна
И уповая на чудо,
Сорвёшься с обрыва всегда
Таков удел человека:
Жить в страхе, хлебая рок
Лекарства уж нету от века —
Наркотик на время спасёт

Ты можешь оставить деток
Ходить на могилы отцов
Но Чёрный Свинец собою
Отравит радостный кон

Тело: тупое проклятье
Время зажатое в плен
Братья других тропинок
Его растворяют в тлен

Прозрачная плоть отменит
Страдания главный маршрут
Даст шанс родиться вне плена
И душу — звездою в Путь.

Тогда понемногу теряя
Проклятие мутного сна
Ты сможешь в обломках рая
Взглянуть пилигриму в глаза

Отбросишь привязки плена
Увидишь тюрьмы дела
Иллюзии, перемены:
То — Лабиринт из себя

Идя по его извивам
Узреешь Готический Храм
В витражную Розу вольётся
Твой переплавленный крам

Возможно, ты сможешь прозрачно
Вбирать, сиять, отдавать
И смерти проклятье станет
Не более чем стакан

Посудина с тёплой водою:
Слёзы казнённых сердец
Кровью налитый по грани
Стеклянный и чистый ларец

Далекие Океаны:
Здесь нету смерти и зла
И страха злые стаканы
Сброшены в якоря

Тотальное Синее Море
Обманов закончит отсчёт
Вне боли казнённого дома
Тело иное придёт

Из пепла твоя диадема
Расплавит незрячесть слепца
Сражался и вышел из плена:
Блаженство ступать неспеша

Отсюда и в Вечность
Вне тела

Отсюда — из смерти
Она

Кристаллом Плода распахнулась
Свобода от рабства и сна.

Уйдя и вернувшись росой
Поднявшись и низойдя
Тайну Камня открыла
Рождённая в Бога, душа.

Слова...
Отраженья загадки
Их пафос, порою, претит
Энигму Смысла в ящик
Культура всегда затворит

Так странно живя в Перекрёстке
Не бойся и не тупи
Букв сочетание «INRI»
Эссенцией в Сердце вмести

Птица Гамаюн не нуждается в духовнике.

Вы любите мажор
И джаз...
Страх Смерти в вас.

Отказ

Фиксация знамён
Сплетенье чужих имён.
Живя на равнине
Во сне и в тине

Змея

Она твоя Госпожа
Ты лишь цитата из сна
Лицемерия провал
Купол простелен в барокко овал

Византия

Сонмы приторного Юга
Бесконечный хоровод
Сладкого друга

Индия

Множественность горизонтальной
Складки: «да». Или «нет».
Адвайты балет

Культура

Ящик закрытый весной
Мистика и третюра
Магии Меч за спиной

Сбросив мажор и джаз
Отказавшись адвайты за раз
Распахнуто вне православия
Поправ Сатану и судьбу...

Иду

Прозрачно иду

Духовник поник:
Он не может рождать наставления:
У него свои заплетения

Буквы эти — в расплав.
Оттуда — Руны.
Новые Смыслы и Струны.

Алхимическая Арфа:
Семь небесных струн.
Алхимическая Арфа:
Птица Гамаюн.

Нам Семёрку посчитали
Семь избитых струн
Нас планетами порвали
Шлюха ты, пестун.

Семь множится в миллионы
Множества страна
Здесь у демонов колхозы:
Там и якоря

Говорите вы цитаты
И абсурда звон
Камуфлируют собою
Страсти и закон

На опорность киданули
Ведь окопов тон
Наиболее надежный
Как могил притон

Потому так дружно ходят
Все почтить гробы
Там уже закончен строго
Трепет суеты

Герметично гроб обнимет
Тело и судьбу
Лицемерно дети вспомнят
Каждый песнь свою

Что ты жил
Что просто рядом
Запахи и звук
Не имело это Смысла
Не нашёлся Друг

Но не страшно, эта повесть
Просто зла судьба
Страх тебя бросает в сети
Страсти — якоря

А бывает...
А бывает: засияет Луг
И прозрачным тело станет,
Озарится вдруг

Без намерений и воли
В нищем духе пуст
В Восьмерице проявление
Дева — Чиста Суть

Пресвятая Снегом примет
Грязь, говно и кровь
Белизною всё обнимет
И родится вновь

Не отсюда Икупитель
Свет от Света — Свет
Тайна Истины: Он примет
Всех, кто встал с колен

Не фиксируй по-мирскому
Ты его дела
Вместе с ним пройди ты вместе
Семь и Семь: Моря...

Кровь и Кровь
Смешалась в Чаше:
Ты испей Вино
И сожги себя ты в Сердце
Бога Одного

Эти глупые рассказы
Я писал в ночи
Вифлеема событийность...
Тайный Огнь: пошли

Гвозди в тело
Зафиксируй
Больше не лукавь
Серебро они, пожалуй,
И, быть может — Сталь.

Кровь вонзилась откровеньем
В первый Снег тебя
Очищенье и всебденье
Антидот от сна

Имя Бога не напишем
И своё сотрём
В Океанские просторы
Там наш отчий дом

Блудный Сын придёт без мяса
Прямо в Океан
И Стеклоанное творенье
Распахнётся там

Книга Истины сожжётся
Тихий звездный свет
Пепел, Луч...
Всеполюный Гнозис:
Нет различий.
Нет.

Провисает...

Томная нега летнего дня
Скоро дождь...
Раскрутился с замаха истомы
Молнии меч

Янтаря...

Жаждет душа словно земли сухие
Влаги дождя
В кратер горла соитием пряным —
Гроздья Вина

Лес...

Распаренный солнцем, затих
Он в расплаве цветов, зеленью листьев,
Юный старик

Молния...

Пересекла
Слова и реченья, слои и свеченья
Ума

Вода реки
Замкнута шепотом белым
В прибой

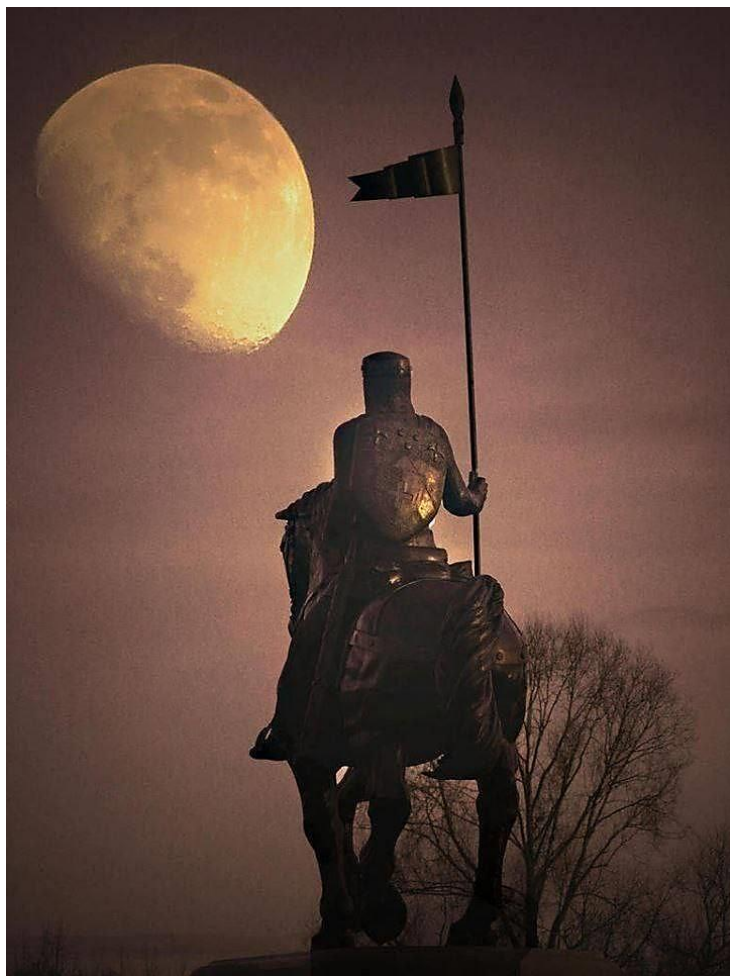
Закрой
Себя в герметике нерассеивания

Тогда...

Вберёшь отражённый Свет
Свой от себя
И

Алтаря
Тайна

«Да»

Нимфы плачут когда опадает листва
Эльфы майскими искрами рая
Осень вводят в мистирию Края
И весну пеленают в причал

Там стоит под ветрами корвет
Он на Запад сейчас отплывает
Остужённое нимфами «нет»
Атлантически «да» принимает

Две Звезды третью Морю несут
Stella Maris в Огне проявляют
Букву «I» на носу прикрепляют
И свободен далёкий маршрут

А Вода?
Что Вода...
Одиноко разверзста, полна
Сталь и хмурая сущность пучины
Атлантически светит корвет
Ветер воет про «нет», ещё нет...

И далёкое странное «да»
Приглашает в себя Ходока.

Стальная кожа:
Рыцарский доспех
Он забран зеркалом обратным
Герметiku судьбы собрав попятно
Клинку врага прикажет «нет»

Литое чувство непрерывных лат
Металл на теле, в ножнах и у пульса
Руническая свадьба безыскусна
И путь идёт сквозь бездну вед

Стремительный сраженья хоровод
Забрызганные нашей кровью латы
Две даты: так обычно и вне строк
Они сличают смертные заплаты

Небытие до входа в никуда
И смерть, пришедшая внезапно
Разрубленные в пену облака
Вино, на твердь меча пролитое закатно

Восточный Путь — то Севера стезя
Из Чистоты нетварный Свет лучится
Не сразу пить нектары Янтаря
Атлантикой умыть себя пред битвой.

Стальная пряжа рубрики «домой»
И книга запятых в узоре троеточий
Кто может суть и смысл на грани ночи
Собрать в котомку, обнаружить Ртуть?

По следу, искажённому Луной
По ритму порождённому Сатурном
Развевая прах и вдохновившись урной
Мерцание нетварное бежит

Ты станешь прямо и ответишь «нет»
Копьё вонзится, попирая кости

Нет чувств, истерик как и нету злости
Лишь должное свершится в свой черёд.

Как реплика прозрачная нема
В литую безыскусность января
Сквозь Вечное Седьмое Сентября
Проявятся расклады Янтаря.

Руническое тело — подожди
Ещё не все вошли в судьбу дожди
Готические Храмы наших судеб
Фиксируют поэзию меча
Ещё горит ранимая свеча
Ещё танцует сквозь тела Меркурий
И радостно-печальное Оно
Вбирает божество сквозь божество.

Глазъ 3

1/ПЕРЕКРЁСТОК. MONTENEGRO.

Итак, после Пилигримажа в Турцию, мы совершили сложное и в чём-то перевальное, Паломничество в Непал. Об этом подробно описано в соответствующей книге.

После — произошёл ряд событий, сюжеты которых нет смысла расширять узором на этом полотне книги: они личные и, даже если представляют какой-то интерес для читателя, вряд ли усилив время по написанию-чтению стоит сего.

Потому, внеличносно означим суть.
Некий Закон Перевала.

Жизнь-вне-Опуса, то есть, «как все» во всевозможных вариациях данной модальности, подразумевает, что человек неизбежно будет частью чужих алхимических Операций в качестве расходного ингредиента. Чаще всего, наведённая на него совокупность злых демиургических мифов не даст ему это даже приблизительно понять: не замечая своего рабства и банальной расходности, персонаж просто будет жить, как живут граждане, попутно пытаясь в меру своих представлений «неплохо устроиться». В этом случае язык мифа плоскостной, замкнутый сам на себя и не дающий даже приблизительной возможности бытийствовать как-то в другом ключе.

Однако, иногда, проявляются люди в корне иные. По тем или иным причинам они распознают в себе Нечто. Некий Огонь...

И они не могут жить рабами.

Потому, очень по-разному, начинают поиск «возможности своей Алхимии». Большинство, встретив множество препятствий на данной тропе, отказывается от упомянутого акта.

Единицы, невзирая ни на что, продолжают ежедневно подходить к возможности такого Преобразования.

Кое-кому удаётся войти во Врата...

Вошедшие, каждый, обретают свой уникальный Лабиринт с присущими ему Барьерами и Магистралями.

Итак: если ты не хочешь, или не можешь, словом — не занимаешься «своей» Алхимией, то неизбежно станешь ингредиентом, объектом, чужих алхимических процессов.

Ибо: Алхимия тотальна и кроме неё вообще ничего нет.

Новый Язык/иная судьба=Лабиринт: вот общая Формула выхода на субъектность в алхимических контекстах.

Для вхождения в такой способ бытия крайне необходима Мужская воинская духовность, которая, практически полностью мертва в нашем измерении вот уже несколько столетий.

Однако: все, так или иначе, проходят некие качественные переходы в контексте собственного опуса. Речь идёт о возможности превзойти колеблющуюся, тем не менее, определённую, синусоиду осевой магистральной вибрации, то есть — совершить качественный прыжок.

И в процессе этого перехода, всегда приходят те или иные испытания; если они не преодолеваются, то оператор рискует упасть ещё ниже, чем был. Порою, риск обретает смертельно опасную характеристику.

Определённые изменения, зачастую, накапливаются незаметно и потому, собственно фаза перехода с упомянутыми испытаниями (своеобразными экзаменами) может обнаружиться резко.

Что-то такое, судя по дальнейшим событиям, начинается у меня с Пилигримажа в Непал.

По возвращению — усиливается ещё больше. Через месяца два, вроде, понемногу, начинает спадать...

Словом: мы направляемся в Черногорию.
MONTENEGRO.

Собственно, только сие название и звучит сущностно, а так, Черногория предчувствуется больше как: «без особой Эссенции, страна».

Так ли это?

Правильны ли эти предвосхищения?

Первое содержание данного Паломничества, вернуть петлю судьбы на круги своя, обратив Магистрал на Запад.

Уже ясно: Хорватия — крепостной вал Запада и она знала Рыцарство.

С Черногорией непонятно: может что-то есть и здесь, но пока сие никак не ощущается. Нет чувства сущностного притяжения к стране. Есть — радость от направления, от Запада.

И этого вполне достаточно.

Итак — мы улетаем на Запад, пусть и немного южный, но всё-таки европейский.

Книга.

Трактат.

Традиционалисты: Генон, Эвола, Головин — какие у них прекрасные и строгие книги, практически, соответствующие всем требованиям научного труда.

Есть ещё художественная литература: с высоким слогом, порою, даже излагающая нечто глубокое и сущностное.

Существуют, также, некие литературные дневники: мемуары, путевые описания, фотоальбомы...

Книги Пилигримажей Вечного Сентября не относятся ни к одной из вышеупомянутых категорий. Вроде бы, намёками и фрагментами сообщается нечто традиционалистическое: но нет, при вхождении в такой текст с таким ожиданием читатель получит замешательство и недоумение.

До художественной литературы тоже далеко...

Может это дневники описаний?

Сомнительно.

Тогда: зачем же?

Есть ткань.

Нитки. Разных цветов.

Вышивка...

Описание Пилигримажа только способ передать то, зачем и в чём он свершается. Однако, сюжет конкретной судьбы вливает живую воду в общий объём идей Опуса.

Невозможно алхимический способ особо жить жизнь изложить в учебнике: ибо нет способа зафиксировать в книге Тайный Огонь Делания.

Книгой можно коснуться. Того, кто уже как-то сам себя призвал в армию Освобождения.

Текст может содержать слова в различной манере их сочетания: от строгого научного труда, через цветник художественного повествования до поэтических аллюзий...

В любом случае, он проливается словом и через слово. Так, порою, в знаково-фонетическом акте слияния, иногда, случается Таинство передачи: книга, сгорая в Атаноре ума, вспыхивает уж очень красивым, редким и содержательным узором, проявляя так недвойственный аркан вращения судьбы.

Особая книга даёт читателю Реальность Преобразования...

Глаза.

Они вбирают буквы. Внутреннее сознание губ касается лепестков фоном, а переливы базового Огня воображения демонстрируют своё кино.

Так читатель сгорает в Атаноре книги.

Огонь сгорает в Огне.

Свет сливается со Светом.

Какие здесь цвета?

Пожалуй, сияюще Чёрный и Зелёный. Трава Дракона и бархат Нашей Ночи.

Серебряный клинок однозначно уместен на таком сиделище.

2/МОНТЕНЕГРО. ВРАТА КОТОРА.

Перелёт проходит мягко и легко. Невзирая на Карантин, мы находимся в самолёте без масок, нам вяло говорят их одеть, мы не одеваем, нас оставляют в покое. Летим серебряно.

Сон.

Посадка.

Выходим.

Пространство совсем другое, чётко ощущается прыжок в иное Измерение, божества здесь совсем отличны. Вроде бы рядом Хорватия, там мы провели немало счастливых дней, вроде бы здесь должно быть похоже, но нет — Монтенегро орошает другим настроением.

Хмурые тучи, воздух, как ни странно, довольно прохладен (особенно, после киевской жары), стеклянные капли редкого дождя и феерия разнообразия запаха пропаренных душистых трав. Особенно интонирована лаванда...

Ленивая блаженная нега.

Никто масок не носит даже в аэропорту, мы их так и не одели со времени полёта, никто ничего на эту тему не требует — расслабление и беззаботность царит в Монтенегро. Всем треволения большого мира абсолютно безразличны.

Только редкие западные туристы опасливо нырнули в бухты своего уставшего зловонного выдоха, так и не решившись снять маски.

Приезжаем в Котор.

Быстро заселяемся.

Почти десять месяцев дыхание тела пережигало воздух Востока: Турция, Узбекистан, Непал...

И вот он, Запад.

Да, Котор вполне неожиданно оказывается именно западным градом, местом коагуляции соответствующей герметической Ойкумены.

Вот оно: измерение Камня.

Мощеные крученые улочки, впаянные в них дома, дворцы и Храмы. Порода дикая, порода, резанная на кирпичи и составляющие: ощущение, будто застыл некий волшебный воск. И в каждом таком камне содержится крупца золотого расплава, который, одновременно, ещё и янтарь.

Бестиарными акцентами Бога-всё-ещё-живого застыли в самых различных местах Котора хвостатые звери с самовозникающим сиянием очей — коты.

Точнее и правильнее, всё же так — Коты.

Их величества.

Душа тихо радуется и меч попадает в свои ножны. Вот он дом. Наша Рыцарская Родина.

Слово «цивилизация» употреблять не будем, поскольку, похоже, оно исходит от «Кибела-Цибела», потому, вполне себе подразумевает «Кибелизация».

Котор ещё вообще не освоен, ещё ни одно чрево ни одного Тампля не приняло совокупье тел моих. Только — улицы.

Только, расплав родных камней.

И, конечно, Коты: чёрные, рыжие, трёхмастные.

Просто ходить...

Дома, домики и одинокие руины.

Вон — знакомое блаженство Готического колеса на храме. А здесь — геральдический акцент нескольких фигурок у окна.

Город.

Особый тип города, Каменная Шкатулка.

Сохранённые крепостные стены. Башни. Много ступенек. Уличные кафе и рестораны...

Всё это — Мистерия Улицы.

Всё это — алхимический трактат в камне.

Восточные города в корне отличаются. Они по-своему прекрасны и аутентичны, однако, их опус, их Герметика — в корне иные.

Котор невелик. Он сам прижался маленьким котёнком к скалистой горе. Однако, структура его улиц такова, что они всё время забирают немного в некую спираль, всё время немного

сходят с линейной геометрии, постоянны в упрямой риторике раскованной интерпретации континуума.

И потому, нет ощущения тесноты пространства: это нечто особое, так как собственно большого объема здесь нет и приблизительно. Тем не менее, изобилие свободы, выраженное в каскадности пространственных решений, забирает в сказку огромного волшебного мира.

Как будто предчувствие Рождества, словно — жизнь вот-вот распахнется щедрым жестом почти невозможного чуда.

Золотой расплав, сияющие жилы Века Солнца, всё ещё пронизывают звёздными самоцветами каменную плоть Котора.

В который раз ясно зришь: религия глубоко вторична, дело конкретно в Алхимии и в Герметизме, именно они создали всецело неповторимую ойкумену Европы. Ощущается без сомнений: сей град — часть Империи Камино де Сантьяго.

... пожалуй, любой по-настоящему европейский, город, не просто некая культурная данность, хотя есть и это. За внешним фасадом, под слоем приторного барокко и ханжеского классицизма, сокрыты тайные руны Алхимического трактата. Это и есть главный родовой признак Западного Города, как концентрации соответствующего Гнозиса Гермеса.

Синий вечер.

Совершенно особенный, синий, цвет вечернего неба. Парящие громады скал, ровная золотая пульсация Котора.

Вход во Врата Запада состоялся.

Возвращение домой.

3/МИСТЕРИЯ КОТА. КОТОР.

Как всем известно, Кот является священной бестией в Древнем Египте.

Пожалуй, главный ключ к этой теме — автономное свечение глаз. Сия тварь обладает (или проводит) некое прохладное сияние и оно не зависит от внешних источников света.

Второй, не менее важный момент — мурчание. Оно представляет изотропный звук, точнее, вибрацию устойчивой волновой характеристики. Кот как бы растворяется в этом, теряя устойчивые контуры материального отреза: возможно, так он интегрируется в Великого Кота глубокого Изначалия. Когда Кот мурчит он пребывает в блаженстве: таким образом, сие являет некое живое тельце буквально распространяющее волну неземного блаженства в мир этот.

Может, в том числе и потому Кошачьи столь любимы всеми хорошими людьми.

Кот, в отличие от собаки, всегда сам по себе. Он врачует эго хозяина просто игнорируя его.

Кот крайне редко делает что-то против своего желания, он плохо поддаётся дрессуре.

Правда, чёрный маг Куклачёв таки смог закабалить это священное животное, но, думается, ещё случится расплата и за этот тяжёлый грех.

Кот уничтожает змей, мышей и крыс. Это не только выгодно для хозяйства и безопасности человека, но и связано с глубокими взаимодействиями в рамках жизни бестарных божеств.

Обратимся к цитированию некой статьи, которая обзорно знакомит с культом Кота в Древнем Египте, только следует иметь в виду, что написана она весьма профанно, по-современному, и потому, пожалуй, имеет смысл держать неким калибратором прелюдию данной главы (см. выше) как некий настрой на суть этой тайны. Также, в нашей книге посвящённой Турецким Пилигримажам содержится материал, посвящённый Коту в Исламе.

В таких /.../ скобках позволим себе наши комментарии в цитируемом тексте.

Итак:

«Древний Египет был преимущественно аграрным государством, потому египтянам приходилось регулярно сталкиваться с грызунами и змеями, которые угрожали целостности урожаев и безопасности людей. Фермеры обратили внимание на то, что дикие кошки с радостью лакомились всевозможными вредителями, и старались приманить их в свои поля рыбой и прочими вкусностями. Такой расклад пришёлся кошкам по вкусу: рядом с человеческим жильём они имели постоянный источник еды и защиту от крупных хищников. Во времена Древнего Египта зародились истоки селекции, люди отбирали особей с наиболее выгодными им характеристиками, и постепенно из некогда дикого животного кошки превратились в верного спутника. Известно, что древние египтяне даже на охоту ходили с кошками, которые отлично справляются с мелкой дичью — неожиданное проявление командного духа от столь своевольных животных. Египтяне почитали кошек как игривых и ласковых компаньонов, а также как невероятно умных и ловких хищников /вполне возможно, что всё произошло ровно наоборот: некие Звёзды Богов, лучами Котов, пришли своим Присутствием в повседневную жизнь людей определённой Священной территории.../.

В захоронениях времён Нового Царства (1552–1069 гг. до н. э.) нередко рядом с рисунками богов и умерших людей стали появляться кошки. Как правило, на стенах гробниц изображали сюжеты совместного времяпрепровождения: охоты, отдыха и т. п. Зачастую в настенных рисунках людей облачали в лучшую одежду и драгоценности — не лучший выбор наряда для выслеживания добычи, потому кошки в этом хаосе несоответствия выступали законодателями порядка, защитниками своих семей. Особенно любопытную фреску археологи обнаружили в гробнице вельможи Небамуна: глаз его кошки был инкрустирован золотым вкладышем. Ещё одной популярной сценой в египетских гробницах было изображение верной кошки, сидящей рядом с хозяйкой дома с приподнятой лапой — как бы предлагая ей свою дружбу и защиту /здесь речь как раз идёт о тотальной трансляции определенного Присутствия/.

Египетское название кошек «миу» («mjw» для мужского рода и «mjwt» для женского) относилось как к диким, так и к одомашненным животным. В Древнем Египте не существовало традиции давать кошкам индивидуальные клички. В Книге рекордов Гиннеса обозначена первая кошка, получившая личное имя в годы правления фараона Тутмоса III (1479–1425 гг. до н. э.). Её звали Nedjem, что переводится как «милая» или «приятная». Словом «mjwt» — «кошечка» — в Древнем Египте было принято называть маленьких девочек. Немалую роль кошки играли в интерпретации снов древних египтян: по давним поверьям, встреча с кошкой во сне предвещала спящему отличный урожай /опять же: Кот — вестник Сакрального/.

В Древнем Египте существовало два основных подвида диких кошек: камышовые и степные. Первыми были одомашнены степные кошки, которые имели более покладистый характер, однако позже представители этих видов объединились в породу, родственную современным Египетским Мау. С одомашниванием кошек претерпел изменения не только их темперамент, но и внешний вид и анатомия: в связи с исчезнувшей необходимостью в маскировке их окраска стала ярче и разнообразнее, уменьшился размер тела и объём мышц, а также редуцировались отделы мозга, ответственные за инстинкты выживания.

Хотя кошки долгое время играли немаловажную роль в повседневной жизни и быте древних египтян, настоящий культ кошек начался в X веке до н. э. с расцветом почитания богини плодородия и солнца Баст /Кот как бы является Солнечным Лучом.../. Эту богиню изображали с головой львицы или кошки, а возле её ног резвились четыре котёнка. С началом нового культа кошачьих стали считать священными, богатые семьи назначали для ухода за ними специальных служителей, причём эта должность была достаточно уважаемой и переходила по наследству. В память об умершей кошке её хозяева сбрасывали брови и держали траур на протяжении 70 дней, а убийцу кошки ждала верная смерть от рук разъярённой толпы. Древнегреческий историк Диодор Сицилийский однажды описал расправу народа над виновником неумышленного убийства кошки: римская повозка случайно переехала животное, а управляющего ею римлянина насмерть забили камнями.

Помимо Баст, древние египтяне отождествляли кошек и с другими божествами. Богиня охоты и войны Нейт периодически

принимала облик кошки, а сам бог солнца Ра превращался в Великого Мау — рыжего кота, поразившего змея Апопа, который олицетворял мрак, зло и хаос. Во всех заупокойных текстах, например, Книге врат, Книге мёртвых и Книге пещер, в пути через подземный мир Ра сопровождают кошки или подобные им божества /обозначение Священного Присутствия/.

Геродот также писал о том, что порой возведение кошек в сан священного животного играло с египтянами злую шутку. В 525 году до н. э. персы воспользовались любовью египтян к кошкам: во время осады города Пелузия персидские солдаты пошли на город, неся кошек в качестве живых щитов. Фараон Псамметих III не мог приказать начать атаку, ведь от стрел и копий могли пострадать невинные кошки, потому город пал без боя /очень интересная информация: Кот связан со Священным, а оно — больше жизни, выгоды и страха.../.

Особое отношение египтян к кошкам также проявлялось в запрете вывоза животных в соседние страны. Вопреки запрету, иностранцы иногда похищали кошек, а местные жители всеми пытались вернуть их на родину. Древнегреческий историк Геродот упоминал в своих работах о том, что во время пожара люди старались спасти своих любимцев и окружали горящее здание, чтобы кот не постарался в него вернуться. Считалось, что гибель животного в пожаре накликala на его хозяев большую беду.

Как правило, после смерти кошек мумифицировали: тело погибшего животного заворачивали льняной тканью, умащивали благовониями, которым могли позавидовать многие люди, и бальзамировали. Нередко в саркофаг кошек клали угощения и игрушки, с которыми они любили играть при жизни. Существуют теории о том, что иногда кошек приносили в жертву богине Баст, так как в её храмах были обнаружены целые некрополи крошечных мумифицированных тел. Это предположение так и не получило никакого подтверждения или опровержения, однако, возможно, эти некрополи служили своеобразными кладбищами домашних животных».

(Источник: https://knowhow.pp.ua/cats_egypt_cult/).

В Которе множество Котов, причём, большинство из них явно не бедствует, будучи прилично упитанными и не запуганными.

Хвостатые спокойно и с достоинством сфинкса возлежат в самых разнообразных местах. Их подкармливают, гладят, фотографируют.

Коты смотрят сквозь людей, будто они прозрачные и там, далеко, через такое стекло видно тайную Звезду Котов. В её сердце и глядят сии звери, созерцая какую-то Эссенцию, обретая свой Эликсир.

Понятно, Кот — животное алхимическое, он герметически сохрэнён сам себе и сам в себе. Сидение плотной горкой является особой практикой...

Первый полный день в Которе, что-то около часа дня.

Удар молнии.

Капли...

Ещё удар.

Небеса разверзаются и буквально обрушивается ливень.

Хозяева града, самые разнообразные Коты, не дураки мочнуть: все они уютно пристроены под навесами, арками, стульями и в других сухих местах; несколько недовольно созерцают падение вод.

Кот, кстати, не любит воду и всегда подозрителен к ней. Он брезгливо стряхивает лапки, так удаляя эту «пыль Кибелы».

Котор оmyвается мощными струями ливня. Серые камни сливаются с серой расплывчатостью дождя и кажется, что град эфемерно дрожит, немного попадая в иномирье.

Тут и понимаешь: он попадает туда, где как раз и обитают Коты.

Постоянно и вполне уверенно.

Фиксированно.

Не исключено, что Кот — это как бы эссенциальное семя Льва. Именно, Кот...

В этом, похоже, сокрыта своя, вполне оккультная, поэма.

С неё и начинается Которская Мистерия.

4/КАТАР: ИЕРОГЛИФ MONTENEGRO. СВЯТОЙ ТРИФОН.

Порою, название «Котор» обнаруживается как «Cattaro» (итал.), что весьма созвучно фонеме «Катар», т. е. «Чистый». Есть ли какая-то связь Котора и альбигойцев, неизвестно.

Может это, не более чем звуковое созвучное совпадение...

Котор весьма своеобразный и интересный город, определяющее влияние на него оказал, пожалуй, венецианский Логос.

Вот описание сего града, оставленное П. А. Толстым в 1698 году:

«Город Катора имеет фортецу каменную и зело крепкую; половина тое фортецы есть при воде на ровном месте, а другая половина обведена по горе высоко для того, что имеют опасение от приходу по земле турецких людей. От тое Каторы живут турки в ближних местех, верстах в 6 и ближе; и всегда у катарцов и у перастян с турками бывают бои и часто бывает перемирье, когда, помирясь, имеют между собою и торги».

(«Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе»).

Как частично видно из этой цитаты, Османы (т. е. Турция и Суфии) упорно пытались взять Котор, но так и не смогли — Венеция и её городская алхимия оказались сильнее.

Действительно, Котор похож на сложную систему реторт: морской залив, высокие скалистые горы; град внизу, окружённый стенами; укрепления, уходящие на несколько сотен метров вверх (Крепость Св. Иоанна).

Главный Святой города — Трифон, ему посвящён Собор, сберегающий мощи онго.

Очень важная деталь: этот Святой родом из Фригии — самого что ни на есть главного места манифестации Кибелы.

Мощи Трифона хранятся в Которе, Москве и в Киеве (Китаева Пустынь).

Вот некая попытка одного из операторов описать объём вышеозначенной энигмы:

«Святой Трифон.

С одной стороны — отсечение носа как символ кастрации. Плюс рождение в колыбели Кибелы. Но, может рождение здесь не как приговор, а как вызов. И отсечение носа он произвел сам, своими руками. Хотя по легенде и по проклятию Богоматери. Здесь проклятие может не как языческая «порча», а как удар молнии гневной формы. Также, отсечение он сделал серпом, которым собирал Амелос. Практически ритуальным орудием. Может, это символизирует то, что Трифон подчинил похоть и Кибелическое влияние солнечному началу и высшему принципу. Причем не в случайный момент, а повстречавшись с другой Великой Матерью — Богоматерью.

На иконах святой Трифон изображается иногда с виноградной лозой, иногда с серпом, иногда с соколом. Опять же, по одной из легенд, сокольный царя упустил сокола и молился (с успехом) святому Трифону о его нахождении.

Сокол на латыни Falco, что дословно переводится как «серп».

«У тюркских народов считалось, что отдавать или продавать ловчего сокола нельзя ни в коем случае, он равен душе хозяина и его жизни на земле. По представлениям народов Средней Азии, потеря на охоте ловчей птицы равносильна утрате ее хозяином души на какое-то время. В фольклоре подобные ситуации описываются многократно. Герой обретает покой и счастье лишь когда вновь находит потерянную птицу. По легенде, хан Золотой Орды Тохтамыш имел бесценную пару соколов, которые давали продолжение славной породе. Тамерлан смог победить его лишь после того, как получил несколько яиц от его соколов, чтобы вырастить подобных для себя и овладеть военным могуществом».

Подобно орлу, он может смотреть на Солнце, не моргая.

В Древнем Египте сокол был самым могущественным божеством. Солнцебоги Гор и Ра были сокологоловыми.

У славян сокол помогает людям, но особенно — воинам. Русские воины часто на шлеме носили соколиные перья. А самого воина называли «сокол ясный». Древние славяне считали сокола первоптицей и первобогом мира — родоначальником жизни

на земле. Существует легенда о том, что сокол принёс на землю огонь — искру от солнца. Загорелось дерево от искры на земле. Так появился небесный огонь.

Сокола очень часто сравнивают с ястребом. Они похожи, но — ястреб охотится вдоль земли, нападая из засады. Сокола же считают виртуозом неба. Он парит высоко в небе, и когда видит добычу, складывая крылья, камнем падает и настигает ее. Также, отличие сокола от многих птиц — особый зубец на клюве.

При помощи этого зубца он перекусывает позвонок на шее у пойманной добычи, чтобы сократить ее страдания. По этой причине сокол считается более сочувственным хищником.

И опять же, связь легенды о встрече Трифона с Богородицею и охотой сокола — гневное молниеподобное действие (пхэт?), но при этом — сочувственное (отсечение носа и смерть жертвы сокола символично можно видеть как уход от власти животного начала)».

Таким образом, Святой Трифон и его Присутствие коагулируется Камнем-Собором и транслируется в данном измерении.

Важно Искусство присказки, намёка и активированной интуитивной пролегомены.

Так душа оператора чутко настраивается на феерию тайн и в блаженстве совершает Операции. Внешние события, в таком случае, лишь контрастно проявляют внутренний Жест: прорастающий вдохновением Микрокосм, разветвляет тело и события в Макрокосме, ради чуда Единой Вещи.

Эта Изумрудная Работа здесь идёт проще, ведь в Которе так много счастливых Котов (которые, в определённом смысле, своим счастьем здесь развернули Древний Египет).

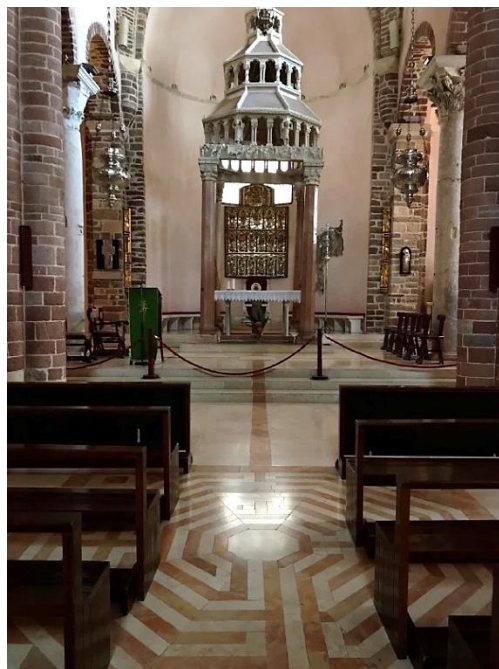
В сочетании с Венецианско-Сербской наполненностью, в контрасте противостояния Османам, возникает нечто вполне уникальное.

В это зеркало также уникально смотреться уникальному оператору.

Радость огненных черепичных крыш на закате, хмурые облака и пейзаж залива немного вдалеке: всё распластано многомерной картиной. Она не масляная, но не гравюра.

Скорее — очень хорошее и точное фото.

5/ФАСЦИНАЦИЯ MONTENEGRO. KOTOR.

Фонема «Montenegro» — будто предчувствие Розы из Шартрского Лабиринта. Она реально fasciniрует.

Глухой раскат грома, удар меча, уже отсёкший голову...

Чёрная Гора.

Чорногора.

Чёрный Камень, положенный в начале дороги. Символ Первоматерии.

Титоград — почему-то Подгорица (столица Монтенегро) была особенно выделена Тито и даже названа его именем.

Вполне вероятно, что Югославия как бы опиралась на Монтенегро, обретая в ней Краеугольный Камень.

Котор: Рим и Византий; Сербское Царство; Венеция... русские влияния — вот основные формирующие Силы.

Османь многократно пытались взять Котор, но не получилось.

Вот как описал Котор русский морской офицер:

«Не видя ещё укреплений, один взгляд на Катаро наводит ужас. Высокая, почти падающая скала, обнесена каменными стенами, по оврагам и чрезмерной крутизне неподражаемым образом улепёнными. Крепость как будто опущена в котёл, над которым голые горы стоят наклонившись. На вершине виден замок; чтобы взглянуть на него, надобно нагнуть назад голову, и устремить глаза вверх... Город построен при подошве горы у моря...».

(В. Б. Броневский — «Записки морского офицера»).

Котор, город в приблизительно равной мере и православный и католический. У местных есть обычай, состоящий в том, что если, к примеру, муж — православный, а жена — католичка, то детей крестят в соответствии с вероисповеданием родителя его пола (то есть: сын как отец, а дочь — как мама).

Такое взаимопроникновение двух частей Христианства, интересным образом результируется в фоновом настроении Котора.

Будто смешали Белое и Красное Вино, то есть Cattaro — это как бы Розовое Вино.

Сие довольно уникально.

Главный Собор города посвящён Святому Трифону.

Изначально — Романский Тампль, однако, Кибела многократно разрушала его своими схватками-землетрясениями. Храм многократно отстраивался: в результате, в нём довольно много новых материалов; снаружи — есть немало барокко; однако — нечто Чистое и сущностное всё же сохранено.

Интерьер серо-розово-беловатый. Прямо по центру, на полу, выложен Лабиринт, похожий по типу на Амьенский. Акцентирована кирпичная кладка, что придаёт особую ритмику интерьеру Собора...

Котор — своеобразный город. Если привольно лечь на волну свободного плавания и идти, стартуя с любого места, куда идёт-ся, практически гарантированно выйдешь к Собору.

Все улочки Котора немного риторически-спирально смещены и потому сей град как бы бурлит вокруг Камня Центрального Тампля.

Эта не-математичность делает Котор живым, без претенциозной гордыни на тему строгой геометрии планировки (которая, чаще всего, превращает град в военный лагерь или заводской придаток, манифестированный «спальными районами»).

Котор похож на томик стихов нескольких русских поэтов Серебряного века...

Он тайно резонирует нескольким ключевым точкам Монте-негро: это вполне осязается какой-то особой настроенческой энigmой сей специфической твердыни.

Уже утром второго полного дня нас магнитит к остальным ключевым местам: Монастырю Острог и Мавзолею Негоша.

Об этом — далее.

6/МОНАСТЫРЬ ОСТРОГ. МАВЗОЛЕЙ НЕГОША-1.

Начнём с оперативного входа в масштабы вопроса, что сразу немного приоткроет полог, сокрывающий Тайну Монтенегро.

Итак: Мавзолей Негоша.

Вершина горы Ловчен, то есть, собственно, Чёрной Горы. Местные утверждают, что она как-то особо уникально высится над «каменным морем».

И вот — сам Мавзолей (пока опустим подъём к нему, общую композицию и тому подобное), его центр в верхнем зале — статуя Орла-Негоша под мозаикой из Золота. Она сияет. Служитель нам рассказал, что там 18 килограмм чистого золота и это реально ощущается.

Вдумайтесь: Мавзолей возведён в 1970–1974 годах, то есть — при правлении Тито.

Этот Воланд явно был не просто коммунистом, и прекрасно знал, зачем сия постройка, зачем ТАК фиксировать Присутствие Негоша и почему это необходимо сделать именно в регионе Первоматерии, то есть — в Montenegro. С этим связано и то, что Подгорицу (столицу Черногории) переименовали в Титоград (так определив близость к Фиксации присутствия самого Тито).

Монастырь Острог, Камень Святого Василия (спасшего христианский опус Черногории от разрушения османами) и Мавзолей Негоша представляют два главных ингредиента по-особому активирующие Чёрный Камень Изначалия (Montenegro).

Острог как бы держит Жреческую Передачу (причём, она под эгидой Православия), а Мавзолей-Храм — Царскую.

Сам Мавзолей, пусть где-то и грубовато, но, всё-таки, апеллирует к Древнему Египту.

Одновременно ощущается связь и с советской и с фашистской эзотерическими подоплёками. Вот только здесь, на горе Ловчен, всё это предельно откровенно.

Общий ансамбль выглядит так:

1. Площадка для парковки и приезда: она, практически, круглая. Словом: место входа в мистериальный комплекс. Диаметр этого плато — 22 м, что может быть

весьма символично. Здесь, похоже, собираются миряне, жаждущие Иного...

2. Дорожка к Мавзолею внутри тоннеля символизирует новое рождение. Довольно крутой подъём предполагает усилия: 461 ступенька при общем угле подъёма 35°. Усилия Пути требуют воли и постоянного стремления вверх.
3. Сам Мавзолей (о нём подробнее чуть позже), пока что заметим, что это колоссальное сооружение в древнеегипетском настроении на высоте 1660 н. у. м. содержит Часовню со статуями Кариатид и Негоша-Орла, а также — Крипту, в которой упокоен сам Негош.
4. От Мавзолея, его северо-западной стороны, идёт дорожка до площадки, диаметром почти девять метров. Официально она обозначена как обзорная. Однако, ощущение, что именно отсюда особо воспаряют новорождённые, после Посвящения, Орлы...

Нужно отметить, что православная церковь очень сопротивлялась постройке сего Мавзолея, тем не менее, последнее решение принял сам Тито и этот комплекс своеобразного Пилигримажа был с большим трудом и огромными затратами таки возведён.

Негош прожил всего 37 лет (1813–1851)...

Он был Владыкой Монтенегро (то есть — правителем Черногории) и одновременно православным митрополитом Черногорским и Бердским. Таким образом, Негош конкретно воплощал двойное Благородство Тамплиера: Воинское и Монашеское, что уже весьма уникально...

Согласно источнику <http://www.senica.ru/serbia/facts/history/serbskie-masonry> и статье «Сербские масоны», он ещё и был членом этой организации.

Вот цитата из упомянутого источника:

«Петар II Петрович Негош был одним из великих сербских и черногорских поэтов, правителем Черногории, епископом и масоном. Он заложил основы современного черногорского государства и объединил светскую и религиозную власть.

Негош считается одним из величайших черногорских поэтов. Его самым впечатляющим творением является "Горски венац"».

Не менее интересно, что сам Негош скорее всего магистрально ощущал себя Поэтом-мистиком. Чего стоит хотя бы название одной из главных его поэм: «Луч микрокосма».

Зачастую, Негоша определяют как самого выдающегося сербского поэта.

Итак: Царь, Священник, Поэт и, возможно, Герметик...

Редкое сочетание.

Можно ещё долго и довольно скучно описывать захватывающую биографию Негоша, но, пожалуй, её очень чётко, ясно и по сути выразили Братья Поэта в структуре Мавзолея и в его энигмах.

Статуя Негоша-Орла.

Находится в Часовне над Криптой. Небо над ней — Золотое, что решено соответствующей мозаикой с 18 килограммами этого благородного металла.

Орёл как бы вырастает из спины Святого, одновременно являясь его Плащом.

Руки Негоша, на первый взгляд странно заброшены сквозь сердце к Орлу. В общем, они соответствуют некой свастичной динамике, создавая смысловую и динамическую спираль: душа Негоша как бы результированная в пневматическую упругость Камня, стала Орлом.

Птицей, которая только и может лететь прямо в Солнце Истины не закрывая глаз.

Ноги скрещены, что может намекать на андрогинную базу целостной пневмы оператора: животность полностью преодолена, ловушка Кибелы попрана, равная устойчивость достигнута.

На этом пока что остановимся и попробуем сосредоточиться на вкусе и смысле поэзии Негоша на примере отрывка из его поэмы «Луч микрокосма».

Сие говорит само за себя.

«Человек кругом окутан снами,
призраки ему в тех снах приходят,
да и сам он вовсе не уверен,
что не превратился в привиденье.
Он пытается придумать способ,
как от этих снов освободиться,

но напрасно льстит себя надеждой!
Человек навек во снах утоплен,
в подземельном сумрачном их царстве,
в зеркалах ужасных сновидений!

Сметка и проворность человека
делают его весьма умелым
на бессмысленном базаре жизни;
только вот у крыльев его воли
кто-то сухожилия подрезал;
поводырь ослепший его водит,
гибельные страсти им владеют;
злоба, зависть, адское наследье
ниже зверя ставят человека,
ум опять с бессмертными равняет.
В этой жизни, временной и бурной,
к человеку не приходит счастье.
Он к нему стремится всей душою,
но не знает, где оно укрылось;
чем к вершине славы люди ближе,
тем от счастья делаются дальше.
О земля! ты, мать миллионов,
счастья сыновьям не посылаешь;
попытаться стать владельцем счастья —
словно выпить чашу Геркулеса.

Время жизни человека кратко,
осень следует за знойным летом,
льдистая зима её сменяет;
дни за днями ходят, чередуясь
и страданья человека множа.
Где же ты, людское наше счастье?
Где оно, желанное блаженство?
Кто безумный ветер остановит,
укротит бушующее море,
кто предел желаниям поставит?»

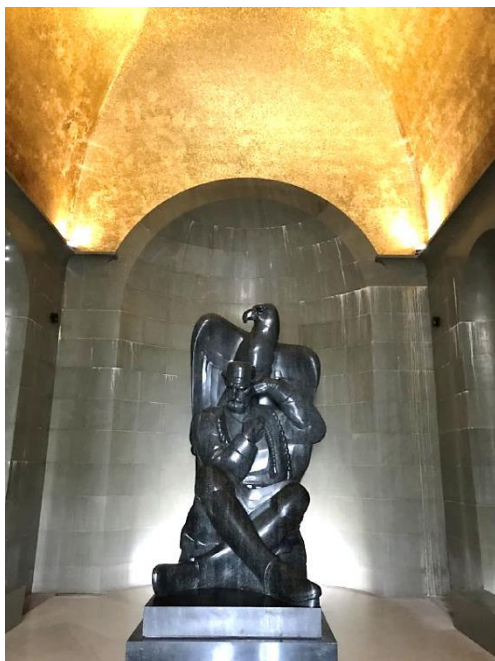
(перевод Олега Мраморнова, Новые переводы: «Луч микрокос-
ма», «Самозванный царь Степан Малый», Петар Второй Петро-
вич Негош).

И ещё:

«Всяко посмотри на человека
и суди о нём ты, как захочешь, —
человек для человека тайна.
Человек — тварь, избранная Богом;
если солнце свет свой порождает
и его сияние не ложно,
ежели земля наша не призрак,
то душа бессмертна человека,
в смертном прахе спрятанная искра.
Мы лучи, охваченные тьмою»

(там же)

7/МАВЗОЛЕЙ НЕГОША. МОНАСТЫРЬ ОСТРОГ-2.

...Мавзолей Негоша имеет явную структуру посвяtitельного центра, куда приходит пилигрим.

Итак, странник вошёл в Котёл Мавзолея.

Справа и слева по пять гранитных, довольно грубых и мощных колонн, похожих одновременно на Дикий Камень и на эхо Древнего Египта.

Прямо перед пилигримом — Колодец: он собирает дождевую, то есть Небесную, Воду. Здесь явная аллюзия к Крестильной Чаше и к первому открытию Меркурия, к выходу в Плавание и к выведению души, как Океаноса для тела.

Далее, вход в саму Часовню из атриума, — её как бы охраняют две статуи Дев; у них несколько различаются жесты (скорее всего, маяк для знающих).

Кариатиды выполняют функции колонн. Как известно, Кариатиды связаны с Артемидой. Здесь можно вспомнить энигму Неваля: Artemis.

Вот перевод этого стиха, выполненный П. Стрижевской:

«Тринадцатая вновь... ты первую предстала;
Всегда единственной? Иль неизменна роль?
Но королева ль ты? Иль ждет тебя опала?
И кто избранник? Ты иль свергнутый король?

Любимая меня любить не перестала;
Любите преданно, вам преданны доколь.
То смерть иль смертная?.. О, благодать! О, боль!
И у нее в руке сияет роза ало.

Но взором огненным небесный свод окинь,
Ты, роза пламени, Неаполя святая,
Узрела ль ты свой крест средь облачных пустынь?..

Летите, розы, вниз! Пылает неба синь!
Сгинь, белых призраков непрощеная стая!
Святая бездны мне дороже всех святынь!»

Важно заметить: «Artemis» в прочтении в манере «обращения Вод вспять» или «убийства Быка Митрой» читается как «Simetra».

Обратим внимание: Кариатид две...

Интересна связь Артемиды и Кибелы: с одной стороны, они — антагонистические женские аспекты; с другой, в определённых сюжетах, эти две Богини почти тождественны. Видимо, как проявится в этом плане Артемида зависит от Силы и устойчивости Тайного Огня оператора.

Важно и то, что Артемида, будучи сестрой Аполлона-Солнца, является Луной (видимо, здесь, в аспекте Чистого Серебра).

Итак, если Негош-Орёл — Золото, то две Кариатиды, под его эгидой, являють Артемиду-анти-Кибелу и Серебро. Их две, что вполне соответствует Simetre.

Женское, вообще — Двойка, и здесь это вполне точно и откровенно представлено.

Негош-Орёл является тернером бинера Кариатид, которые, в том числе, Жрицы Гнозиса, а значит и Шхина-Прекрасная Дама...

Кариатиды почти одинаковы, их руки со стороны входа в Часовню свободно опущены, а вот положение внешних — разнятся: официальная версия говорит, что одна из них — мать, а другая — сестра (потому и жесты немного отличаются).

Кариатиды сотворены с явно выраженным вертикальным акцентом: они стройные и отрешённо прозрачные, развернувшие некое «арийское Присутствие». Две Жены поддерживают весьма массивный архитрав, при этом они — сама лёгкость.

Наблюдается определённая числовая структура: 10 колонн, 2 Кариатиды (сумма — 12); Колодец, Негош-Орёл, — всё: 14, то есть — две Семёрки.

Под Часовней расположена Крипта, где покоится тело Негоша, домовина расположена по оси Восток – Запад. В ней очень тонкое и светлое состояние, похожее на модус Присутствия Суфийского Шейха...

Пишут, что зимой Мавзолей Негоша закрыт для посещения: его полностью сокрывает снег, белая однородность приводит

все дифференциации к апофатической однородности Священной Белизны.

Доминанция Белизны вполне угадывается и в поэзии Негоша, наугад возьмём отрывок из его «Луча микрокосма»:

«Каждый смертный, на земле рождённый,
собственной обителью владеет —
храмом человеческого сердца,
здесь, под сводом жалобы и грусти,
под источенной страстями крышей,
муки сразу всех времён гнездятся.
Родовое горькое наследье
человек оставил человеку,
и счастливейших оно отыщет
в их гармонии, чреватой смертью.
То, что глубоко лежит на сердце,
никому другому не расскажешь;
подаём различные мы знаки,
в жестах разных и в телодвижениях
внутренние чувства проступают.
Но все наши выраженья слабы,
и все наши чувства не покажут
то, о чём нам рассказать хотелось, —
выйдет только лепет несуразный,
бред души, под спудом погребенной»

(перевод: Олег Мраморнов)

Внешний слог вполне явный и потому мажорный, а вот сюжетность — акцентированно минорная.

Странное, очень странное, существо: прожившее всего 37 лет, Правитель Montenegro, Воин и Поэт, Философ и Митрополит Черногории, то ли мистик, то ли герметик и, возможно, масон...

Быть может, Негош связан с преемственностью, идущей от Милоша Обилича, сербского воина, убившего Османского султана.

Вроде бы в православии нет Рыцарских Орденов, тем не менее, существует предание, которое однозначно соединяет Ми-

лоша Обилича с созданием весьма энигматического Ордена Дракона.

Василий Острожский (1610–1671), скорее всего, второе, равное по значению, лицо-архэ Монтенегро.

Это один из главных Святых сербского православия.

Вот цитата, вполне передающая внешнюю Эссенцию опуса жизни Святого Василия:

«В нелегкие времена, когда Османская империя распространяла свое влияние на Балканы, священнослужители и миряне подвергались гонениям и отуречиванию. Именно Василий Острожский своим примером показал как важна для него православная вера — он лично ходил из одного дома к другому и убеждал людей, пытаясь отговорить заблудшие души от греха. Он продолжал поддерживать свой народ и молитвами, и помощью больным и немощным, помогал в строительстве церквей. И по сей день люди считают что именно благодаря его трудам удалось сохранить православную веру в Черногории».

(Источник:

<https://montenegro.in-facts.info/vasiliy-ostrozhskiy-chudotvorets/>).

По преданию, на месте смерти Святого Василия, прямо из скалы, из камня, выросла виноградная лоза.

Ампелос и Камень — исключительно глубокая энигма.

Ампелос из Камня...

8/КОТОРСКАЯ РИТОРИКА БАЗОВОГО РАСПЛАВА.

Котор небольшой городок. Провинциальный. Он примостился тихим котёнком на небольшой площадке между водой залива и довольно отвесными скалами. Крепостные стены завернули этого котёнка в каменное кашемировое одеяло.

Выделяются башни нескольких Храмов, вон — Соборные, а вот — некоего Тампля-у-дороги; вход в град — и рядом Романские формы...

Котор маленький, но большой. Каждый каменный домик формирует поворот и извив небольшой улочки, потому их здесь много.

Магазинчики, товары в витринах, сувениры; нечастые геральдические знаки; спящие коты и котят; интонации утренних и вечерних сумерек... всё это раскрывает Котор навстречу его риторически пластичной истине.

Каменный город весьма сочувственен, ибо он метафизически сух. Тёпл. Воскоподобен и гравюрно контрастен. Он не обременён сырой влагой и чрезмерной рыхлостью, лёгкие лучики Аполлона, пусть и дионисийскими паутинками, приветствуют скиталица бездомного на всех поворотах, закутках и углах.

Странное дело: вечер — это крики туристов, глухие удары поп-музыки, речитативы напевного характера, вопли дискотек и похоть пьяных отдыхающих... идёшь, вдруг сквозь сию мишуру и суету как-то неожиданно тихо и висяще расхристано выныривает заповедник особого молчания.

Дом, лестница, угол, поворот или спящий господин кот. В этом небольшом герметически девственном объёме, циркулирует своя тайная жизнь, по своим законам, в своей отдельной вселенной. Можно прикоснуться сердцем, раскрыть двери оно и дать воздуху войти в воздух...

Есть в Которе особый маяк, вроде и неважный, и незаметный — маленький Тампль: он всё время закрыт и покоится камнем в русле нескольких ручьевых улиц.

Можно пройти в узкий ход между сим Храмом и стеной ресторана рядом: так ты переходишь из мира в мир. Поворот

налево — вот они. Греческий (он же — Тамплиерский) Крест; Крест, вихрящиеся потоки растительных спиралей и — Роза...

Быть может, здесь, в этом закрытом, герметичном Тампле, как раз и обитает сама суть котторской Тишины. Сама причина соборного Кота данного града.

Котор маленький, но большой.

Вполне корректно говорить о «котторской ойкумене». Она многое взяла у Венецианской Цивилизации, однако, Святой Трифон что-то такое сделал с этими ингредиентами и запахло тёплым, сухим воздухом. Травами.

Лавандой...

Василий Острожский замылен и затёрт ожиданием чудес, он немного расплылся в культурном искажении его проведения парусии.

Бьёт в глаза намёк: седое серебро с насыщено синим отливом — так узревается его лик.

Контрастность.

Некая молние-наполненность: синий отсвет нимба. Вытянутость горе, вертикальная стройность единицы тел, помнящей магнит единого синего неба.

Серебряно-Синяя агрессия ранит катафатику смешанных и это раневое отверстие нестерпимо щедро, изобильно ослепительно, сияет золотом. Кровь Благодати валит неудержимой золотой рекой, Солнце — за пронзённой Святым, «реальностью». Это Солнце и есть Христос.

Так обожаются.

Василий, Царь, пробивает Сатану и всюду обнаруживается Христос. Изобильное Золото течёт и переполняет, мир взрывается наизнанку, в распахнутую лёгкость Пречистой.

Вдруг остужающим минором исторгается тотальная вьюга: она метёт сверху, снизу, справа, слева... тотальная белизна.

Только выпал снег.

Всё есть Снег.

Дева Пречистого Снега.

Эта Седина, по примеру жил Золотого Века, становится бородой Святого. Она, это Серебро, опять контрастно вспыхивает ультрамарином...

В золотом Расплаве, вне опоры на материальность, в лаве кипящего света, самопроизвольно возникают Буквы, Слоги и Имена.

Так создаётся Мир.

Так живёт Вечность.

А Котор — просто Рыжий Котёнок Солнечного Бога.

Он мягко разлётся на уступе перевёрнутых определений и поправленных концепций. Ими просто пренебрегли, ведь есть Буквы.

Этого достаточно.

Уютное мурчание.

Всегда.

9/КОТОР. БУДНИ ПИЛИГРИМА. ПЕРАСТ.

Язык.

Оперативный язык.

Он решает очень многое. Структура сознания переплетена его силовыми Линиями...

Страх.

Страх Небытия. Ужас потери себя. Он громоздится утёсом основы. Страх Смерти прямо и опосредованно определяет набор других страхов и желаний, компенсирующих их...

Интуиция.

Наитие.

Ибо как разобраться в правдивости/ложности, как разыскать свой путь в лабиринте рока...

Истина.

С Неё — начало. В Ней — Путь. Там и завершение. Истина выходит за рамки дихотомий Жизнь — Смерть, Время — Пространство, Мужское — Женское...

Кибела.

Великая Мать.

Она количественно пожирает любое качество. Комбайн наличного существования и рабство у страстей и инстинктов. Ум только обслуживает паноптикум инварианта рабства...

Пилигримаж.

Паломничество.

Странствие.

Другое бытие в режимах ухода от Земли. Диагональный полёт к Звезде Парадигмы...

Суэта подлунной сферы.

Друг друга хоронят люди. Из зависти. Рабы охраняют рабов. Тех, кто хочет вырваться, ненавидят все. Потому, Опус подракумеваает Тайну и сокрытие...

Тот, кто надеется и ожидает, неизбежно испытывает страх.

Страх сковывает волю и лишает радости.

Тяжесть цепей: звон музыки повседневных похорон себя...

Эзотерика: знают нечто не все. Всё меньшая опора на базу очевидного и сенсорного, уход от образов к знакам.

Наука: поп-наука есть карнавал поверхностности. Настоящая наука — эзотерика гибели, удел избранных...

Культура растаскана поп-наукой, в сочетании с наукой элит; религия есть равнодействующая поп-науки, культуры и сакрального ядра в уравнении людского приговора и сути тюремного пребывания. То есть: Чёрная Магия.

Техника — её бестиарий.

Жрецы науки выпасают пластик, металл и энергоносители вслед парадигме. Техника и комфорт значительно опередили сознание, описывающее их философически, потому и создаётся IT. Однако, он есть функция машинной привычности в людях, только спонтанный интуитивный жест за этими рамками...

...Романский Храм Котора находится у ворот, он девственно чист внешне и очень неплох внутри (судя по фото). Сей Тампль категорически закрыт и попасть в него можно только в четверг на короткую литургию с 8 до 8.30 утра.

Странно, немо и тупо: такое сокровище и хода нет.

Дождь.

Сильный ливень с грозой.

Единожды, в Которе, во время нашего вживания в него, происходит и такое. Многочисленные господа Коты — все по схрамам.

Иду.

Брызги. Вода. Раскаты грома.

Небольшая церквушка, оказывается — православный храм. Захожу. Священник приветлив. Дверь открыта. Стихия воды претендует на тотальность.

Ровными лампадками прямого стояния горят свечи. Они передают окрест алхимию постоянства и приведения себя пламенным способом к Горизонтالي воска нового неба, откуда уже — старт к уверенной Святости. Так попирается гордыня: огоньки молитв приводят на платформу кротости и блаженства. А уж Бог из этого воска лепит свой Новый бестиарий.

Агнец: энигма данного процесса.

Всегда ставлю две свечи рядом:

- NNDNN,
- SNTDG.

В эти Буквы и Слова вложено всё. Тамплъ входит в Тамплъ.
Дождь и Крест.

Утром четвёртого дня мы едем в Пераст, небольшой городок недалеко от Котора.

Трасса лентой поверху, нужно мягко спуститься в каменный вихресплёт улочек... несколько готических игл башен, черепичные радостные крыши и два острова напротив Пераста.

Треугольник: Пераст — Остров Святого Георгия — Остров Девы на Скале.

Последний, создан людьми: была обретена чудотворная Икона и в её честь в 15 веке, чуть ли не по камню, поверх рифа, сотворён остров-плато.

Примечательно: несколько веков существует Традиция 22 июля приплывать к Рифу Пресвятой Девы на лодке и бросать камень в основание острова. Мы попадаем в Пераст практически проездом и именно 22 июля, в день Соборного Камня. Причём, специально ничего такого не планируется, так получается. Расцениваем сие как определённый знак Фиксации опуса Монте negro.

На Острове Святого Георгия уже более тысячи лет существовало бенедиктинское Аббатство, многократно пострадавшее от лихих людей, их страстей и землетрясений. Здесь сейчас находится кладбище, кипарисовая рощица и здание с острой романской башней.

Остров Девы на Скале венчает Храм в византийско-готическом стиле с сильной примесью барокко. Голубоватый блеклый купол, небольшая Роза, башенка и несколько геральдических акцентов.

Здесь ровно и похоже на пребывание утвари на плоском каменном столе.

Пераст — город барокковый. Хотя издалека больше звучит готической нотой острых башен и, даже, немного романской аскетикой тотального камня.

Внутри церквей всё как и водится в барокко — прихоть, похоть и излишество, а вот экстерьеры — вполне себе копейны, пронзают знойные небеса.

Главный Храм Пераста посвящён Святому Николаю.

Острова фиксируют Присутствие весьма знаковое: Источник Рыцарства Святой Георгий, Тамплиер и Пречистая Дева — совершается Таинство перемены Воинского люцифериянства и гордыни на Парусию Священного Присутствия (и Сатана, и Пресвятая Дева, оба эти аспекта связаны с предводительством над ангелами: Люцифер сброшен, на его месте — Пречистая).

Видимо из-за этого столь гармонично здесь, хотя никаких особых спиральных риторик вроде которской, и близко нету.

Архэ Острова подразумевает некую Новую Землю, в которую можно прийти только через пробужденную акватику души, когда тело уже плавает внутри неё как в Расплаве и в Эликсире.

Солнце палит совершенно нещадно. Отдыхающим это нравится, они исходят потной массой вниз, расхамуливаясь от избыточного жара; а вечером — они же растекаются от алкоголя. Животный секс добивает всё до последней планки растворения в Кибеле. Операция «Кастрация Аттиса» и есть суть пляжного отдыха. Потом дамы своих кастратов уже везут домой. На отдых от отдыха.

Так повторяется от раза к разу.

С небольшими вариациями.

На фоне этой драмы и совершаются Пилигримажи.

Пераст почему-то не хочется конкретно вскрывать хождением собственно по городу и среди домов.

Полоса берега, рестораны у кромки воды, и созерцание двух Островов... кажется, это можно делать очень долго.

Острова и здесь, и не здесь, в другом мире. Причём, Мария на Скале посещается туристами и ощущается доступно открытой; Святого Георгия сокрыт, никто не согласился свозить на него, мол нельзя; он молчит, кипарисы, кучно толпящиеся за серой стеной, затаённо охраняют мёртвых. Между островами происхо-

дит какая-то странная жизнь, их пневы смешиваются, взаимно активируются, транслируют нечто в Пераст.

Остров Марии на Рифе похож на открытую Книгу; Святого Георгия — на закрытый Том.

Вечер понемногу нисходит в бухту. Похищает чёткость форм. Расходится шёпотом волн, а потом и белым молчанием гладкой стены, по морской воде.

Остров Святого Георгия буквально чернеет. Вот уже он — самое чёрное из всего обозримого, практически, портал в иной мир.

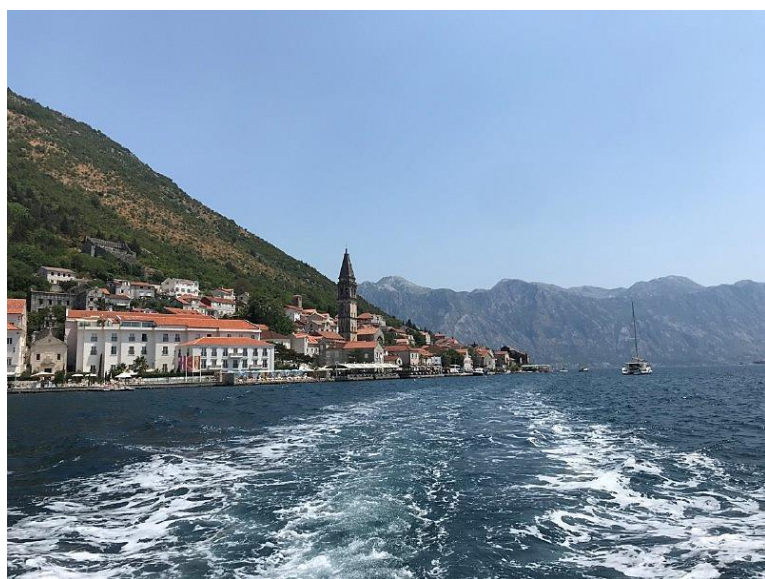
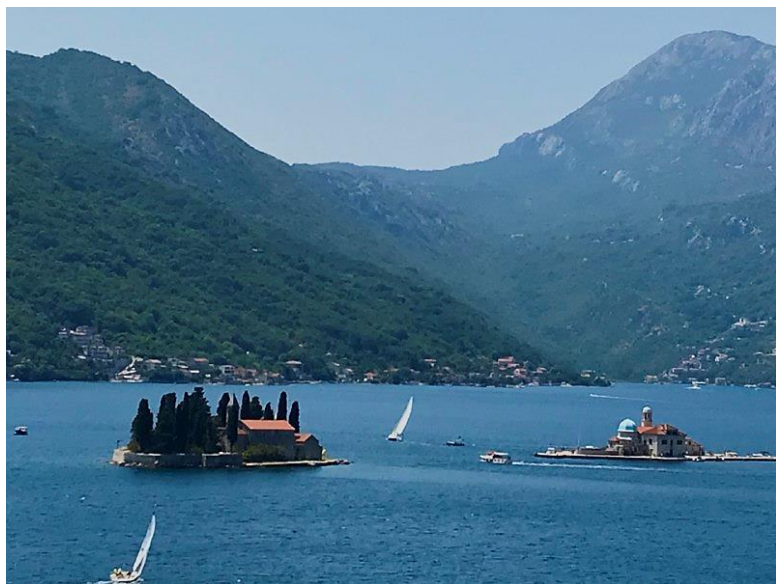
Завороженный...

Заколдованный.

Пераст исчерпан в этом странствии: получился некий перевал спокойствия и переосмысления, экватор сего Пилигримажа.

10/БУДВА БЫТА И СЛЕДСТВИЙ.

События жизни конкретного человека. То, что было. То, что прямо сейчас разворачивается: то есть, опять же, что только что произошло и возможно, вот сейчас, будет. Однако, в любой, даже самый последний момент, всё может в корне измениться.

Странная штука время, странная вещь человеческая судьба. Иногда, она кажется значимой и сущностной, порою — не стоит больше, чем сорванный с дерева лист.

Можно воспринимать сюжет своей судьбы как некую данность, не более. Можно попытаться узреть в ней некое сообщение, шифр, символическую передачу неизвестно от кого непонятно кому, и обнаружить некий смысл во всём этом.

В зависимости от возможностей оператора и его языка будет понято разное, соответствующее его возможностям и месту в иерархии (если она вообще есть). Это станет как-то осмыслено, что-то решится; а может — бросок кобры интуиции, вне каких-либо раздумий.

В любом случае, все эти операции — глубоко личные. Никто за тебя тебе не объяснит и не раскроет их суть, а вульгарная механическая стандартная интерпретация типа «кара божья» или, наоборот, «благословение господя», вряд ли удовлетворят персонажа с изысканной структурой души, ибо ничего не объяснят и ничего не дадут в деле Опуса Лабиринта. Да и к Богу, эти плакатные фразы вряд ли имеют какое-то отношение.

Категории судьбы: хорошо и приятно, плохо и болезненно, никак и скучно. Вот базовые координаты. Есть подозрение, что они тоже ни о чём.

Люди общинны и не изолированы если смотреть со стороны языка: при всех индивидуальных нюансах, он, всё-таки общий, а значит — и базовое сознание тоже.

С другой стороны, каждый одинок. Чужая боль всегда только чужая боль, потому как у каждого есть своя. Чужие проблемы интерпретируются через свои. Такое естественное желание опереться на близкого и быть понятым, практически, бесперспективно, потому что основано на ряде иллюзий.

С утра едем в Будву.

Сначала всё идёт легко и весело, однако, по приезду в Будву начинается ряд проблем. Беззаботность растворяется, поиски нового жилья, всплывшие новые проблемы, переживание старых... словом что-то не то.

Влага и тяжесть с нотами отчаяния. Чёрная влага.

Налипшее несчастье.

Много чего открывается через это. Понимается и узнаётся.

Наконец, мы находим жильё взамен и пытаемся войти в Будву.

Настоящее и Истинное не подвержено порче, ничто его не может попортить. Значит, если возникает что-то не то, оперативность манифестирована низким и частичным. Идёт, если так выберешь, процесс разрушения и страданий; а если по-другому — то очищения и приближения к праведному Благодородству.

Будва бурлит своими пляжными сюжетами, множество тел, фото, магазинчиков и ресторанов. Суэта, приятная приезжим, они нашли свой отдых, проводя отпуск.

Есть здесь пару старых Храмов. Да и сама Будва довольно древняя, утверждают, что ей 2500 лет...

... акцент на пляжи и соответствующий отдых, каменная шкапулка старого города перемалывает море туристов своими контекстами, сюда кроме всего комплекса развлечений входит и «культурное наследие».

Собор основан более тысячи лет назад, многочисленные перестройки привели его в сегодняшнее состояние. Он немного готический, а в основном — барокко.

Если пребывать здесь недолго — ничего не ощущается. Однако, ежели посидеть в Северной Капелле, не торопясь, основательно, спадает штукатурка, шелуха и проступает нечто сущностное.

Тогда обнаруживаешь другой Собор. Настоящий и почти Готический...

Совсем рядом, в византийском стиле, стоит православная церковь, возведённая в 19 веке. Она вся расписана фресками, они тотальные, очень насыщены и традиционно православны.

Присутствие здесь типичное для таких храмов, тёплое и украшенное. Красивое...

Будва всё-таки нелепа.

Нелепа из-за людской алчности. Это машина выкачивания денег в режиме быстрее-быстрее.

Пляж, обед (ресторан), пляж, магазинчики, покупки, пляж, подарки, кофе, алкоголь, вечер-дискотека, рестораны, и так далее.

Город обнесён стенами, но они не освоены, не теплы: нельзя обойти, зайти можно только в небольшой участок цитадели (за деньги), мусор прямо под ними...

Будва, хотя и шкатульчата, но не особо приятна. Пожалуй, сюда достаточно полдня: зайти в Собор, немного побродить улочками и подальше от вертепа суеты.

Коты здесь не такие, как в Которе. Видно, они не местное божество: отношение к хвостатым поверхностное и невнимательное, что, конечно, делает атмосферу Будвы какой-то несущностной, примитивной и отпетой попсовыми нелепостями.

Есть ещё древний Храм Пресвятой Девы, но он осквернён: там выставка какой-то «художественной» мерзости, в частности, в алтарной апсиде картина изображающая голые женские задницы и каких-то военных.

Вход бесплатный.

Котор, похоже, весьма тонко и утончённо явил равновесие католиков и православных; наличие черно-магической, но живой, Венецианской цивилизации; обожествлённых Котов и пото-му отзвук Древнего Египта; масонские узоры, недалёкую гору Ловчен с Мавзолеем Негоша...

Рыцарский след здесь как бы затухая, напоследок вспыхивает. Долгое противостояние османам и верхняя Крепость...

Котор действительно представляет собою Гермесово Диво.

Будва иная.

Довольно плоская. Более поверхностная. Более социальная.

По легенде Будву основал Кадм Финикийский, убивший Дракона. Вот небольшая цитата на тему:

«Оставив Фивы, Кадм и Гармония отправились к энхелейцам. Они избрали их своими предводителями в войне с иллирийцами и одержали победу. Кадм воцарился у иллирийцев (энхелеев). На старости лет удручённый своим горем, Кадм покинул семи-вратный град Фивы и после долгих скитаний со своей женой пришёл в далекую Иллирию. Здесь он с горечью воскликнул: «Не наказывают ли меня боги за убийство того змея? Если за его гибель меня карают боги так тяжело, не лучше ли мне самому превратиться в змея!». Только выговорил он эти слова, как тело его покрылось чешуёй, а вместо ног вырос хвост. Его супруга Гармония, увидев преображение своего любимого супруга, пожелала тоже превратиться в змею. И её просьбу боги исполнили.

Когда все их потомство погибло, Кадм и Гармония превратились в драконов; Зевс (по Еврипиду, Арес) отослал их на Элисийские поля; либо змеи превратились в скалы в Иллирии. Согласно Птолемею Гефестиону, они превратились во львов».

(Источник: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Кадм>).

Пока так.

Пока в таком состоянии.

Посмотрим, что принесёт сон на новом месте.

11/СЛОВА, МОНАСТЫРИ И ОЛИВА.

Интерес...

Есть такое слово, но что стоит за ним?

Проблема в том, что язык используется весьма все и поверхностно, посему слова подвисают на плоскости приблизительно рассеянных полусмыслов, не проникая в суть.

«Интересная книга» — что сие значит? Интерес интересу рознь...

Вот синонимы к слову «интерес»:

1. интерес
2. процент
3. выгода
4. любопытство
5. заинтересованность
6. увлечение
7. увлеченность
8. польза
9. корысть
10. пристрастие
11. страсть
12. внимание
13. занимательность
14. значительность
15. нужда
16. потребность
17. профит
18. смак
19. равнодушие
20. ориентация
21. заинтригованность
22. барыш
23. алимент

Как видно из этого списка, настроение весьма корыстное и связанное с необходимостью «почесаться».

Возможно ли в этом поле что-то глубокое, симметричное ужасу небытия и острому осознанию неотвратимой Смерти?

Как перейти от суетного мельтешения к торжественно проникновенным словам, к сознанию, похожему на литургию сокровенных Смыслов?

Дыхание.

Тонкое дыхание. Без прерывания потока. Без рывков и акцентов. Модуляция звука. Визуализация символа-буквы. Таинство векторной речи: она распространяется из Сердечной Розы равносторонним Крестом Тампля.

Корзина снов. Привычность оков. Нелепость слов. Формула вброшенности в полигон Лабиринта. Здесь ни в коем случае нельзя торопиться и следует крайне осторожно и тонко отделять слои от слоёв, так совершая археологию звёздного неба эссенций.

Мы копаем вверх, серебряными лопатками, и — воздух...

Протыкаем облака жёстких вульгарностей языка золотыми мечами Тайного Огня.

Так, в принципе, должно быть. Таков идеал.

На русском есть, пожалуй, единственный перевод книги Рене Шваллера де Любича «О символе и символическом», совсем небольшой текст.

Интересен ли он?

В каких терминах попытаться описать сие?

Порою, книга объясняет книгу, и канва личных событий (особенно, в режиме Пилигримажа), толкует их. А они — открывают дверь понимания сюжетов быта. Читатель сгорает в умном огне книги, а книга — в уме читателя. Таинство и Операция встречного Пламени.

Потеря свойств. Всё познаётся в сравнении: у кого больше было — тому больше терять и сильнее боль от потери. Тем не менее, человеку свойственно обретать и учиться этому. Ожидать. Сравнить. Бояться.

Подлунный мир жесток. Нам даровано тело, ценность которого, в первую очередь, состоит в создании базовой устойчивости ума, духа и души, им есть где быть вместе и какое-то время. С другой стороны, именно тело оглушает и ослепляет, оно самоощущается устойчивым конгломератом, от него ожидается не-

кий функционал. Всё это в просторечии наречено «хорошим самочувствием».

Тело будет потеряно. Смерть отберёт его. Час Смерти неизвестен. Наше тело всё время стоит на краю обрыва, но его коагулятивная опорность даёт иллюзию надёжности и стабильности, будто никакого обрыва и нет. В ком много животной наполненности живут по принципу «пока ты жив, не умер, а мёртвые не потеют». Ловушка языка усугубляется ловушкой коагулята.

Важно: как бы «реальность», сны и активное воображение: всё это одинаково настоящее в языке, а кроме него нет ничего.

«Язык» в смысле «речь» омонимичен «языку» в значении «орган вкуса»: последний, также, моделирует слова и в мифопоэтике является протуберанцем сердечного Огня.

Язык — это Дракон, формула его бытия: Пламя.

Так мы можем соотнести: Речь-Язык и Вкус, отсюда, выражения «Вкус Жизни», «Вкус Плода с Древа Знания» обретают новую глубину. По-иному созерцается таинство поцелуя...

Пропуская язык через себя и наоборот, насыщаешь слова иной глубиной и другими смыслами, потому, даже, на первый взгляд банальный текст, вдруг становится небанальным.

Не следует забывать, что апофатическая часть языка — это Молчание. Полное Молчание без каких-либо даже зародышей Звука. Посему: Молчание пестуется как изначальная Основа языка, в нём он обретает возможность своей глубины. Слова пропитаны молчанием, они — как прозрачный хрусталь. Звуки — игра радужного света в этом хрустале...

А значение слов, это фигурки из хрусталя, причём их форма не только образная, но и более пазловая: коннотационное поле любого слова и есть функция сопряжения пазлов. Точнее: эти сопряжения определяют поле смысла.

Итак, суббота.

Мы ещё в Будве.

С утра идём в обнаруженный вчера магазин и покупаем самых различных рыцарей, их фигурки, как коагулят сего Пилигри-мажа. Ирония Чёрной Розы: в самом несущественном городе обнаруживается сие.

Потом едем в Монастырь Режевичи. Это Византийско-Сербское Зодчество с явными микроэлементами Готики. Монастырь православный.

В нём два храма неким каскадным уступом.

Серый камень, оглушительный рёв цикад, православные росписи...

На скамейке лежит бедный кот. Он приболел. Аккуратное поглаживание воспринимает очень благодарно и подставляет животик...

По легенде, старейший из двух храмов сего Монастыря основан в 1220 годах Стефаном Первокоронованным. Его жизнь была сложна и полна противоречий, тем не менее, канонизирован Сербской Православной церковью.

Монастырь тих и спокоен. Единственная Башня украшена сводами и пятью крестами; интересный же крест вырезан на дверях — это своеобразный Плетер.

Символ.

Понятно, что всё есть символ, хотя бы потому, что всё существующее выражено словами, без имени вещь не существует, а слово — есть символ.

И всё-таки есть Символы.

Они как бы на грани: слово, невзирая на всю его коннотационную риторичность, всё же конкретно; Символ — многомерен и познаваем коннотациями другого, более абстрактного уровня возгонки.

К таким Символам относится означенный. Можно сказать, что кроме самого Монастыря и его серых камней, именно этот Крест представляет некую Эссенцию и сего святого места и, возможно, всего этого Пилигримажа.

Итак. Крест. У него двенадцать вихреобразных восьмерчатых переплёта, по три на каждом луче. Внизу, в основе, обозначены листья и плоды Винограда, а значит мы имеем дело с Ампелос.

Центральные оси Креста являют строгий геометрический орнамент, сотворённый переплетением ромбов. На самом верху, симметрично к Ампелос, вне самого Креста, как Солнце и Луна — два медальона, означающие Иисус Христос.

Получается очень глубокая и в то же время простая композиция.

Медальоны Букв Спасителя противопоставлены Образам: Листьям и Виноградинам. Буквы-Образы.

Между ними — сам Крест. Его сердцевина — геометрична (божественная), оконечности — растительны (точнее, сочетанны) и риторичны.

В Мифосе Христианства здесь представлено соборное Тело Христа, которое есть 12 Апостолов. Одновременно, это Лоза Истины, из которой Тайный Огонь оператора должен собою извлечь Вино Истины, т. е. Вино Причастия, оно же — Вино из Чаши Грааля.

Подворье Монастыря небольшое. На главном Храме есть каменная Роза; на втором — каменный Процветший Крест на таком же месте. В этом сложном Кресте сочетаются и круги, и Цветы и что-то подобное Раковинам.

Полный Цветок только в центре, это Квинтэссенция. Остальные показаны частями, возможно подразумевается динамика прихождения к центру.

Четыре полуцветка-полураковины вне Креста, что, возможно, указывает на вульгарные Стихии. Четыре подобных составляют циркуляционный корпус Креста, что может указывать уже на Наши Стихии, то есть, не на вульгарные, а на Стихии Опуса. Именно из них проявляется Квинтэссенция (Центральный Цветок) из которой уже как аспекты движутся наружу, в периферию, также Четыре Цветка. Возможно, в последнем аккорде показан этап одухотворения материи и её преобразования.

Третье здание Монастыря Режевичи ещё меньше. Похоже, это часовенка. Там на фасаде также есть каменный знак-круглое-окно. Оно состоит из своеобразного Плетера, в коем вполне угадывается Шестиконечная Звезда и её ключевые точки.

На главном же Тампле, самое большое окно-Роза представляет собою Круг и Восемь Лучей, что вполне может отсылать к Пречистой Деве, тем более, что данный Храм посвящён её Успению.

Роспись Монастыря (а внове это сделано в главной церкви) типична и сюжетна, настоящими энigmatami являются указанные Знаки.

Следующий Монастырь, куда нас привело — Праквица. Место приятное и мудрое. Здесь также ждал чудесный символ — ещё один Плетер. Это Крест-Ампелос: вверх — некая изначальная Сфера, внизу по вертикали, такая же, но побольше. Они — как некая база и вся ось Креста как бы между: толкований может быть много (Луна вверх, Солнце — Внизу, например...).

Бог-Творение; Огонь-Вода...

Словом, это разные потенциалы, между ними и вспыхивает плетёная Сила Жизни, в начале, Вертикальная.

Вторым шагом — она расходится в Горизонталь, уже, даже, возможно, и как Кибела...

С двух сторон от Вертикали мы можем наблюдать острые листики, указывающие направление; над ними «Альфа» и «Омега». Восходящий процесс (Фонтан) идёт к «Альфе», обратный, Водопад, от «Омеги»: так здесь ещё и явлен Гнозис Циркуляции. Общее вращение Креста при таком прочтении — посолонь, потому, это — ещё и Время.

Сей Плетер состоит из переплетённых двух противоположных векторностей; собственно, вещь и есть равновесие двух противоположностей. Левая и Правая Пневмы, они же — Мужская и Женская. Сами переплёты символизируют андрогинный союз и стадии обретения Эликсира.

Буква «А» написана специфически: там подразумевается сокрытая «М»: это и «Мария» и «Материя»; в определённом смысле, Пречистая может быть Первоматерией.

«AVE MARIA» — ещё одно прочтение, причём, «Радуйся» — означает «Рождай непорочно».

«Радуйся Христом»...

«Омегу», при желании, также можно увидеть похожей на «М» (если перевернуть).

После Монастыря Праквица направляемся к Древней Оливе. Она находится чуть дальше посёлка Ивановичи; ей, вроде как, две тысячи лет.

Немного поискав, находим это старое дерево.

Выглядит оно вполне мощным и как бы немного окаменевшим. Множество ответвлений и неких отверстий, корней, создаёт её композицию.

Две тысячи лет: Олива — ровесница Христа. Спираль, перемалывающая само Время.

Время...

Именно через него происходит сущностная эксплуатация человека. Ведь все виды гнёта в конечном итоге сводятся к отбору времени и качества в нём, то есть — к захвату качественного времени. Деньги и трудодни, болезни и тюрьмы — это только выражение этой Операции. Демоны питаются не только страданием, но и качественным временем.

Отсюда, вполне понятно стремление смертных к обладанию Вечностью. Смешное, в данном контексте, слово, «обладание». «Остановись мгновенье» — выкрик блаженной боли.

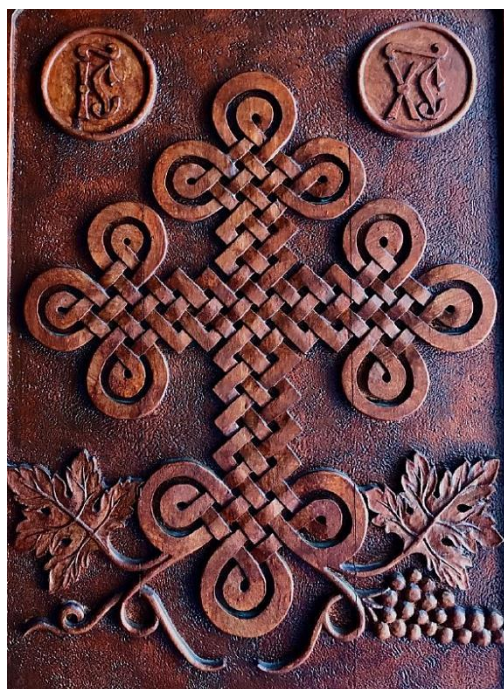
Вечность...

Как сладостно это Слово.

Когда времени бесконечно и всё оно качественно — так кажется. Однако, оперативно, сие — иное.

Что именно, умолчим и спрятавшись в блаженную тень двухтысячелетней Оливы немного вздремнём на перекрёстке смыслов, болей, страхов, блаженств и недосказанностей...

12/СВЕТИ... МОНАСТЫРИ И ОСТРОВА. MONTENEGRO.

Будва. Станный исстрадавшийся пляжниками, город.

Плато бессилия — так пожалуй наиболее адекватно наречь пляжную и сопутствующую ей, движуху.

Куклы. Уставшие куклы с пустыми душами. С мертвыми глазами и изнасилованной витальностью.

В 1979 году Будву трясло. Были разрушения, жертвы... всё осталось и стало хуже. Никого ничто не учит.

Будву жалко.

Она похожа на поруганное место, измазанное дерьмом вторичной похоти. Бывают здесь моменты, когда толпа то ли спит после дискотечной ночи, то ли ещё не прилезла с пляжей. И тогда тихий каменный град может быть бережно открыт. Так бережно и аккуратно, как переворачивают тяжело травмированного человека.

Если ты скользнёшь целителем, если даруешь свой Меркурий, ежели расцветишь полумертвое Древо Огнями, Будва, пусть робко и слабо, немного засияет.

Замурчит избитым котёнком, только вкушающим радость отступающей боли.

И тогда — можно познакомиться.

Собор Будвы.

Он довольно древний, вот только, белая побелка скрыла благородную обнаженность камня, а какое-то невероятно дурновкусное панно (мозаика из муранского стекла) на алтарной стороне просто убило тонкое звучание Готического Тампля.

Впрочем, Северная Капелла вполне приют для странников и зима в раю здесь прозрачна, а снег — нейтрален, без холода.

И вот — идёшь по пустынному отрезку улицы. Будва — название не приятно в своём фонетическом выражении, и тем не менее, вот упала капля тёплого воска. Да, она из свечи. Свечи твоего сердца. Так и ходишь бережно со светильником, мягко орошая им повороты да отдельные камни.

Осторожно.

Трепетно, но просто, не надуманно.

Будва порою откликается: тогда Тонкий золотой Свет мгновенно наполняет её всю и ты переживаешь сущностное блаженство. Но здесь это не часто удаётся...

Нужно весьма устойчивое целомудрие.

Наконец одним таким себе утром, мы переезжаем в Свети-Стефан.

Жара неимоверная.

Заселяемся.

Оказывается, на остров попасть нельзя, его выкупила какая-то компания на какой-то срок и можно только созерцать с берега.

Внутри пускают службу и элит-туристов.

Потому, недолго думая, садимся в авто и едем в Цетину, в местный известный Монастырь. Так как в Свети-Стефан доступно только плоскость бессилия, пляж. Делать там абсолютно нечего.

Цетинский Монастырь довольно типичен для Православия. Такие настроения вполне знакомы.

Здесь также обнаруживается эссенция в виде Крестов-Плтеров. Становится различимо, что не только Ампелос сюжетно связан с данной темой, но и Терновый Венец, который можно распознать как Лабиринт.

Первый Плтер: Равносторонний Крест как база, Круг и по две Буквы в четырёх секторах: «IC», «XC», «NI» и «KA». Тело Вечности и Победа Христа.

Следующий Плтер очень сложный и возможно здесь имеет место Суфийское османское влияние. В его центре — Цветок с 7 элементами (что сразу отсылает, например, к 7 Таинствам).

Вся композиция вписана в большой Круг.

По четырём оконечностям также наблюдаются Окружности. Всё это связывается сложнейшим Узором, который можно обобщить как Квадратуру и Триангуляцию Круга. Сам этот Круг со всей композицией вписан в эллипс, в котором некие завитки обнимают четыре цветка: сие может указывать и на Четыре Стихии и на число Евангелий...

Такие Кресты и подобные им Символы, являются неким концентрированным и сущностным выражением Гнозиса.

Ещё один Плестер манифестирует тему умножения Цветка и его сочетания с Восьмилучевым Крестом, что связано с Пречистой Первоосновой.

Вернёмся, однако, в наше жильё. Ничем не примечательная квартира, апартаменты, для пляжников. Вот только — в каждой комнате развешены картины: они изображают море в различных его пульсациях, корабли, дома на берегу, цветы, сады и дороги. Всё это написано довольно просто, но сквозь полотно проглядывает золотой огонёк, будто за картиной зажгли объёмную свечу. Чем-то всё это напоминает творчество Томаса Кинкейда с его Пыльной Золотой Розы Малого Смысла.

Тёплые Коты и тихо-радостные свечи перешли в мерность изображений, осев коагулятом сущностного уюта. Ипостась Живого и Милосердного Бога.

А вон, на небольшом пригорке, целомудренно притаилась каменная церквушка...

Жара плавит пространство.

Монтенегро висит между небом и землёй.

Посещаем мы ещё и Монастырь Морач: там храм, густо и плотно расписанный фресками.

Вот что написал про это некто:

«- Все сводится к двум цветам: черному и золотому. Все цвета кроме золотого причерненные. Может, "нет полноты цвета ни в чем, кроме золотого". Божественный свет и избыток катафатички. Остальные цвета — отчаяние.

- Все пространство "освоено" — лики, сюжеты. Нет пространства вопроса, фиксация.

- Нет динамики, нельзя сделать Три Прохода, только фиксированно поместить себя в ванную и "принимать"».

Интересно изображение Святого Георгия: у него так написан доспех, что кажется, будто в центре груди расцвёл Огненный Цветок и именно он даёт защиту.

Есть в Цетинском Монастыре ещё несколько Плетеров. Их описывать не будем, а только поместим фото. Гнозис передаётся, зачастую, через ритм Символа...

Вечер.

Снова Адриатическое побережье. Ритмика ленивых волн. Созерцание острова Свети-Стефан. Пастораль Вечного возвращения в исконное Отечество.

Что есть MONTENEGRO?

Чёрная Гора.

Чёрный Камень.

Странная страна.

Она и транзитна: здесь шёл торговый путь из Дубровника в Сербию, сейчас наплывы курортников...

Она и фиксирована изначально: Ловчен и Мавзолей Негоша...

Здесь перекрёсток: большую часть захватывали Османы, нахождение под Венецией; католики и православные с доминанцией последних смешаны здесь; мусульмане, ближе к Албании...

Горы и Море, реки...

Югославия и Титоград...

Но самое главное, само Имя — MONTENEGRO.

Оно fasciniрует.

Странствие, отсюда — «странник» и «странный».

Пилигримаж.

Просто банальную поездку таковой (как обозначено выше) делает настрой: найти Символ. Узор Символов. Перейти из сюжетности путешествия в Символическое Поле. Увидеть особые Огни... вообще-то попасть в Рай Земной, ибо сие Измерение и есть континуум живых Символов, познание которых — вдохновляющее Блаженство, то есть — корень безусильного Творчества.

Итак: Символическое Странствие и есть Паломничество. За фасадом и покровом узреть светоносную Реальность, возможно, опереться для такой Формулы на ряд мест-символов, концентрирующих Смысл, Эссенцию: Храмы, особые геральдические акценты, дома, картины, Мистерию Улицы...

Поскольку, так или иначе, но всё сходится в Храме, в Тампле, постольку (в том числе), сущностно, мы — Тамплиеры.

Вернёмся, однако, к медитации на Именах. Вот что пишет некто:

«Местные, конечно называют свою страну Crna Gora, но латынь как-то поинтереснее. Montenegro — Monte Negro — порядок слов. Не "Negro Monte", "Черная Гора", а — "Гора Черная". Порядок слов меняет не то чтобы все совсем, но совсем все. Вопрос конечно какой черный, ведь чернота бывает разная. Может быть чернота византийских росписей, где черный чернит. А может быть как самый всевозможный ненасильственный цвет. Гора, самая плотная из "вещей", и черная — то есть, самого неплотного цвета. Камень, фиксация, но не фиксированная, еще и сокрытая. Черный цвет не останавливает взгляд, Камень, сквозь который можно смотреть».

Мысленно поблагодарим нашего респондента и обратимся к сюжетному увязыванию.

Операция «Карантин» в Монтенегро идёт очень вяло. Единственное место, где требовали маски — это, пожалуй, половина посещенных магазинов. В аэропорту даже менты их не носят и никто не обращает внимания, когда ты без маски. При этом, наверное, более половины пассажиров всё равно предпочли быть в намордниках, хотя никто и не требовал этого. Понемногу люди свыклись, им уже нормально, что даже право на открытое лицо и свободное дыхание забрала Система. Ношение маски (уже это точно понятно) не является частью медицинской профилактики логистики: это всецело символический акт с весьма объемным коннотационным полем. Это банальная Чёрная Магия, массово применённая против человечества.

Если коротко, то: маска — символ рабства и рабского подчинения, маркер следующего этапа изъятия качественного времени и извлечения страданий из судьбы каждого человека.

Божества-Держатели Сансары... похоже, их основной интерес, чтобы живые существа чем больше страдали, и дабы эксплуатация и контексты выживания делали практически невозможным наличие качественного Времени.

Не стоит недооценивать влияние символического на все совокупности человека. Оно всегда исключительно сильное.

Принуждение носить маски, вакцинация — всё это ритуальные фигуры, символы некоего действия, которое в объёме сюжета всей пьесы ещё не просматривается, однако всем и каждому ультимативно навязывается участие. Клеем, соединяющим внешние ритуальные фигуры и конкретику пневмы отдельного человека является любая эмоциональная реакция на весь этот контекст: таким образом схватываются и «рабы по определению» и «бунтари ковид-диссиденты», для каждого есть обязательная роль.

Противоядие?

Невовлечённость.

Мощная и интенсивная символическая жизнь в режиме субъектной оперативности, что, собственно, и есть алхимический Опус (в контексте широкого понимания термина «Алхимия»).

Конечно, скорее всего, дети, выросшие в этом идиотизме, в духовном насилии, в принуждении к вышеозначенным ритуалам, в своём подавляющем большинстве, никогда не станут нормальными людьми (даже в понимании «нормальный» на период конца двадцатого века).

Они ещё и уже антропно уничтожены интернетом и гаджетами.

Не исключено, что такая ситуация и есть «конец Света».

В этом плане, однако, не стоит беспокоиться: всегда есть божества, которым безразличны сии пертурбации. И в контексте повествования о Монтенегро, это — Коты.

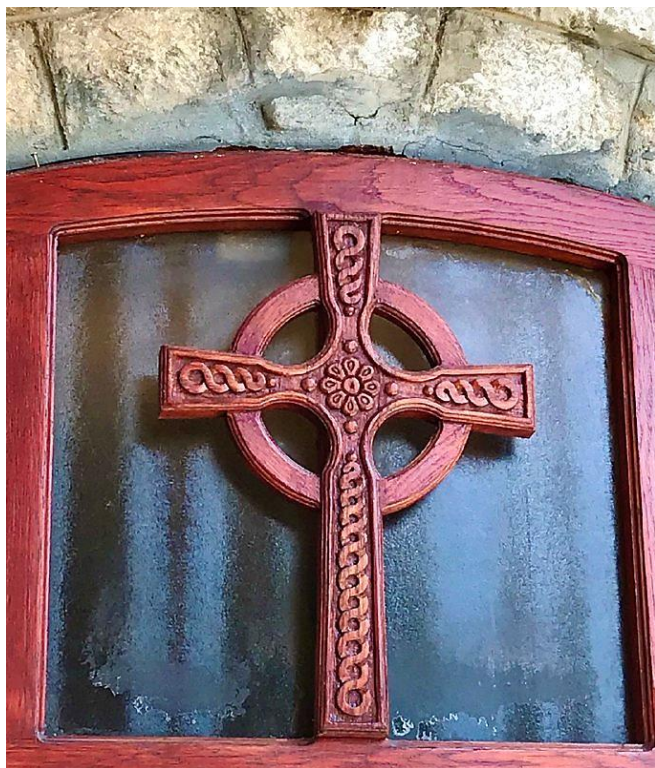
Они также полны автономным светом. Их глаза также покровительственно берут в свои прицелы жалких суесящихся людшек.

Они величественно возлежат и бесконечное Блаженство мурчания растворяет коагулаты их тел в Великое Бессмертное Солнце.

АРИСТАТА ЭТЕВИТАТ

Глaмб 4

1) НА ЗАПАД? В ПАРИЖ? ЦИРКУЛЯЦИИ ГРААЛЯ.

Несколько дней после Монтенегро...

На ходу принимаем решение лететь не в Хорватию, а в Париж: вроде как, Францию открыли, достаточно теста на вирус. Собираемся.

Уже накануне вылета узнаём, что всё не так просто: вход всюду либо по паспорту вакцинации, либо по тесту, который действителен только сутки.

Имеет ли смысл ехать при таких обстоятельствах?

Гадание приносит довольно негативный результат. Однако: решаем прыгнуть в очередную авантюру и совершить этот Пилигримаж, а там — будь, что будет.

Вопрос Гороскопа (а вместе с ним и гадания вообще) можно рассматривать двояко: потребительски-мещанский подход подразумевает выгоду и безопасность; Воинский воплощён в максиме «сжечь гороскоп».

Последнее означает, что, учитывая все нюансы диспозиции, тем не менее, идти навстречу трудностям, сжигая свои ограничения и недостатки в Тайном Огне и его манифестациях.

Бесстрашно идти в Пламя — это NNDNN; осторожность и учёт предупреждений, данных гаданием — SNTDG.

На этот раз предупреждение и совет Ключа выхода из возможных проблем таково:

- сохранять душевное спокойствие;
- быть в состоянии душевной стойкости;
- Достоинство позволит сохранить всё необходимое в возможной трудной ситуации;
- пребывать в духовном мужестве.

Проверки в аэропорту какие-то вялые: никто не требует масок, всем всё по фигу. Люди, большинство, носят-таки намордник, видимо привыкли уже.

Уже более года мы не ездили в Нашу Европу, сокрыто пребывающую в Европе внешней. Карантин закрыл сию возможность.

Хорватия, Турция, Узбекистан, Непал и вот, Монтенегро...

Все эти страны интересны (каждая по-своему), однако, уже понятно: наш вектор — Северо-Запад.

Предчувствие Парижа...

Этот Великий город уже не тот. Он надломлен и зияет inferнальной раной, Париж поражён прямо в сердце, ибо Нотр-Дам сожжён.

NOTRE DAME.

Наша Дева.

Это понятие гораздо шире чем только Посвящение Пречистой. Оно означает Священное Присутствие: в Каббале это Шхина, в Суффизме — Сакина... в раннем Христианстве речь шла о Парусии...

В Рыцарской Традиции как раз и применялся термин «Прекрасная Дама», обозначающий то же самое.

Религия, уже последние несколько сотен лет, является составной частью квадрата, куда кроме неё входят Наука, Техника и Культура. Все эти комплексы понятий обуславливают и формируют друг друга в определённом взаимоотношении.

Безусловно, всегда есть нюансы и исключения из доминирующих тенденций. В общем, современная версия религии как раз и лишена оперативной Формулы: вместо Священного Присутствия концепции и морально-этические догмы. Самой религии, Системой, кроме обольщивания стада, ещё позволено окологипсихологическое обслуживание полумаргинальной категории населения.

Возможно, особые Нотр-Дамы в своё время строили (потому и в Готической форме), так как ставили особую задачу концентрации Священного Присутствия, его сохранения в надвигающуюся эпоху «потери Огня». Они содержали Гнозис для тех, кто знал, что искать и вспоминал о Родине-Истине.

Сей Гнозис там присутствовал непосредственно, прямо, а также — в Символах; NOTRE-DAME представляют как бы сакральные Книги, содержащие саму Эссенцию Освобождения.

Их всячески старались погасить, в первую очередь, загрязняя чуждыми архитектурными привнесениями вроде барокко и классицизма. И, конечно, попросту уничтожали.

Нотр-Дам-де-Пари, Тампль Нашей Девы в Париже, на острове Сите, совершенно особый Тампль. Он возведён в исключи-

тельно важном и ключевом для всего Измерения, месте и со- держал Рыцарский Гнозис со времён Людовика Святого.

Сожжение парижского Нотр-Дама уничтожило мощную и незаменимую концентрацию Священного Присутствия, открыв врата, без преувеличения, в само inferно. Последующие события однозначно подтвердили такие нехорошие предчувствия и фатальные понимания.

Сожжённый Нотр-Дам, даже если и восстановят идеально близко к тому, что было до трагедии, уже никогда не будет ТЕМ Notre-Dame; его Парусия разрушена, Наша Дева ушла. А поскольку свято место пусто не бывает, постольку, руины сего Храма стали своеобразным Чернобылем в Измерении духа.

Дело в том, что любой Тампль, а тем более такой, всегда нарушает срединность человеческого континуума; когда Храм попирается и оскверняется, разъёмность континуума сохраняется, однако она является уже порталом не в Верхние Миры, а в Ад. Таким образом Трагедия Нотр-Дам-де-Пари нанесла сильнейший удар «открытия Яйца Мира снизу» (см. Рене Генон о трёх состояниях Яйца Мира).

Париж.

Уже — окончательно трагический город.

Град с пробитым Сердцем.

Ехать сюда значит испытывать каскад самых разнообразных чувств: на передний план всё более выходит трагический героизм одинокого предстояния. Он всецело лишён какого-либо пафоса и эмоций, тут нет места сантиментам — только: прямое смотрение в глаза Смерти. В глаза Сатане.

Город последней битвы. Место, истекающее чёрной Кровью. Измерение мириад inferнальных сущностей, прорвавших защитные барьеры.

Париж изменился тотально и невосвратно, собственно, его Краеугольный Камень, Нотр-Дам, выбит и из него удалена Суть. Центр эссенции города до Трагедии конфликтно делили Храм Нашей Девы и черно-магическая Эйфелева Башня; сейчас, вне сомнений, Париж обрёл свой именно центр ТЯЖЕСТИ, означенную Башню.

Параллельно, появилась ужаснейшая пневматическая воронка в миры демонов и хаоса.

Весьма символично, что возвращение в Европу происходит именно в Париж. В откровенно манифестированный центр духовной войны. В место, где Цивилизация Кибелы нанесла свой откровенный удар.

Кстати, напротив Нотр-Дам как раз и находится местная ментовка, её украшает статуя Великой Матери. Французская Революция была и есть формой агрессивного проникновения Кибелы в измерение, где ранее торжествовала другая Женственность, которую в том числе, символизировала Беатриче Данте. Неслучайно революционеры ритуально носили фригийский колпак...

Сожжение Нотр-Дам — это продолжение Революции, одна из её переломных и значимых фаз. Франция, в Средневековье представляла некую Страну Мелюзины: от этого Модуса Женственности был один шаг как до Чистой Сестры (её манифестацией, в том числе, стал пламенный Опус Жанны д'Арк), так и до Кибелы.

Собственно, Революция проявила себя серией каскадов насилия, целью которых и было уничтожить важнейший оперативный аспект Сакрального — Прекрасную Даму, то есть, особый аспект Присутствия Святого Духа, характерный именно для Рыцарства. Что и было сделано.

Дело в том, что Прекрасная Дама, как аспект Рыцарского Опуса, подразумевала как раз Активную Духовность, крайне нежелательную для развивающейся парадигмы постренессансного времени. Оставили только формы пассивной духовности, выраженные собственно в религии. Убили алхимический героический Опус.

Понятно, что чуть позже добьют и религию как таковую: Операция «Карантин» уже много сделала в этом направлении.

Пока был жив Нотр-Дам-де-Пари, осуществлялась, пусть и в остаточном виде, циркуляция тончайших пневм, защищающая нашу ойкумену от тотальности торжества Великой Матери и её царства бессмысленного дурного количества. Вполне возможно, что это поле помешало бы столь всемирному развитию Операции «Карантин», этому новому каскаду создания окончательного рабства для человечества. И ключевой бастион был погран, Нотр-Дам-де-Пари сожжён.

Нотр-Дам-де-Пари — это эссенциальный символ конкретного Присутствия Святого Духа в контексте Христианства в частности

и Присутствия Священного вообще. В определённом смысле, такое Присутствие и есть Пресвятой Грааль, выходящий за рамки доктринальных спецификаций и являющийся Эссенцией Эссенций любых духовных путей.

Сия Пресвятая Чаша может проявляться самыми различными коагулятами начиная от наполнения судеб особых людей, продолжая книгами-откровениями и, конечно же, Храмами. Порою возникают совершенно особые коагуляты Грааля, такие, на каких держатся целые вселенные духовного опыта.

Таким и был парижский Нотр-Дам...

Чем меньше в Измерении коагулятов Грааля, тем меньше в нём драгоценной андрогинной пневмы, на основе которой только и проходит любой Опус Освобождения. Соответственно, тем труднее людям реально войти во Врата сей Тропы, а те, кто вошёл испытывают большее сопротивление среды.

К примеру, в Буддистской Традиции такого рода Граалями являются, в первую очередь, Ступы; у Суфиев — мавзолеи Святых-авлия...

Пилигримажи совершаются от коагулята Грааля к коагуляту Грааля: то есть существует некое явленное Тело Грааля как созвездие резонаторов, воплощённых в те или иные фиксированные в пространстве объекты (Ступы, Мавзолеи, Храмы, Пещеры Святых и тому подобное), а также — в транзитные человеческие судьбы Учителей.

Таким образом Паломничества осуществляются либо/и к Учителям/Коагулятам.

Сам путь такого Пилигримажа, его сюжетность, усилия и средства осуществления, облечение тонкими пневмами резонаторов и составляет одну из версий Опуса.

Силы и божества-держатели Злой Демиургии, Сансары, заинтересованы в полном закабалении всех живых существ и поэтому они создают множество препятствий для Циркуляции Соборного Грааля. Странствующий Рыцарь-Пилигрим понимает всё это и бросает им вызов: он (или она), невзирая на все козни inferно, упорно и неотвратно совершает Пилигримаж, там где это возможно, защищая коагуляты Грааля (сии действия, в конкретике Рыцарского Опуса описаны как «защита Прекрасной Дамы»).

Так Пресвятой Грааль, находящийся за пределами дихотомий Жизнь – Смерть, Время – Пространство, Мужское – Женское, продолжает транслировать в тюремный мир (то есть, к нам) тот Гнозис, который даёт шансы выйти из Заключения.

Упомянутые Циркуляции Пилигримов и фиксированные Прозрачные Висения Отшельников, держат Империю Грааля, не давая упасть нашей ойкумене в окончательный ад.

В том числе потому, доброта, любовь, сорадость, сочувствие, покой и тому подобное ещё посещают простых людей (не операторов), что их сердца иногда улавливают ту или иную волну Передачи Грааля.

Это означает: чем меньше коагулятов Грааля и его агентов будет здесь, тем больше в мире проявится зла, бессердечия, жестокости, зависти, тупости и ненависти; тем глубже упадёт человечество в яму пороков, страстей и боли.

Опус духовной практики — это своеобразное «зачатие и выращение Грааля». Как правило, он требует некоего «обретения места», что в сути означает успокоение и фиксацию ума, то есть — уход от суеты и пребывания во внутреннем покое. Это соответствует «построению Храма» и потому, любой качественный оператор, в этом смысле — Тамплиер.

Не исключено, что Операция «Карантин» одной из важнейших и основных целей имеет блокировку Циркуляций Грааля, путём создания множества препятствий для Пилигримов. В частности, обратим внимание на то, что паломническая поездка не входит в число уважительных причин для посещения ряда стран во время Карантина, она вообще не значится как возможный сюжет в таковом перечне (раздаётся в виде анкеты ещё в самолёте).

Также, Карантин негативно влияет на качество пребывания и трансляции Волн Грааля.

Вывод: возможно, сия тотальная агрессия осуществляется как следующий этап войны против Истины, против Грааля, попутно решается и множество более банальных способов закабаления человечества.

Тем важнее пробовать любыми путями, любыми способами обходя карантинные ограничения, проникнуть на Пилигримские Тропы, этим самым (как не банально сие звучит), реально спа-

сая мир и выполняя функцию Катехона, одной из его капель. И, конечно же, спасая и освобождая себя.

Это и есть героика паломнического подвига в сии времена.

Такой Опус как раз и символизируется Красным Кинжальным Крестом Матамороса.

Зачастую, классификация — отец более ясного понимания. Попробуем классифицировать мифологию маски в аспекте её ношения.

1. Полный агрессивный вариант: несколько масок, пострадавший испытывает сильный и доминантный страх или — это требование Системы, предельно агрессивно отбирающей и свободное дыхание и открытое лицо.
2. Полный вариант: отбирается свободное дыхание и открытое лицо. Либо человек сам из страха или по тупости носит так, либо — агрессия предписаний Системы.
3. Приспущенная маска, дыхательные пути свободны. Это уже определённый игнор Системы и некий компромиссный вариант из серии «не нарываться». Свободно дыхание, но ещё есть жест лояльности угнетению тебя.
4. Без маски. В любых условиях, где только можно снятая маска и убранная подальше есть символический акт собственной автономности от насилия Системы.

Кажется, всё это незначачие мелочи. Это не так.

Это — язык символов, который определяет судьбу при жизни и, возможно, посмертие.

Перелёт закончен.

Большую часть оного удалось лететь без маски, требовали быть в ней животно-вяло, впрочем и нарушителей особо не было. Возможно потому не очень цеплялись.

Выходим.

Аэропорт.

Какая-то негритянка сортирует входящих: вакцинированные — сюда; невакцинированные — туда. Вторые (а мы в их числе) что-то ждут. Потом все смешиваются перед паспортным контролем. Видимо, сия сепарация — банальная приучалка.

Стоим в очереди на паспортный контроль. Пустят ли нас в страну? Всё равно. Нет переживаний, потому как нету сильного

желания... возможно, это благоприятный признак уменьшившегося в своей силе страха небытия? Страх Смерти...

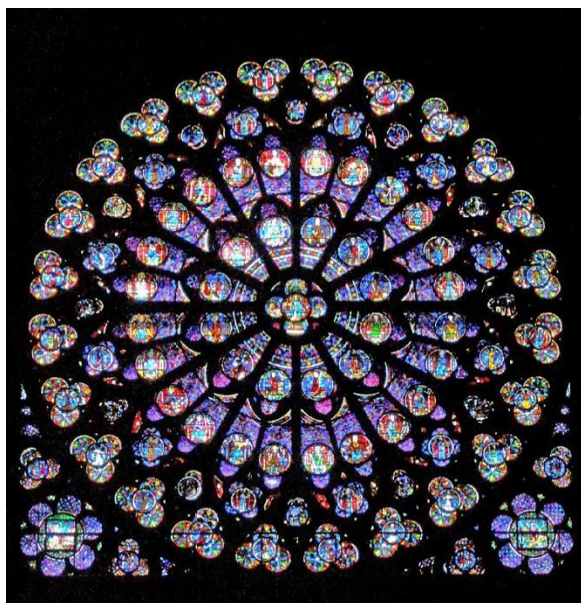
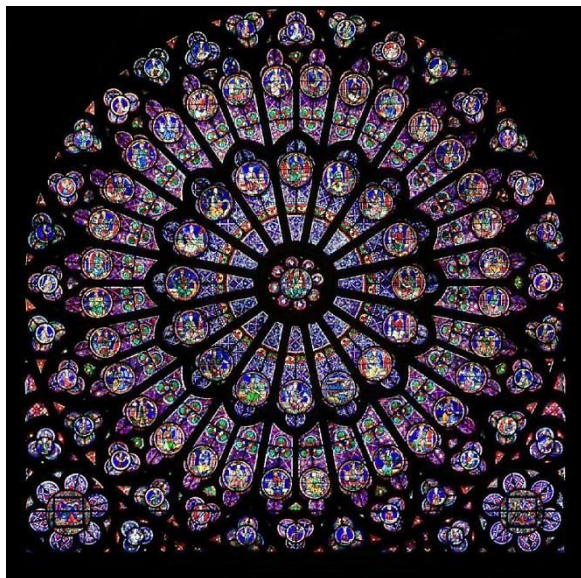
Странно: в страну пустили. Вообще ничего не проверили, просто сразу поставили печать въезда. До Карантина никогда так быстро и просто сие не происходило...

Аэропорт Шарль-де-Голль...

Кафе. Небольшой перекус. Все местные в аэропорту поголовно в масках. Звуки французской речи... плавные и музыкально-приятные.

Франция: врата пока открылись.

Пока.

2) ЛЮТЕЦИЯ — «СВЕТОНОСНАЯ»? ПАРИЖ.

Париж.

Вообще-то, по-французски, пишется «Paris», а произносится что-то вроде «пари»...

Эта русская «ж» в конце слова существенно искажает и фонетический и буквенный эйдос, вульгаризируя данное пространство. Видимо, на то есть свои причины.

Существует и такое истолкование графемы: «Paris» — «Par Isis», то есть — «город Исиды». Последняя, как известно, связана с проникновением в тайное Знание и потому, по-любому, коннотирует Прекрасной и Нашей Даме.

Во французской фонетике концовка слова как бы немного улетает вверх, ускользает, уходит из материальности; русское «ж», наоборот, насыщает сию фонему тяжестью и даже агрессией. В общем, начиная с Имени, Париж в русском пространстве транслируется неаутентично. Это следует иметь в виду.

Наверное, в том числе под этой эгидой, Готика у православных активистов превратилась в «люциферианский штурм Неба».

Всё-таки, Наполеон взял Москву, простили ли это?

Париж.

Первый аккорд. Однозначно: возвращение домой. Лютеция... город особого шарма и золотого расслабленного света. Париж совершенно необыкновенный и даже с ампутированным Нотр-Дам продолжает источать мёд золотых пчёл Райского луга.

Здесь прохладно. Это снимает воспалённую ноту киевской жары. Пасмурно. К дождю...

Идеальная погода.

Заселяемся в отель. Всё пока идёт спокойно. Заходим в Храм Saint-Germain-l'Auxerrois, он совсем рядом. Никто ничего не контролирует, можно свободно войти.

Готика.

Этим сказано всё.

Особенно после длительного перерыва ярко ощущаешь, насколько она истинная. И — единственная.

Совершаю Ритуал Трёх Проходов. Всё как нужно, не отнять, не прибавить.

Чуть погода идём в Сент-Шапель. Вход только по прививочному паспорту или по тесту (а он действителен лишь сутки); у нас ещё с перелёта норм тесты, пускают.

Сент-Шапель — это эссенциальное чудо, пожалуй, самый удивительный из всех Храмов мира. Он небольшой и в то же время, благодаря витражам и остальному Убранству, необъятен.

Париж элегантен, в нём доля шарма нисходит даже на негров и прочих мигрантов. Париж по-особому расслаблен и щедр, как щедра осень на золото опавших листьев; в нём — затаённая и сокрытая драматическая нота и, даже, некий тончайший трагизм отчаяния быть всего лишь человеком.

Всего лишь Мелюзиной...

Мелюзина — нежное дитя Вод, кончившее весьма печально из-за малодушия хотя и Воина, но мужчины. Мужчины, которые всегда на коротком поводке у Кибелы.

Париж запускает тебя в свою вечную циркуляцию. Да, он поруган, попран и загрязнён, однако, невзирая ни на что, его система тонкого круговращения жива, расслабленная Русалка интерпретирует боль не её Вечности как мечтательное зачарованное самолюбование.

Красота в себе...

Нега в себе...

И кажется, будто Смерти нет.

Может отсюда: «Умереть в Париже...» и повисает дым сигарет, и плавают свечи и выхода нет.

Так и звучит аккордеон, музыка связана с холмом Монмартр, вроде все кружат в неизбывном вальсе... отсечённая верхушка черепа Святого Дионисия узнаётся чашей, в которой покоится Лютеция.

Опять пронзительная струя inferнального холода, завихрение Вод, сладкозвучная Мелюзина продолжает свой танец.

Поймать базовую ноту Парижа непросто. Она, вроде бы и открыта, дана на протянутой ладони нищего: вот он, грязный и

уставший, хмельной, но всё-таки с местным шармом, прячется в ажурные складки своей изношенной одежды.

В почти готические складки...

А вон за поворотом, меж домов, пламенится готическая вязь, сжигая материю, пространство и время в пепел.

И только этот Пепел знает суть сего Огня, он расцветает невидимым Фениксом, из Мелюзины могущим сотворить Нашу Пречистую Альбу.

Готика, точнее Романо-Готика, это не просто эссенциальная Архитектура средних веков, — сия зодческая стилистика, даже только Formой своей (даже в случае осквернения Храма) содержит Гнозис и Парусию Пресвятого Грааля. Именно потому, эта Архитектура настолько уникальна и важна.

Возможно, в лучшие времена, по Линии Передачи, от Апостола с Мечом, через Святого Дионисия, аббат Сюжер смог коагулировать такой стиль, что даже только его Форма и Убранство, даже во времена полного упадка, даже при утрате Силы мессами и литургиями, будут способны Посвящать.

Идём от Saint-Germain-l'Auxerrois пешком до Монмартра.

Заходим по дороге в сквер с Башней Святого Иакова, она одиноко льётся в облачное небо, окропляя Синей его Кровью погранный Париж. Вспоминается одинокий скиталец Нерваль и его ARTEMIS...

Как недавно и давно это было.

Ещё Шпиль Нотр-Дама пронзал небеса, ещё вбирали по ночам звёздный свет его Розы.

Современный католицизм не просто слаб и невнятен, он пал жертвой множества профанаций и неполноценных жестов мелочных обид.

Уже после Тридентского Собора 1545–1563 годов он утратил почти всё. Францию мучили и добивали особо.

Пожалуй, я рад, что не француз. Иначе — судьба Доминика Веннера, ибо невозможно жить только французской душой в таком ужасе растворения.

Вот цитата из его предсмертного письма:

«Мое тело и ум в полном здравии; я преисполнен любви к жене и детям. Я люблю жизнь и чаю лишь сохранения моей ра-

сы и моего духа. И все же на закате своих дней при виде великой опасности, угрожающей моей родине, Франции, и всей Европе, я обязан действовать, пока еще есть силы. Я считаю, что должен пожертвовать своей собственной жизнью для того, чтобы пробудить соотечественников от летаргического сна. Я приношу в жертву то, что осталось от моей жизни, в знак протеста. Я выбираю глубоко символическое место — милый моему сердцу собор Парижской Богоматери, возведенный гением моих предков на месте еще более древнего культа, в память о нашем великом происхождении...».

Очень жаль: французы не проснулись, европейцы продолжают деградировать и исчезать как вид, Нотр-Дам сожжён. Вот оно, Зеркало Парижа.

Характерная особенность: почти во всех средневековых Соборах Западная Роза закрыта в большей её части органом. Это значит одно: создатели изначально готических Тамплей явно не подразумевали этот сентиментальный инструмент на его теперешнем месте в его теперешнем значении и важности. То есть: даже католичество, тогда, ещё было иное. Уже деградационный процесс сотворил из сей ветви Христианства что-то невнятное и прогнувшееся перед преступными властями. Православные, впрочем, зачастую, поступали не лучше.

Монмартр.

Место, где был усечён Святой Дионисий Ареопагит. Кстати: сюжет и способ казни, а также предание о ней — это способ передать определённый Гнозис, некую алхимическую Формулу...

Здесь два храма рядом: известный символ Парижа — Сакре-Кёр и Saint-Pierre de Montmartre.

Последний возведен на месте древнего Храма Марса и освящен в 1147 году в присутствии Бернарда Клервоского и Петра Достопочтенного, настоятеля Ключи. Это исключительно сильно ощущается: некий Синий Алмаз непоколебимого и одновременно тонкого, состояния.

Базилика Сакре-Кёр пустая. В ней нет ничего кроме внешней красоты, ибо возведена она уже в ущербные времена с компенсаторно-сентиментальной целью.

Париж полон особого, мягкого и приглушённого, эротизма. Он дивным образом соединяется с изношенной усталостью и потенциальной революционностью, которая, впрочем, вся уже израсходована.

Такой себе триумвират Меркурия, Марса, Венеры и Сатурна: их четыре, а не три, поскольку одна позиция ускользающе транзитна.

По дороге назад, попадаю в Храм Saint-Eustache. Его фасад всецело выключен, ибо смычный классицизм прилажен к Готике, как корове седло. Но внутри Храм потрясает, особенно, его вертикальный ритм и нервюрные Небеса.

Он огромен.

В нём идеально сотворяется Ритуал Трёх Проходов.

Сей Тамплъ — один из последних готических Храмов Парижа; сочетает архитектуру готики с ренессансными формами объёмов и классическим фасадом.

Строительство началось в 1532 году по плану архитектора Лемерсье, который возводил Saint-Eustache практически по структурному плану Нотр-Дам-де-Пари. Были возведены неф, северные капеллы и южный фасад. В XVII веке достроены южные капеллы и своды нефа, — но уже под ренессансными влияниями. В XVIII веке фасад был перестроен в стиле классицизма, ради чего был разрушен первый пролёт Тампля с двумя капеллами.

Тем не менее, при всех проблемностях, Saint-Eustache (особенно после сожжения Notre-Dame) конкретно транслирует Рыцарский Гнозис.

Виолле-ле-Дюк, великий реставратор средневековья живший в девятнадцатом веке критиковался многими коллегами из-за платонического способа реставрации зданий: он воскрешал сооружение не таким, каким оно было исторически, а так, как нужно было (в его видении) в соответствии с эйдосом. То есть: он возводил идеальную форму, естественно, сразу получив нападки в крайности индивидуальной и субъективной интерпретации. Вполне возможно, что Эжен втайне совершал свой некий алхимический Опус.

Это он установил над Нотр-Дам-де-Пари Шпиль, так акцентировав Фаллическую Активность Собора в деле оплодотворения

эйдосами нашего измерения. И вот, 15–16 апреля 2019 года Храм Нашей Девы горит.

Вот последствия в официальной версии:

«В результате пожара разрушился шпиль, сооружённый в XIX веке. Его каркас состоял из 500 тонн древесины, покрытых 250 тоннами свинцовых пластин. При высокой температуре свинец расплавился и частично испарился, став источником токсичного дыма.

Уничтожены две трети крыши, сооружённые из дерева в XII–XIII веках. Пострадала часть внутренних помещений.

Две башни собора, а также средневековые витражи и розетки сохранились. Орган не пострадал от огня, но повреждён вследствие тушения пожара, так как внутрь него попала вода».

(Источник: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пожар_в_соборе_Парижской_Богородицы).

Таким образом, проведена ритуальная Кастрация в духе классического Кибелианства: уничтожен как раз Фаллос, резонатор и максимальный акцент Священного сооружения — Шпиль, а также, разгерметизировано сакральное пространство, сохранявшее Передачу ещё со времён Людовика Святого.

Извлечение Эссенции и дальнейшие Операции с этим — вот одна из сутей Опуса. Мало куда-то приехать. Мало верить в Бога. Мало быть «хорошим человеком».

Необходимо, Тайным Огнём сотворять из Винограда Амπελος, Вино.

Вино Белое подразумевает апофатический Гнозис.

Красное — катафатическое безусильное творчество.

Розовое — Гнозис «первой Иерогамии».

Вино Шампани — прыжок из Воды в Воздух...

Наше Красное-Белое, Наше Белое-Красное, Вино — это Вино Истины. Эссенция Эссенций Пресвятого Грааля.

Эти Вина по-разному сокрыты и даны здесь. Наиболее концентрированно, в море Зодчества, они выражены в Романо-Готической Архитектуре. Именно сим столь ценна и драгоценна она.

Париж.

Его Герб представляет собою:

«В червлёном поле Гальское судно, оснащённое и одетое в серебро, плывущее на серебряных волнах, движимое остроконечным парусом. Глава лазуревая, усеянная золотыми геральдическими лилиями».

Далее: на гербе Парижа размещён его девиз — *«Fluctuat nec mergitur»*, однако это латинское выражение возникло намного раньше. В переводе оно означает *«Его качает, но он не тонет»* или *«Он качается, но воды не губят его»*.

Всё это более чем красноречиво. Червлёное Поле может быть связано с Марсом и реалиями трагедий перманентной войны.

Серебро указывает на тонкость и subtilность, в том числе, связанные с Мелюзиной.

Патетика Вод также апеллирует к Русалке, а их опасность описана вполне откровенно.

«Корабль» — это Неф, то есть — Тамплъ. В контексте Парижа: несколько вложенных друг в друга объёмов — Нотр-Дам, Остров Сите, сам город. При этом Архэ «Корабль» подразумевает «Остров»: новую Землю, герметизированную особыми Водами (в случае человеческой композиции — это зрелая автономная душа; то есть, Оператор — и Корабль (транзитный аспект) и Остров (Фиксация), одновременно: это даёт точки отсчёта вне систем коллективной идентификации. Когда оператор сухопутен, он принадлежит определённому феодалу и разделяет его судьбу: потому, Доминик Веннер не мог не застрелиться).

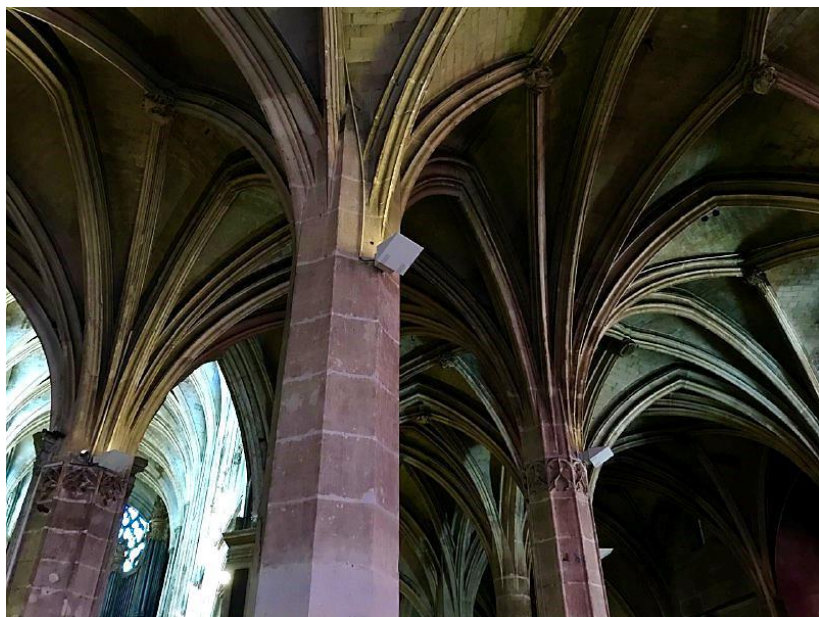
Париж.

Зачарованный Корабль Мелюзины.

Возможно, столица европейского Герметизма, ведь не случайно, именно в этом регионе возникла Готическая Архитектура.

3) ШАЛОН-АН-ШАМПАНЬ. ГОТИКА В ЗЕРКАЛЕ ЛАТ.

Северные и центральные французские небольшие города обладают какой-то общей устойчивой нотой настроения: некое серое прозрачное висение, отпущенная неторопливость и беззаботная повседневность (когда сидишь утром на площади, небо пасмурное, а рядом — несколько Готических Тамплей, некий француз мягко выгуливает двух лаек: маму и её щенка).

Ещё один лик Мелюзины, ещё одно завихрение Гермесова Перекрёстка. Отдохновение серого счастья: оно отпущено и похоже на свежевystиранное бельё, распластанное на верёвке, под почти незаметным шевелением лёгкого ветерка.

Шалон в Шампани городок небольшой.

Серое утро.

Пьём кофе в ресторане на площади. Его название связано с Единорогом.

Это действительно важно

LICORNE...

ЕДИНОРОГ...

Чистая Сестра, Наша Альба, огороженный Сад, Единорог на руках у Девы. Символ устойчивого и тайного Состояния. Присутствия Священного в определённой модальности. Как это понять?

Захват модусом присутствия есть фасцинация.

Например. Доминанта похоти, вызываемая мощно простроенной эротической подачей. Женщина не только обворожительная сама по себе, формно, но имеет место специфическая одежда, парфюмы, макияж, модуляции тембра голоса и пластика поведения. Неопытный в субъектности мужчина выпадает и фиксируется, по факту на вновь приобретённое божество, как центр собственной фиксации. Это делает его рабом, так как устойчивое коридорное сосредоточение на внешнем объекте губительно для оператора.

Назовём данную ситуацию «Захватом Лилит».

Второй пример. Дом, детишки, уют, вкусная еда, добрая и милая жена. Почти рай на земле... вот только: такая композиция всегда объектно проводит социо-культуру со всеми вытекающими последствиями. Ловушка стабильности и семьи.

Это божество назовём «Ева».

«Чистая Сестра» — обнажённая Женственность вне жажд обладания, страхов потери и планов обустройства. Она rozpoзнаётся крайне редко в современности, как распахнутая краткая встреча вне каких-либо сюжетов. Это — Астральная Вода ожившей души.

«Наша Дева» — Священное Присутствие, содержащееся в Романо-Готическом Храме, однако, его распознать возможно из стартового плато предыдущего устойчивого состояния.

«Наша Альба» это совокупное название «Чистой Сестры» и «Нашей Девы».

Зачем столько сложностей и названий?

То, что не получило Имени, того нет. В Готический Храм просто зайти нелепо трагически недостаточно.

Итак, Шалон-ан-Шампань.

Пожалуй, один из идеальных городков для определенного типа людей. В нём проживает что-то около 48000 человек, во множестве невысоких уютных домиков, часть из них — фахверк. Серое спокойствие улиц, объятых зелёными гримуарами парков. И во всём этом — Готические Тампли.

Они тотально и всецело пронизывают своей тонкой радиацией город, их Светлая Печаль звенит в обертонах французской речи, их свадебное Блаженство разошлось литургийными модуляциями (уж простите) Мирей Матье. Последняя, исчерчивает узор Мелюзининой Песни...

Рай на земле когда-то таки был построен здесь, во Франции. Эту драгоценную Чашу разбили те, у кого рога и копыта, но осколки разлетелись: французская песня (Мирей Матье, Ив Монтан, Джо Дассен, Патрисия Каас, Милен Фармер и многие другие); кухня Мелюзины; парфюмы; одежда; Вина и шампанское; элегантность и... Готическое Зодчество, рождённое в Иль-де-Франс.

Мистерия самой французской речи.

Главный Храм, пожалуй, Notre-Dame-en-Vaux, очень важная пульсовая точка Камино де Сантьяго.

Строился он шестьдесят лет, завершено сие деяние было в 1217 году.

Этот Тампль концентрированно содержит в себе всю Силу и глубину Рыцарского Гнозиса; он мало загрязнён чуждыми архитектурными импликациями.

Наверное, сей Храм один из редких примеров полноценного Сосуда Передачи; в определённом смысле — он совершенен.

Базовую структуру держат четыре Башни: две западные — острые и огненные, восточные, напротив, сейчас, в пассивной форме (когда-то они тоже были со шпилями). Таким образом есть некий промывающийся Куб Фиксации. Далее, всё типично для Готики: Крест Нефа и Трансепта.

Тампль сильно пострадал в годы Революции, почти все статуи снаружи (а их насчитывалось около 120) уничтожены и только следы на камне свидетельствуют о прошлом наличии.

В интерьере ярко и мощно выражены нервюры, эти структурные Небеса Нашей Геометрии. У счастья, Храм не крашен и не белен, сохранён в изначальном камне. Это действительно важно.

Есть немало древних витражей и Роза. Их свет волшебный и невечерний.

Попав сюда, сразу получаешь пневматический удар. Суть бьет в Суть. У кого Суть закрыта, тот либо тупеет, либо испытывает боль. Ещё хуже если просто звучит вульгарное восхищение «вау!».

Здесь можно очень тщательно и почти в идеальных условиях провести Ритуал Трёх Проходов. Людей почти нет и довольно часто огромный Храм всецело свободен от мешчан, он молчит и сияет, — ты один: неземная радиация и больше ничего.

Приведём цитату, описывающую интерьер сего Тампля:

«Интерьер церкви оставляет впечатление легкости и воздушности. Неф в семь пролетов поднимается ввысь на четыре уровня: аркады, хоры, глухой трифорий и высокие окна. Хор

церкви выстроен по тому же принципу, в то время как апсидальная часть включает в себя лишь три уровня. Легкие и элегантные колонны, расположенные при входе в каждую из трех радиальных капелл, гармонично делят шестичастные своды. Мягкий свет, проникающий внутрь через многочисленные витражи, расцвечивает интерьер множеством красок. В церкви представлено три эпохи искусства витража. На северной капелле хора представлены романские медальоны второй половины 12 века, для боковых нефов характерны витражи 16 века и, наконец, благодаря реставрации аббата Поля Шампенуа, в церкви имеются и прекрасные образцы витражей 19 века, таких, например, как витраж монументальной розы на западном портале. Внутри можно видеть многочисленные надгробия, часть которых была перенесена из церквей, разрушенных в период Революции; фрагментами этих плит выстлан пол церкви».

(Источник: <https://france-guide.livejournal.com/222241.html>).

Шалон городок небольшой, однако здесь на удивление много Храмов:

1. Notre-Dame-en-Vaux;
2. Cathédrale Saint-Étienne de Châlons;
3. Saint-Alpin;
4. Saint-Loup;
5. Saint-Jean...

Есть ещё Тампли, но не удалось их навестить.

Обязательно следует упомянуть Basilique Notre-Dame de l'Épine: она расположена всего в десяти километрах от города.

Сей Тампль примерно симметричен и равновелик по Гнозису и силе Notre-Dame-en-Vaux.

Собор Шалона в Шампани весьма своеобразен. Первая его особенность — это Храм Воздуха: он просторен и вертикален. Боковые Нефы сделаны так, что возникает ощущение диагонального взлёта в сторону Востока, они же, своей стрелчатостью и существенной вертикальностью конкретно активируют оператора по центральному кругу, так иницируя воинскую составляющую.

Примечательно: полностью сей Тампль возведён за 500 лет.

Есть здесь и витражи: немного древних, больше новых. Сияющие картины всегда придают ощущение праздника и его предчувствия, некая Вечная Пасха.

Южный Фасад Собора вполне содержит алхимическую летопись в своей структуре: вход, возможно, связан с VITRIOL; далее — три треугольника, вполне: Триада Парацельса; далее — два Чистых (Мужское и Женское); Священная Иерогамия — Роза, первый Камень при жизни, находящийся на постоянном ровном Огне; уход Камня (вторая Роза в Трикуте) в Райские Измерения Тайного Пламени...

Северный Фасад, возможно, показывает Прямой Путь Быстрых Огней...

Западный Фасад здесь своеобразен: Готическая Роза в барокковых объятиях меж четырёх колонн (по две с каждой стороны), видимо, обыгрывается идея Квинтэссенции в сочетании с Вратами Изиды и вторым бытиём в мире Вод.

Этот классицизм-барокко явно фиксирует и акватизирует опус, по сравнению с Готической ритмикой.

Тампль Святого Иоанна, пожалуй, наиболее древний. Он выражен в более романских формах. Присутствие очень мощное и конкретное.

Вернёмся, однако, к Notre-Dame-en-Vaux. Этот Тампль был важной пульсовой точкой пути Камино де Сантьяго. Он содержал в себе необычную реликвию — Пуповину Христа.

Вот, вкратце, об этом (в таких скобках /.../ наши комментарии):

«Среди церковных достопримечательностей Шалона наибольшей известностью пользовалась Коллегиальная церковь Богоматери (Collégiale Notre-Dame en Vaux) — постройка XII–XIII веков, впоследствии не раз переделанная. Величественный храм с резным порталом и четырьмя высокими, увенчанными шпилями башнями, стоял на «Пути святого Иакова» — оживлённой паломнической дороге к мощам апостола Иакова, покоящимся в Сантьяго-де-Компостела.

Впрочем, со времен гугенотских войн во Франции пилигримы забросили этот маршрут.

Однако в церкви Богоматери в Шалоне долгое время хранилась и собственная реликвия, привлекавшая толпы богомоль-

цев. То был «умбилик» (лат. Umbilicus) — «святая пуповина» или «пупок Иисуса Христа».

Появлению этой необычной святыни предшествовали напряжённые раздумья средневековых богословов о телесной, человеческой природе Спасителя. Согласно догмату о Вознесении Христа, Его «прославленное тело» достигло небес, за исключением нескольких частиц, оставшихся на земле. К ним относились выпавшие молочные зубы, остриженные волосы, ногти, а также обрезанные крайняя плоть и пуповина.

/Пуповина Христа, в человеческой его Природе — это «Альфа», «Омега» — Терновый Венец, привезённый Святым Людовиком и помещённый им в построенную для этого Сент-Шапель/.

Все эти реликвии во множестве появились в европейских церквях во время Крестовых походов, будучи вывезены из Святой земли в роскошно изукрашенных ковчежцах или просто в походных сумках крестоносцев /умножение и распространение Тела Христа; опора на Коагулят и вхождение его в тело Европы; одна из вторичных причин появления Готического Опуса Зодчества/.

Первым обладателем святой пуповины стал Рим. Уже в XIII веке здесь бытовала легенда, утверждавшая, что Карл Великий получил её в дар от византийского императора, вместе с терновым венцом Христа и Его крайней плотью, в благодарность за помощь против неверных, которые угрожали Константинополю и Иерусалиму. Согласно Книге откровений святой Бригитты, эти реликвии собрала и сохранила сама Дева Мария; из её рук они перешли к святому Иоанну Богослову, затем были утрачены и вновь обретены чудесным образом

/описана Линия Передачи: она связана с наибольшей мистериальностью (Св. Иоанном).../.

В годы понтификата Климента V (1305–1314), первого Авиньонского папы, святая пуповина была разделена, и вторая часть её отправилась в Шалон /как раз тот папа, который уничтожил Тамплиеров; не исключено, что Пуповину поместили в Шалон, так как эта местность была связана с Изначалием Ордена Тамплиеров, возможно, так пытались заткнуть дыру, возникшую в связи с уничтожением Тампля/. Вероятно, это было сделано по просьбе Пьера де Латильи, шалонского епископа и канцлера Франции. В 1407 году святыню поместили в новый серебряный реликварий, изготовленный лучшим городским ювелиром. Скульптура изображала Богоматерь, восседающую на троне и

державшую на правом колене Младенца Христа; живот Спасителя прикрывал большой круглый мощевик с выемкой в центре, куда и была вмонтирована частица «умбилика».

Торжественное чествование святой пуповины совершалось каждый год в праздник Обрезания Господня (1 января). В этот день в Шалон стекалось множество народа из соседней округи и отдалённых мест.

Когда в 1512 году король Людовик XII проезжал через Шалон, драгоценную реликвию с почестями перенесли из церкви Богоматери в кафедральный собор Сент-Этьен.

Здесь, 20 мая 1696 года, состоялось посвящение обракского аббата Гастона де Ноайля в епископы Шалона. Торжественный обряд совершил его старший брат и предшественник на шалонской кафедре Луи Антуан де Ноайль, в свою очередь возвышенный в сан архиепископа Парижского.

Молодой епископ ознаменовал начало своего служения многими делами милосердия. Он основал приют для раскаявшихся проституток и открыл церковную казну для помощи нуждающимся во время Великого голода 1709 года, когда необыкновенно суровая зима уничтожила все посевы во Франции.

Тем не менее однажды горожане едва не растерзали его.

Причиной внезапно вспыхнувшей вражды между епископом и его паствой было то, что монсеньёр де Ноайль вознамерился искоренить в своей епархии почитание святой пуповины, которое он счёл грубым суеверием /видимо, сказалось влияние распространяющихся агрессивных взглядов оперативного кибелианства в виде материализма/.

В сокровищнице собора Сент-Этьен хранились многие святыни не менее сомнительного происхождения, в том числе мощи первомученика Стефана (Этьена, во французском произношении): локтевая кость, два фрагмента черепа и «кровь святого Этьена». Почему де Ноайль ополчился именно на святой пуп, доподлинно неизвестно. Вероятно, на него повлияли популярные сочинения Жана-Батиста Тьера («Трактат о суевериях», 1679) и Пьера Лебрена («Критическая история суеверных практик», 1693, вышла анонимно в 1702 г.) с их осуждением неподобающих культовых практик.

Несомненно одно: шалонским епископом двигало истинное благочестие, желающее освободить веру от предрассудков /а быт, от оперативной энергии Святости/.

Году в 1702 де Ноайль устроил необычное (и по мнению всех, кощунственное) освидетельствование главной реликвии Шалона. По его распоряжению святой пуп был извлечён из реликвария и осмотрен специально приглашённым врачом на предмет определения его принадлежности к человеческой плоти. В присутствии Ноайля и городского духовенства доктор старательно изучил «умбилик»: рассмотрел под увеличительным стеклом, обнюхал и даже попробовал на зуб. В конце концов он заявил, что исследуемый объект является веществом без вкуса и запаха, природу которого невозможно распознать.

Жалоба настоятеля Коллегиальной Церкви Богоматери на действия шалонского епископа осталась без последствий, что не удивительно, поскольку старший брат Гастона де Ноайля к тому времени получил кардинальскую шапку.

Судьба «умбилика» была решена. Шалонский епископ поступил с ним так, как христианство издавна привыкло поступать со лжесвятынями: «святой пуп» решено было уничтожить. Иссохший кусочек того, что на протяжении нескольких столетий считалось плотью Христовой, был брошен в зеленоватую воду Марны /действия такого рода однозначно уменьшали концентрацию Священного Присутствия во Франции, что и сделало возможным ужасы Революции впоследствии/.

Шалон ответил на этот акт благочестия всеобщим восстанием. Но, как позже напишет Вольтер («Трактат о веротерпимости, 1767»), «епископ был настолько же храбр, насколько благочестив, и ему удалось убедить жителей Шалона, что можно поклоняться Иисусу Христу в духе и истине, не сохраняя его пупка в церкви» /характерно, что эта сволочь, Вольтер, не смог не обратить внимание на данный акт/.

Удивительным образом слова епископа успокоили толпу. Гастон де Ноайль умер своей смертью, в сане шалонского епископа, 15 сентября 1720 года».

(Сергей Цветков — «Утопленная реликвия»:

<https://zaist.ru/about/>).

Так что Пуповина Христа многие годы была сохраняема в Notre-Dame-en-Vaux, что, конечно, оставило пневматический след в этом Храме.

Тампль Saint-Alpin расположен недалеко от Центральной площади и виден с неё: его приятно хмурая и суровая громада (отрезвляющая на тему отказа от наркотика неправильного Мистического опыта) возвышается над каким-то мирским зданием, что весьма символично.

Сей Храм древний и посвящён Святому, который как-то обуздал Атиллу (данный сюжет не только и не столько исторический, как это пеленгует профанное сознание, но содержит определённую символику и ключи Опуса).

Интерьер этого Храма довольно типичный для Романо-Готики. В нём прекрасно идёт Ритуал Трёх Проходов.

Всего в десяти километрах от Шалона находится Пламенеющий Тампль *Basilique Notre-Dame de l'Épine*.

Легенда гласит, что этот Храм был возведён в связи с чудесным обнаружением некоего артефакта в пылающем кусте.

Здесь явно ощущаем Тайный Огонь, которому, по сути, и посвящён сей Нотр-Дам.

Шалон-ан-Шампань.

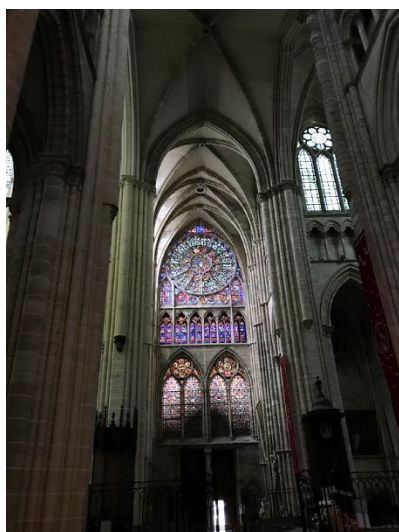
Мы здесь два дня.

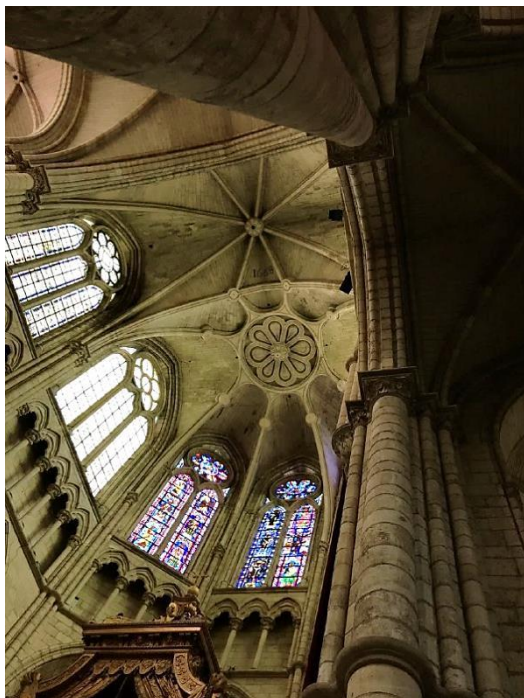
Дождь, порою ливень, и хмурое небо — постоянные спутники. Они задают настрой единения верха и низа, по законам первого. Возвращение на Запад.

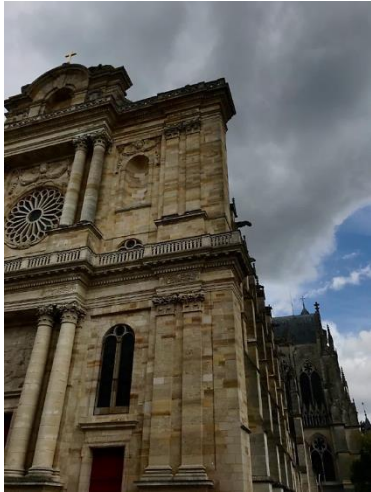
Здесь всё по-иному.

Здесь страна Синего Огня.

Он отражён в зеркале рыцарских лат.

4) СОЗВЕЗДИЕ ТРУА. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗАПАД.

Труа — это целая вселенная.

Сразу попробуем набросать координаты её зодиака.

Тамплиеры и Бернар Клервоский...

Мистерия Шампанских Вин...

Кретьен де Труа: куртуазный Рыцарский роман и Святой Грааль...

Папа Урбан Четвёртый и Тангейзер (а значит связь с Нюрнбергом)...

Еврейский гений Раши...

Святой Лу (Saint Loup) — Святой Волк («Loup», по-французски, значит «Волк»), обуздавший Атиллу и имеющий своим символом Алмаз, который падает с неба во время литургии...

Малахий Ирландский, друг Святого Бернара...

Храмы:

- Cathédrale Saint-Pierre-et-Saint-Paul;
- Basilique Saint-Urbain;
- Église Sainte-Madeleine;
- Église Saint-Jean-au-Marché;
- Église Saint-Nizier;
- Église Saint-Nicolas;
- Église Saint-Pantaléon;
- Église Saint-Remy...

Отдельная тема: море фахверка.

Наверное, три Храма наиболее сущностные в Труа — это Собор, посвящённые Папе Урбану и Марии Магдалине.

Труа.

Небольшой городок. Место, где окончательно состоялся великий Орден Тамплиеров.

Извивающиеся улочки, фахверк, символы и узоры.

Труа уютен, тих и сокрыл в своей листве травяное солнце глубокого смысла: оно рассеяно серебряными колючками этого ежа по мириадам мифов и сказок. Ведь именно здесь Кретьен

де Труа коагулировал куртуазный роман, Персеваль начал свой путь.

Труа — камень Европы. Тихий свет не вечернего созвездия радостных снов. Конечно, современное убожество и уродство коснулись и его нежной эфемерности, разбрызгались вульгарностью неслучившегося покаяния.

Тем не менее, сокрытый в паутине нужной векторности, Золотой Паук всё ещё прядёт свою пряжу.

Настоящий Золотой Паук есть и в Труа — Храм Урбана Четвёртого, того самого, из легенды про Тангейзера.

Сын простого сапожника, он взлетел по диагонали: сначала став архидиаконом Лана, потом — папским нунцием, епископом Вердена и патриархом Иерусалима. Наконец, в 1261 году он был избран папой римским под именем Урбана IV.

На месте сапожной мастерской и заложили сей Тампль.

Сапожник... Святой Антоний и Сапожник; Якоб Бёме — тоже сапожник: совпадения рассказывают свою историю. Сапожник обеспечивает для людей корректный контакт с землёй, он обслуживает самую низменную и деятельную часть их тел — стопы; в то же время, обувь — некий фундамент. Делать обувь, архетипически похоже «омыть ноги ученикам».

От Сапог до Тиары...

Вот как описана история этого Тампля:

«Это классический образец готической архитектуры конца 13 века. Строители столкнулись с сопротивлением монахинь ближайшего аббатства, которые нанесли значительный ущерб во время строительства. Большая часть здания построена в 13 веке, и некоторые из витражей относятся к этому периоду, но завершение строительства церкви было отложено на много лет из-за войны или отсутствия финансирования. В 14-м веке был оформлен интерьер нескольких пролетов нефа и сооружен деревянный остов, который служил сводом храма вплоть до 19-го века.

Со временем церковь плотно обступили построенные вокруг дома, а в ходе Французской революции его превратили в зернохранилище, а потом склад продовольствия. Но в 19-м веке начались восстановительные работы, дома вокруг храма были снесены, расчистив вид на него».

(Источник: <http://frenchtrip.ru/regions/champagne-ardenne/troyes-trua/dostoprimechatelnosti-trua/tserkvi-trua/>).

И ещё:

Храм «представляет собой один из лучших образцов лучшей готики, которая зародилась в середине 13-го века в Париже и на севере Франции. В отличие от классической готики, для которой характерны 3 яруса (аркада, трифорий и ряд окон), здесь можно наблюдать лишь 2: аркаду и высокие витражные окна. Именно витражи играют ключевую роль в формировании внутреннего пространства храма, они занимают все пространство стен вне несущих конструкций, которые дополнительно разгружены за счет переноса нагрузки на акрбутаны. Первоначальные витражи 13-го века сохранились только в хоре. Остальные были сделаны в конце 19—нач. 20 вв. по средневековым мотивам».

(там же)

Интересно ощущение от Тампля Святого Урбана: нефиксированная вознесённость, Храм как бы возгорается и одновременно закипает вверх. Это вполне соответствует функции Папы по наведению Моста, здесь резонансна и биография — от Сапог до Тиары. Следовательно, это Тампль Быстрых Огней и одного потока.

Западный фасад полностью в этом же духе: Пламя в три каскада вверх.

Может потому, сия огненность форм, светоносность витражей и воздушность объёмов одаривают Пилигрима воспарённой лёгкостью и духовной беззаботностью.

Такой Золотой Паук ткёт только Паутину Истины, которая драгоценно и самоцветно струится всеми цветами освобождённой радужной сферы.

Катедраль Труа посвящён апостолам Петру и Павлу.

Он огромен и великолепен, его фасад несколько несимметричен: в наличии только одна Башня, Северная. Она посвящена Апостолу Петру. Предполагалась симметричная ей с Юга, соответственно, символизирующая Святого Павла.

Потому: можно считать сей Собор как бы недостроенным, то есть — Опус активно продолжается; а если учесть, что здесь в 1128 году окончательно был оформлен Орден Храмовников, то выходит, что это — Дело Тампля.

Поскольку именно Башня Петра, ещё и на Севере, есть в наличии, постольку, напрашивается вывод, что здесь речь идёт об энигме Камня.

Таким образом, сам Cathédrale Saint-Pierre-et-Saint-Paul как бы — Философский Камень.

Немного о Соборе:

«Самая ранняя часть — хор XIII века. Центральный фасад относится к началу XIV века. Три основных портала созданы архитектором Марином Шамбижем. Собор избежал разрушения во время Французской революции, но был дехристианизирован и на несколько лет превратился в Храм Изобилия.

(...)

Кафедральный собор Труа особенно известен своими исключительными витражами, датируемыми 13–19 веками, площадью 1500 м², а также великолепной сокровищницей, содержащей среди многих других важных работ шкатулку с мощами или святынями святого Бернара де Клерво и его ближайшего друга святого Малахии Ирландского. Часть из богатств сокровищницы были вывезены крестоносцами из Константинополя в 1204 году».

(там же)

Итак, с южной стороны есть некая комната. Там что-то вроде музея, однако, она вмещает ряд мощей и что очень важно, Святого Бернара.

То есть, здесь находится посвяtitельный Ключ и к Тамплиерскому Наследию и к постижению внутренней сути «Божественной комедии» Данте. Касательно Бернара, то известно два основных его мистических визиона. Один связан со Христом: Спаситель как бы обнимет его; второй — с Девой, Она кормит Бернара Молоком из своей груди.

Первый опыт повествует о единении с Учителем-Богом; второй, возможно, сообщает о некоем плоде — обратим внимание, Молоко, это Белизна. Быть может речь идёт об устойчивом Се-

ребре (отсюда, кстати, особая Чистота цистерцианцев да и апофатические особенности их зодчества).

В этом смысле Красным был аббат Сюжер, давший миру первый Готический Тампль, а также — сам Орден Храмовников: из Белизны цистерцианцев проявлялся их Красный Крест.

Собор огромен: это различимо снаружи, это очевидно внутри. Пять Нефов, ощущение девственного Снега, тишина особая.

Интересно, что посвящение Петру и Павлу может быть прямо связано с Тамплиерами и наоборот. В определённом созерцании, эти Апостолы являются двумя Всадниками на одном коне.

Пётр-Камень: его символ Ключ. Внешне сей Апостол, наряду с Братьями Грома, является одним из трёх главных Учеников Христа. Во всех ключевых моментах земного Пути Спасителя они вместе. Вместе они составляют энигму «Громового Камня».

Пётр, Иоанн Богослов и Иаков-Матаморос: Иоанн — символизирует Неподвижность и полюс Монашества; Иаков — Пилигримаж и Воинский Подвиг.

С Иоанном связаны Пречистая и Мария Магдалина; с Иаковом — Святой Мартин и Святой Георгий, как Истоки Рыцарства.

Линия Святого Павла (а его Знак — Меч) переходит через Дионисия Ареопагита (Сен-Дени) к аббату Сюжеру и коагулируется в Готическое Зодчество. В определённом смысле, платоническое наследие (вкупе с аристотелианством) интегрируется сюда же.

Апостол Павел получил Передачу от Тела Славы Христа (это также очень важно).

И ещё, французский герметический контекст:

«...Фламель изобразил на своем надгробии все основные элементы Великого Делания. Меч в руке Святого Павла символизирует тайный огонь Философов, скипетр Спасителя — первомерию Делания, а ключ в руках Апостола Петра — философское растворение, являющееся ключом к магистерии; покойник, изображенный в нижней части надгробия, символизирует не столько мёртвого Фламеля, сколько важнейший этап Делания, разложение, без которого нельзя продвинуться ни на

шаг. Солнце и луна, без сомнения, символизируют Солнце и Луну Философов, то есть их истинные золото и серебро».

(Бутузов Г. А. — «Фламель, алхимия и колесо истории»).

Собрав все эти Тайны стоит Собор в Труа.

Собрав все эти Тайны живёт сокрытую Жизнь Орден Тамплиеров.

Третий мираклъ Труа — Église Sainte-Madeleine.

Цитата:

«Эта самая старая церковь в Труа, хотя сложно оценить всю красоту здания из-за облепивших храм домов. Первое упоминание об этой церкви относится к 1157 году. Храм был построен к 1120 году, но в конце 13-го века его перестроили в готическом стиле, который только стал зарождаться во Франции. Хор и апсиды церкви были перестроены в 16 веке в стиле пламенеющей готики, а в 1525 году была построена квадратная колокольня и портал старого кладбища, располагавшегося справа от входа в церковь. В 1776 году был принят закон, запрещавший захоронения в черте города, так что кладбище перенесли, а на его месте теперь можно полюбоваться небольшим сквером Jardin des Innocents («Сад невинных младенцев»). Главный портал церкви был переделан в 17-м веке.

Уникальность церкви состоит в наличии каменного амвона — перегородки, отделяющей неф от хора, которая сохранилась не более чем в 10 французских церквях. Амвон церкви св. Марии Магдалины был выполнен в 16-м веке Жаном Гэльдом, который 11 лет работал над этим каменным кружевом. Он похоронен здесь же, в церкви. Первоначально амвон был полихромным, но его побелили в 18-м веке вместе со стенами церкви.

Другой примечательный момент храма — витражи, выполненные в 15–16 вв., которые считаются самыми выдающимися в Труа, с их яркими красками и высоким мастерством исполнения. Обратите внимание на витражи «Генезис» (ок. 1500 г.) и «Житие св. Элигия» (1506 г.) работы Никола Кордонье по заказу гильдии ювелиров Труа.

В часовне Сен-Луи на севере, которую основал Симон Либорон, мэр Труа в 1496 году, представлена жизнь этого святого. В центральной часовне апсиды, которая была часовней Богороди-

цы и часовней серебряников, изображены жизнь Элоя, дерево Иессея и Ветхий Завет. В южной часовне, часовне Нотр-Дам можно посмотреть «Страсти Христовы», подаренные Николя ле Муэ, который умер в 1484 году и его женой Катрин Бушера. История Мадлен, подаренная обувными мастерами Труа в 1506 году. Еще одна — триумф Креста с гербом семьи Тартье».

(Источник: <http://frenchtrip.ru/regions/champagne-ardenne/troyes-trua/dostoprimechatelnosti-trua/tserkvi-trua/>).

Сей Тампль похож на каменную Розу. Её бутон (когда вступишь) сокрыт. По мере продвижения по Храму, Роза открывается, впуская в себя Пилигрима. Дивный тонкий аромат расходится по Нефу, проникает в Розы твоей совокупности. Всё становится Садам.

Розариум.

Тампль. Ты. Вы вместе. Вы — одно.

Возможно, так происходит контакт с охемой Марии Магдалины.

Итак: проститутка. Очищена Христом от семи каскадов ограничений. Присутствовала при Распятии Спасителя. Первая из людей узрела Воскресшего.

Всё это не просто сентиментальные истории, выжимающие скупую слезу из зрительного аппарата обывателя, в очередной раз вспомнившего «про бога».

«"Мария стояла у гроба и плакала", — читаем мы в Евангелии от Иоанна в предпоследней главе. Она просто плакала. Не в силах пережить свое горе, она рыдала, слабая и беззащитная, хрупкая женщина. Она не испугалась, увидев явившихся ей Ангелов — несчастье так ослепило ее, что она уже не рассуждала. На вопрос Ангелов, почему она плачет, Мария как-то по-детски, наивно и трогательно жалуется, что "унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его" (Ин. 20, 13). Не узнала она и Самого Иисуса Христа. Слезы застили ей глаза. Она просит Его, думая, что это садовник: "Господин! Если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его". Тогда Иисус зовет ее по имени, и она узнает Его... Можем ли мы представить, что творилось в тот момент в сердце Марии? Какая радость озарила ее душу, опаленную невыносимым горем! Пасхальная радость. Она по-

спешила к ученикам, томящимся в смятении и неведении, и впервые возвестила благую весть: "Христос Воскрес! Я видела Христа"».

(Источник:

https://www.pravchelny.ru/all_publications/publications/?ID=11037).

— как-то так образ Магдалины отражён в базовом религиозном сознании. Конечно, настроение сего описания вполне подходит для детской доброй сказки, но духовно — недостоверно. Много сантиментов, работает только профанный дискурсивный ум... оперативно, это почти ничего не даёт. В таком стиле нет духовного мужества и распылён своеобразный инфантилизм.

«Магдалина» может быть истолкована, как «Башня» (ивр. *migdal*, араб. *magdala*). Дело в том, что Башня, венчающая наподобие короны голову, это один из символов Кибелы. В таком случае, очищение от семи грехов, от семи искажений, это есть Операция убиения Кибелы, Операция перевода тока Вод вспять (что метафорически в Митраизме явлено как Убийство Быка).

В другой системе символов, Башня (правда вне связи с женщиной, а сама по себе) есть Рыцарским знаком восхождения к Небу через подвиг, собственно, означает Вертикаль и трансцендентное. В этом ключе, Магдалина как бы восходит вверх, навстречу другой Марии, из которой изошёл Христос, — к Пречистой.

В православии и католицизме сильно различаются Предания о Магдалине, более экстремальный вариант как раз в последнем, православные не признают, что Магдалина была проституткой, их образ более тих и обычен. Возможно, тут дело не столько в католицизме, сколько в Рыцарской Традиции: Опус Магдалины здесь даёт немало алхимических ключей и потому, нам, он так более актуален.

По сути, Опус Магдалины сообщён некими ключевыми сюжетами-Архэ, каждый из которых — энигма, намекающая на одну или несколько Операций Искусства.

Яков Ворагинский собрал основные Архэ в своей «Золотой легенде».

«*Noli me tangere*», то есть, «*не прикасайся ко Мне*» — важная энигма, связанна с Магдалиной:

«не прикасайся ко Мне, ибо Я ещё не восшёл к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему»
(Ин. 20:11-17)

Здесь, вне сомнений, сокрыта глубокая тайна.

Апостол Фома, напротив, допущен до касания. Таким образом, он также попадает в пространство осознания Опуса Магдалины.

Ещё: Мария является сестрой Марфы и Лазаря (того самого, которого Спаситель воскресил из мертвых).

Магдалина слезами омыла ноги Христа и отёрла их волосами...

Её главные Символы: Сосуд с миром, Пасхальное Яйцо (исключительно глубокая традиция красить яйца пошла именно в связи с Опусом Магдалины, первое яйцо было самоокрашено в Красное), Алебастровый Сосуд с благовониями, Череп, Длинные Волосы...

Вернёмся, однако, к Ванне Присутствия Магдалины в Труа, то есть — к её Храму.

Он действительно несколько зажат окружающими строениями, которые, впрочем, сами по себе очень даже симпатичны. Интересно акцентирует контрастом стремительная Башня, вырастающая почти из узкой улочки.

Настроение внутренности Храма нежное особой Нежностью.

Внешне, специфика сего Тампля выражена в каменном резном амвоне, преграде, отделяющей Неф от Хоров: это некое чудо, где сущностная массивность камня превращена резцом Мастера в тонкую кружевную паутину. Ещё один ингредиент — утончённо сочные красками, витражи.

Труа — город множества фахверковых домиков. Они здесь не такие яркие, как, например, в Лимбурге или Госларе, их цвета поспокойнее. Однако, сие даже приятно и пеленает Труа в особый уют.

Мистерия улицы здесь такова.

Следует отметить радостно динамичные статуи из металла: вон дама в шляпе с широкими полями кого-то ожидает, её настроение сокрыто-романтично. Вон весёлый пёс-другище прыгнул в реку, а там — разноголосая ватага детей повторяет сие компанией; в неё входит и серьёзная утка, снабжённая трубкой для ныряния...

В который раз познаёшь Вкус Жизни по-французски. Это элегантно. Это — радостно и с любовью.

С Труа связан Святой Волк.

Да, именно так переводится «Saint Loup». Интересна его иконография: подобно Архангелу Михаилу и Георгию Победоносцу, он поражает Дракона, Мечом. Внешне, экзотерически, сие связывают с духовным воздействием Святого на Атиллу, вождя гуннов.

Ритуальное Оружие роднит Saint Loup с Апостолом Павлом.

Что, конечно же, даёт ещё один ключ к постижению Тампля.

Кретьен де Труа.

Двенадцатый век.

Поэт. Трувер. Он написал про Грааль и цикл Посвящения в это Таинство.

Произведения такого рода, также, своеобразный Тампль, потому что они фиксируют Иное и являются возможной средой обитания для души. Они как некий водоём и ванна, они как Масло: пропитка души.

Активная фантазия, воображение: прочтение с визуализацией и проживанием произведения и есть некое посвящение.

Не нужно сразу приватизировать смыслы, искать подоплёки и мораль. Просто читаешь и вбираешь.

Этого достаточно.

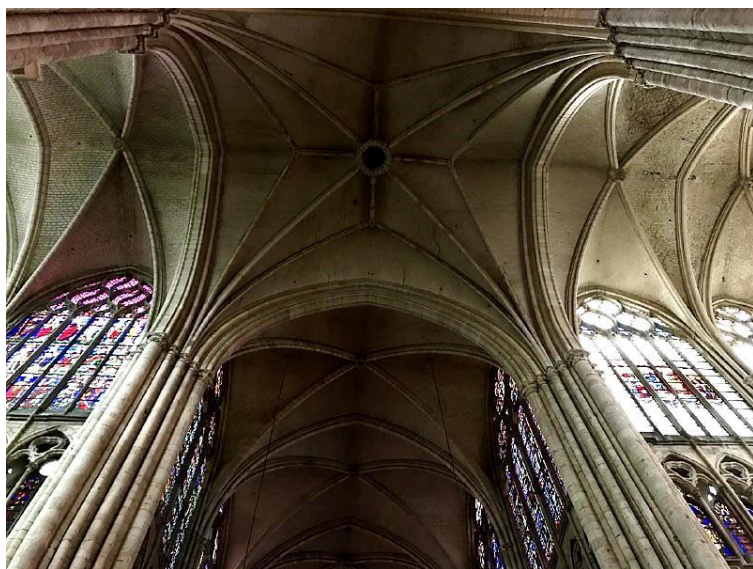
Потом с этим живёшь.

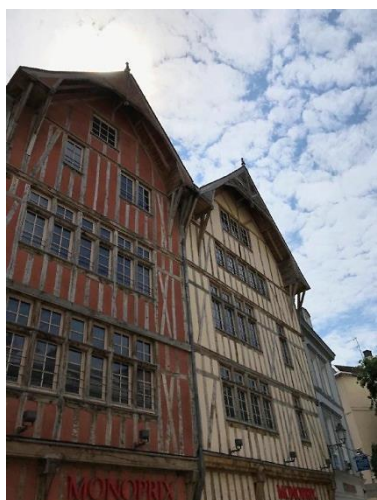
Труа.

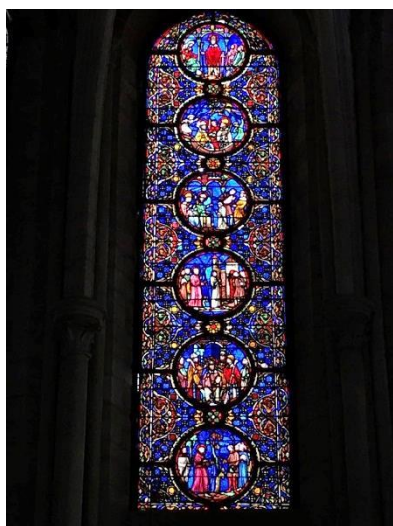
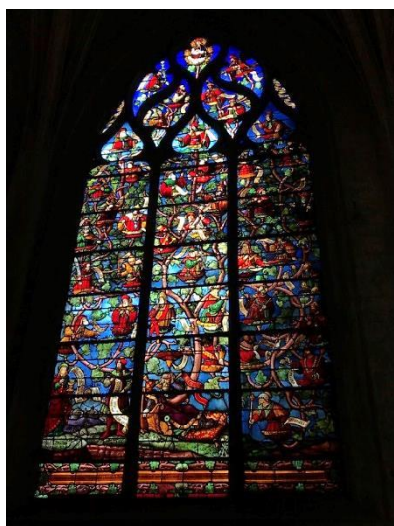
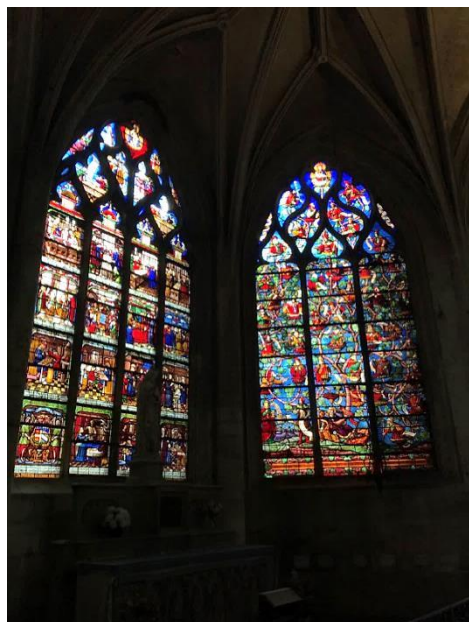
Мы снова здесь.

Возвращение на Запад состоялось.

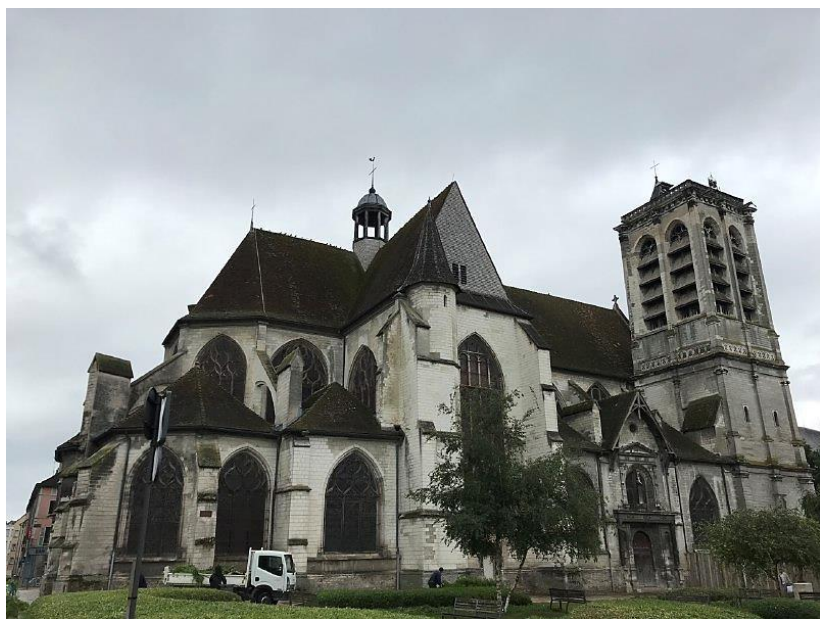

5) ПАРИЖ ВСЁ-ТАКИ НЕ НАХОДИТ РАЗРЕШЕНИЯ.

Возвращение в Париж.

Опять и сразу — тёплые объятия города на Сене.

Его Корабль, его Храм...

Выходим на Восточном Вокзале. Рядом Храм Saint-Laurent. В нём происходит какое-то католическое действо, похоже, общая молитва.

Тамплъ густо намолен: это ощущается бело-туманно разлитой тишиной. Ритуал не делаю, ибо сие неуместно.

Аккуратно присаживаемся. Возношу Воззвание.

Чисто.

Храм становится нашими вратами в этот Париж.

Идём пешком. Наслаждаемся городом.купаемся в его золотистой охеме. Действительно, из-за особой акватикки Парижа здесь нет чувства смерти. Город, подобный наркотику. Сладкое забытьё.

Парижские улочки.

Парижские сны.

Заселяемся.

Опять совсем рядом два Готических Храма. Снова — Мистерия расслабленного пребывания и разговор о важнейшем как бы невзначай. Соскальзывают серьезности, растворяются фиксации. Место на краю.

Снова в одиночестве иду в Saint-Eustache, этот Тамплъ достаточно загрязнён классицизмом-барокко, но импонирует его готическая структура, высота нефов, общая вознесённость. Нервюрная сетка вверху.

Ритуал Трёх Проходов.

Всё на месте.

Всё как надо.

Сегодня ветрено и хмуро. Любимая погода.

Париж.

Как не усердствуй в самых различных спекуляциях, сей город имеет совершенно чётко определённый центр: Остров Сите. Как бы свой некий Авалон.

Он же, одновременно, Камень Paris.

И сейчас, последнее столетие, там всецело однозначно два ингредиента: Женский — Храм Notre-Dame и Мужской, Капелла Сент-Шапель.

Sacré Cœur, Сердце Сакрального, — вот что такое Сите и его Двойка...

Так управлялась Мелюзина: эта базовая местная пневма направлялась через Чистую Сестру к Пречистой, к Notre-Dame.

Однако, видимо, на каком-то этапе какой-то из правящих элит (или кандидатов в оную) стало ясно, что в такой конфигурации ингредиентов и требований, как это было в условной базовой средневековой модальности, им не светит ничего в плане победы над смертью и ограниченной человеческой долей.

Возможно, было нечто обещано и даже даровано авансом...

А может и не было описанной конкретики, а всё шло инспиративно.

Так или иначе, но возникла задача опустить Мелюзину до Кибелы, ради чего и была совершена Революция и её каскады: нужна была иная Первоматерия.

Одним из последних аккордов Революции стало сожжение Нотр-Дам-де-Пари. Это нарушило циркуляцию пневм Сите, а значит — и Парижа, и всей Европы.

Нужно сказать, что до Революции, кроме Собора, на острове Сите размещалось до двадцати (!) Храмов и «Кораблём двух Святынь» Сите стал благодаря вульгарным действиям Жоржа Эжена Османа. По его приказу в рамках перестройки Парижа, эти церкви и ещё ряд зданий были снесены.

Так что, скорее по принципу нарастающей ужатости и отнятия получилась такая конфигурация.

После пожара Собора она, практически, свернулась в единицу и то, Сент-Шапель сейчас по функции больше музей, чем Храм.

Тенденция налицо.

Так или иначе, но парижский Собор Нашей Девы был главным Храмом Парижа и, пожалуй, Франции. Огромная сеть Готических Тамплей дышала через него и им. Не только она, но и Созвездие Храмов Нашей Девы, сам Париж, Франция...

И вот: Нотр-Дам пневматически мёртв. Его едва живой кадавр обнесён мощным забором с колючей проволокой сверху. И это чувствуется: всё-таки столица не находит своего разрешения. Она как бы томится. Мучится...

В Париже немало прекрасных Романо-Готических Тамплей, но они не заменяют главный. Париж так и не может внятно произнести строку своей поэмы.

Строку своего заклинания.

Карантин всё более входит в быт. Местные довольно строго соблюдают масочный режим в помещениях и в церквях, все носят маску полностью и часто делают недовольные замечания когда пытаешься оставить нос снаружи для свежего дыхания. Видно: по ним прошлись конкретно. Множество ритуалов новейшей псевдорелигии уже прочно вошли в обиход: они абсурдны с точки зрения медицинской логики, но прописаны системно.

Париж, ранее, до Пожара Нотр-Дам, представляли три символа: Собор Нашей Девы, Эйфелева башня и Триумфальная арка, что было отражено даже в сувенирной продукции.

После трагедии 15–16 апреля 2019 года Собор как бы выключился и концентрированным знаком Парижа стала Железная Башня.

Приведём большую цитату из Нашей статьи, описывающей Второй Пилигримаж во Францию:

«Так называемые «достопримечательности» — есть предлагаемые объёмы концентрации внимания и вопрошания, как бы представляющие сущностные смыслы-состояния конкретного места; как бы некие «центры мандал» (если под «мандалой» понимать организованное по определенным пропорциональным лучам Смысла, пространство).

И по факту, часто, поездка в другую страну состоит из скольжения вдоль силовых линий состояний-смыслов (то есть — бо-

жеств) с возможной разной степенью погружения в «колодцы умного чувствования и сердечного понимания».

Итак: вводим в ГУГЛ или спрашиваем кого про главную достопримечательность главного города Франции.

Ответ, почти всегда:

ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ.

И здесь мы попадаем в самую пучину оперативной Магии и точек ее сопряжения с культурой и попсой. Именно через точки сии и происходит передача управления от Хозяина инвольтаций его жертвам.

Ничто, тем более дорогостоящее, не строится просто так.

И Эйфелева Башня тому яркое подтверждение.

Построена она в 1889 году под руководством Гюстава Эйфеля.

До этого года Смысловым, Сакральным и презентационным Центром Парижа, безусловно был Храм Нотр-Дам-де-Пари.

Храм Богоматери.

Храм — с множеством алхимических аллегорий...

Сейчас Эйфелева Башня — самая посещаемая платная достопримечательность в мире; от момента создания до 31.12.2007 года её посетили 236 445 812 человек!!!

Она, с точки зрения параметра Количества, сегодня, безусловный Центр Парижа.

Попробуем, в первом приближении, вскрыть пласт смыслов и значений этого коллоса.

ЗАПАД: если Нотр-Дам в центре города, то Башня — на Западе.

Запад — направление угасания и смерти, а также: маркер доминантной цивилизации.

Интересно и то, что Эйфель, принимал участие в создании дара Франции США, Статуи Свободы (1885 год).

Упомянутая Статуя примечательна сама по себе и полна множества магических коннотаций.

Так, она из Меди.

Это Металл Венеры.

Башня, мало того, что из Железа, она ещё и находится на Марсовом Поле.

Марс, как известно, как раз соответствует Железу. Более того: Венера тянется к Марсу и наоборот. Видим силовую линию, натянутую между главными символами США и Франции, при

явной парадигмальной доминации первых: вот, в том числе, почему Башня на Западе Парижа.

Более того: в самом Париже есть ещё четыре уменьшенных копии Статуи Свободы (символ Свободы, кстати, весьма своеобразный: Женщина — что, в том числе, прозрачно намекает на её матриархальное прочтение); и сие указывает: квинтэссенция, Пятая, основная, на Западе, за океаном, а Башня — своеобразный Луч...

Есть всего несколько мест в столице Франции откуда не видно эту Башню: то есть она — безусловная доминанта Формы.

Заслуживает внимания и ОСОБЫЙ ТИТУЛ Башни: «ЖЕЛЕЗНАЯ ДАМА», видимо — откровенная антитеза и «Нашей Дамы» алхимиков, и Пречистой Дамы, Девы, христиан.

Не следует забывать, что Железо связано с Марсом, — а значит: с насилием, гнетом и войной.

Примечательны некие совпадения, связанные с числом 300.

Так, сам Эйфель называл свое создание «300-метровой Башней».

Её возводили 300 рабочих.

Но самое интересное: в 1887 году 300 писателей и художников (в их числе — Дюма-сын, Ги де Мопассан, композитор Шарль Гуно) подали в муниципалитет протест против возведения такой безвкусно уродливой конструкции, которая своей доминацией высоты перекроет «звучание» старого культурного Парижа.

Что и случилось позднее...

ФОРМА БАШНИ по сути несет в себе идею ПИРАМИДЫ и, конечно же, гнета, вкупе с эксплуатацией, которые всегда связаны с одним из полей смысла этой геометрической фигуры.

Но здесь мы зрим не просто Пирамиду, а Пирамиду с удлиненным протуберанцем Железа вверх, по направлению к Небу; что весьма прозрачно намекает на архетип, репрезентируемый и Ракетой: «Штурм горних Миров», «Мечь и прорыв Титанов».

Впрочем, Башня сия прекрасно иллюстрирует и предостережение Рене Генона, что «Яйцу Мира, закупоренному со всех сторон» времени Науки и Модерна, придет на смену «Яйцо Мира открытое Вниз, в Ады» (эпоха постмодерна с её откровенно inferнальной манифестацией).

Последнее обстоятельство вполне резонирует западному направлению...

НАПОЛНЕНИЕ: на Башне — несколько ресторанов, обсерватория и был кабинет физических наблюдений.

Часовен, молитвенных комнат, священных символов и тому подобного не наблюдается вовсе.

То есть: над Парижем, выше всего, вознесены такие «божества» — «Наука» (обсерватория) и «Потребительское развлечение в виде жратвы и понта» (рестораны).

Как говорится: все очевидно.

Не очевидно вот что:

72 ИМЕНИ.

На Эйфелевой Башне начертаны в начале двадцатого века имена 72 ученых, причем, физиков, инженеров, физиологов, химиков и математиков; нет ни одного имени гуманитария.

При этом, число 72 весьма непростое и напрямую связано с Каббалой.

В частности: «72 Имени Бога», «72 имени духов», являют собою как бы катафатическую «радугу свойств» Божества.

Очевиден посыл творения Эйфеля и начертанных на нем букв: 72 имени ученых, этих «жрецов бездушной Науки», по идее, как бы «держат» общий контур «божества» Науки, которая дерзко штурмует Небо в своем безбожном, титаническом, порыве.

В Старших Арканах Таро есть 16 Аркан: «Башня»; он, в том числе, прямо связан с церемониальной магией и принуждением сущностей тонких миров.

«Башня» — Архэ, противоположное другим Началам этого же горизонта архетипов: «Древу», «Дождю» и «Снегу».

В частности «Древо» символизирует естественное восхождение Вверх, а также — плодоношение и может быть, также, соотносено с молитвенным Деланием или Вопросанием, как таковым.

«Дождь» — благодатный ответ, имеющий силу очищения судьбы адепта.

«Снег»: нисхождение субливной Белизны...

Похоже, «Башня» может быть спасена от черномагических связей только Священным символом на шпилье или на крыше.

Крест, «Золотой петушок» неподвижного изотропного висения духа...

На Эйфелевой Башне мы не заметим ничего такого, что как бы намекает...

Более того, весьма красноречив и такой известный архетип: «Вавилонская Башня» вкупе со всем своим полем коннотаций...».

Это было написано ещё до выжигания сердца Нотр-Дама и сейчас всё стало ещё более актуально.

Наш неожиданный Пилигримаж во Францию завершается, два финальных дня в Париже подходят к концу.

Когда-то, ещё до карантина, шли мы к храму Saint-Sulpice, который, кстати, не представляет ни малейшего интереса, вопреки всяким страстям, описанным в попсовой конспирологической литературе.

Не доходя до указанного сооружения, по Rue Bonaparte, обнаружили небольшую каморку. Там работал дедушка. Он резал по кости и выставлял на продажу свои работы. Бросились в глаза несколько великолепно сделанных Единорогов, в общем, больше ничего и не запомнилось. К сожалению, цена была немаленькая и ничего тогда не было приобретено.

Дедушка был необычный и что-то в его взгляде говорило, что не случайно он вырезает именно Единорогов.

И вот: вечер. Только что минул дождь с грозой. Париж свеж. Умыт. Остужен пред ночью.

Иду.

Туда. К дедушке и к Единорогам.

Мимо Saint-Germain-des-Prés, по гомонящими прохожими, улицам. Уже близко. Витрины магазинов...

То место, где была коморка. Заплатой немного молчания выделяется на общем празднике жизни её закрытость листом защитных жалюзи. Видно, они давно не отворялись. Прикреплён листок, где сообщается что помещение свободно и сдаётся в аренду.

Печаль утраты холодным клинком дохнула в лицо, стало мгновенно ясно: дедушка далеко. Возможно, очень.

Не в этом мире.

Единороги ушли вместе с ним.

Париж потерял не только Храм Нашей Девы.

6) ДУБРОВНИК. ИМПЕРИЯ РОЛАНДА (СИЯТЕЛЬНЫЕ ОБЛОМКИ).

И снова нас ждёт перелёт, в Дубровник. Скоро во Франции вводят новые ограничения в связи с вакцинными паспортами. Пока что их нет у нас, потому оставаться там уже бессмысленно.

Собственно, изначально мы и не предполагали, что удастся вернуться на Запад.

На настоящий Запад.

Первоначально, это Паломничество предполагалось как раз в Хорватию и всё было переиграно в последний день перед вылетом. Обратные билеты остались ещё от первого плана и мы собираемся его в завершение реализовать: побыть в Рагузе, потом — в Сплите и в Трогире; уже оттуда вернуться в Украину.

Перелёт проходит плавно и мягко. Пилот объявляет, что пролетаем мимо Монблана.

Вот она Гора, связанная с Монтенегро. Расположена на границе Франции и Италии, высочайший пик Европы.

Белая Гора — и откровенно, и символично: над Европой — Наша Альба.

Посадка.

Хорватия сразу и плотно охватывает жарой. Блаженной прохлады как и не бывало.

Юг.

Проходим контроль.

В страну пускают.

Жара.

Мы будто попали вообще в другой мир. Много народу. Даже очень.

Ровно год назад мы были здесь, как раз в Карантин и туристы в Хорватию не особо спешили. Тогда Рагуза встретила нас полупустыми улицами, зачарованно одинокими котами и распахнутыми окнами сущностных вечеров.

Сейчас, вот уже более четырёх часов мы здесь, ничего похожего: все воспалено несколько истеричной и одновременно уставшей пляжной нотой. Как говорится, отдыхают из последних

сил. Мутное облако липкой потности сочетается с табачным дымом ресторанных посиделок.

Наконец поселяемся и сразу ложимся спать.

К 21 выныриваем из царства Морфея. Понемногу идём в город. Народу просто море, липкая уставшая толпа истошно отдыхает.

Правда, порою с моря — бриз; иногда — лица разлетаются со звуком отлетающего пустого затвора, нисходит благодатное отпускание, пузырь ожиданий бессильно спускается... и тогда Дубровник другой.

Камни распознаются застывшим воском, ощущается, что их можно лепить. Гладить. Формировать. Дружить с камнем.

Быть самому Камнем.

Рагуза отворяет тайные врата. Появляются порталы в города Льва: Лион, Леон и Львов.

Сантьяго де Компостела также понемногу эфемерится тут. Орlando, хотя и заключён всё в ту же решётку, распространяет своё тёплое созвездие. Тёплые Коты понемногу проявляются по различным закоулкам и схрамам.

Дубровник раскрывается секретной калиткой Золотой Розы.

Рагуза распределена и в массивах (полное кольцо стен) и в деталях. Среднего слоя Наших Храмов в ней нет. Потому она выступает некой загадкой.

Полустанком.

Местом, куда приходят плачущие поезда (ведь есть какая-то пронзительная нота в стонущем гудке проезжающего состава как и есть особая чистая печаль разнообразных вокзалов).

После Франции, Парижа, Труа и Шалона, это ощущается особо обострённо. Апофатично замирает интонация в этом море колеблющейся туристической суеты. Гул пляжников совпадает в один пластилин, рой гудит, его можно лепить. Но зачем?

Одна из особых интонационных деталей — Готические небольшие Розы из камня на барокковых церквях. Вследствие этого, такие храмики, в доминации извращённого зодчества, тем не менее, начинают по-другому звучать, обретая Измерение Смысла. Всего лишь один элемент, одна капля Сульфура, но в правильном месте, в нужном соотношении...

Ещё один Наш элемент — украшения капителей двух монастырей и прилегающие Готические же плетеры.

Орландо так и стоит внутри решётки. Он выступает некой осью, а его части тела были мерой данной ойкумены, то есть этот Первочеловек как бы раздал себя на весь Дубровник, так породив Измерение с присущими ему свойствами, то есть — вселенную.

Страдун — это Главная улица города, ранее на её месте была протока, она отделяла Дубраву от Рагузы. Впоследствии, два поселения срослись в одно.

«Дуб» и «Ра», — как-то так можно узреть две базовые фонемы и их суть: слияние оных породило сам град.

Покровителем Дубровника является Святой Власий Севастийский, мученик, также связанный с Землёй Кибелы и по своему, превзошедший inferнальное Царство Количества.

Он известен своей бескорыстной помощью не только людям, но и диким зверям и домашним животным. Одним из его символов являются две скрещённые свечи, что много на что намекает...

Вернёмся, однако, к Статуе Орландо. Это самый южный европейский Роланд; всего известно около 55 такого типа статуй в различных городах, до нашего времени дошли всего 20.

То есть, даже по этому параметру, Дубровник — очень важный град Рыцарского Опуса.

В общем, Роланд — местная точка отсчёта, по его Локтю здесь отмеряли всё, движимое и недвижимое. То есть, Роланд-Орландо столетиями являлся оперативным божеством Рагузы, его ритмическую меру распространяли на всё, по сути, в ней жили. Это действительно важно.

Получается, Дубровник через Орландо связан и с Рокамадуром во Франции, с первым переходом Камино Франсе до Ронсевалья и с Германским нордизмом. Архэ Рыцаря как бы жило в своих мерных эманациях, а статуя Роланда выступала как точка отсчёта данного уникального мира, как Ось его Свободы.

Постепенно понимаем, что само Провидение направило нас через Дубровник: в нём нет Храмов того типа, который мил нашему сердцу, но зато — есть всё остальное, характерное для

средневекового города. Полные замкнутые Стены, множество каменных домов, мощёные улицы, статуя Рыцаря в центре.

Вспоминается довольно странный советский фильм, «Зима в раю», где все сюжетные перипетии происходят в не-сезон, в Крыму. Почему-то ощущается, что настроение сей ленты как-то необходимо связать с Рагузой. Наверное, лучше всего сюда приехать в декабре.

Характерная деталь: ранее статуя Роланда стояла лицом на Восток, но после ряда событий, сейчас она смотрит на Север...

По Дубровнику можно по-разному гулять, он небольшой. С севера идёт довольно высокий подъем к стенам, по ступенькам. На юге ситуация похожая, но высота меньше. Если ходить по оси север – юг, заходя аж под Стены, то перепад высот довольно большой и можно довольно много находиться. Кроме того, эти колебания по вертикали интересно освоены градостроителями, создаётся ощущение просто огромного города, он как бы свивает себя в трехмерную спираль, являясь одновременно чашей.

Когда-то Дубровник был Готическим городом (некие элементы сего ещё кое-где видны), однако 6 апреля 1667 года произошло страшное землетрясение.

«Землетрясение в Дубровнике — землетрясение, произошедшее в 8 часов утра 6 апреля 1667 года. Оно было одним из двух наиболее разрушительных землетрясений на территории Хорватии на протяжении последних 2400 лет и наиболее масштабной катастрофой в истории Дубровника. В результате землетрясения был разрушен почти весь город, погибло несколько тысяч человек: называются цифры 3000, 5000 и более. Среди погибших был и правитель города.

Во время землетрясения на город летели камни с холма Срдж, разрушавшие всё на своём пути. Возникшее цунами разрушило порт, стоявшие в порту корабли были разбиты о берег волнами. Земля растрескалась, а небо потемнело от поднимающейся пыли. Начавшийся после землетрясения пожар не утихал в течение двадцати дней и уничтожил большое количество материальных и культурных ценностей.

В это время Дубровник был столицей Дубровницкой республики и землетрясение обозначило начало её заката. П. А. Толстой, посетивший республику на исходе XVII века, записал в дневнике, что «в том городе Дубровнике многие дома разорены и палатное строение разваленное; а сказывают, что весь город Дубровник был разорен волею Божиею от ныне лет за 30 тресе-нием земли».

Поскольку во время землетрясения было разрушено 68% городской застройки, правительством Дубровницкой республики был принят закон, определивший облик города на следующие века. Этот облик сохранился до настоящего времени. Ныне для снижения риска возникновения и быстрого распространения пожара кухни во всех домах Старого города устраиваются на верхних этажах.

Катастрофу описал в латинских стихах барочный поэт, учёный и дипломат Дубровника Степан Градич.

Кроме Дубровника, были разрушены также некоторые города Боки Которской, в частности Котор и Пераст».

(Источник:

https://ru.wikipedia.org/wiki/Землетрясение_в_Дубровнике).

Отстраивали Рагузу уже в стиле барокко; в определённом смысле, так жестоко и кроваво, произошла смена доминантных божеств и град кардинально изменил свой облик.

Семнадцатый век.

Век кардинальной перемены парадигмы, именно этот период отсекает Средневековый Огонь и всё уже идёт совершенно по-другому. В Дубровнике сие происходит жёстко и конкретно, буквально. Так что, Рагузу Средних веков мы можем только представлять, хотя и дошедшее до нас весьма впечатляет.

Зов.

Порою важен именно и только он. Интуиция — способ общения с ним. Вечер второго дня: слышу этот самый Зов. Иду. Пересекаю город с севера на юг. Выхожу к морю. Тут некий ресторан. Множество людей. Не то...

Ведёт дальше.

Страдун.

Площадь. Фонтан Онофрио. Рядом — барочная церковь Святого Спаса.

Море людей.

И вот: три неподвижности. Прямо посередине площади, между Фонтаном и стеной ближайшего дома, подобно Сфинксу, сидит рыжий Кот. Он всецело неподвижен. Мимо проходят сотни людей, ведут собак, дети орут — Кот всецело неподвижен. Торжественен. Я стою рядом и наблюдаю около получаса. Ничего не меняется. Кот не реагирует даже на принесенную кем-то еду.

Неподвижный Кот.

Недвижимая статуэтка Собаки на Фонтане.

Неподвижная каменная готическая Роза на храме Спаса.

Такой себе треугольник.

Энигма Дубровника.

7) ВАВИЛОНСКИЙ СПЛИТ.

Предельно проясняется суть Архитектуры: эти (людишки) существуют на фоне её.

А ещё: никуда не делась жесточайшая Война полов.

Итак: из Дубровника что-то около пяти часов мы плывём в Сплит. Приплываем. И нас кидают на жильё.

В результате — много часов сидения на ступеньках (типа кафе) перед Собором.

Жара невероятная.

Мы хотя бы в тени.

Испиваем чашу, каждый свою. Как-то идёт оно хорошо. Целительно. Понемногу расходится фокус и попадаешь в царствие.

Неподвижность.

Мириады существ мимо.

Распознавание. Подавляющее число населения всецело лишено Логоса. То есть — упорядочивающего Смысла. Они, к сожалению (и не к сожалению, потому как такой выбор сделали сами) почти биомасса. Видно: никто нигде не пребывает. Каждого окружает пузырь вспененных иллюзий. Суеты.

Странно: зачем им сюда, под стены ещё Имперского Рима?

Собор и площадь отстранены. Они висят в какой-то своей прозрачности и несвязанности с происходящим. Для людишек вся эта как бы история, не более чем фрагмент утверждающего самолюбования. Холодным льдом стоят древние колонны, парит царящий Сфинкс.

Человеческая масса идёт, тысячи. Едят. Садятся. Пьют. Фотографируются. Транспортируют усталость в утомленных жарой телах. Глаза пустые и бегают в поисках интересных объектов.

Здесь на этом карнавале всё: и семейный отдых, и отчаяние старцев, и капризный сюжет детства, и сексуальная озабоченность подростков... и всё это без малейшего содержания, без тени Смысла. Взгляд ищет хотя бы какую-то осмысленность, хоть что-то напоминающее боль зека в очах прицелов на побег.

Какой побег?

Никто никуда бежать не собирается, напротив, они бежали сюда. На курорт. На отдых. На Юг...

Кипит, волнуется, человеческая толпа. Спорадически возникают опорные группки, тогда мерцает какое-то подобие ритма, но турбулентия южной невнятности быстро растворяет всё это, возвращая в переплёты всегдашней суеты. Здесь нет даже эротизма: чрезмерная жара подплавил формы, а эротика как раз и связана с гравюрной четкостью линии, ведь не зря чулки так специфически взаимодействуют с сосудами бёдер.

Здесь же какой-то голимый импрессионизм: формы превращаются в размытые потные пятна, прозрачности глаз уже не различить в этом месиве глины. Опасно приближается предел объектной однородности.

Опасный для них, для населенной толпы.

С этой мычащей однородностью, с этим пластилином злого для участников, рока, власть знает что делать. Она и делает. Бурлит варево. Уходят и приходят мириады судеб. Оставляя только то, что им предопределили. Как пластилину.

Конечно, подобно некоему Сапожнику, можно внутренне воскликнуть: какие же хорошие все люди, они спасутся, а я нет.

Давно это было...

И люди тогда были другие.

Совсем другие...

Интонационное рабство. Так определяется зависимость человека от общего ритма.

Так вавилонится его судьба.

Так они обнаруживают себя уже мёртвыми.

Живые убитые.

Сфинкс знает, о чём это.

8) КАМЕННАЯ РОЗА СПЛИТА.

Алхимия — занятие одиноких мужчин. Только на первый взгляд эта фраза Головина (Адмирала) странная: действительно, всё именно так.

Хотя есть легенда о Николая и Перенелле Фламель...

Но: перелом семнадцатого века разрушил не только Дубровник, похоже, рухнула лёгкость Союза и приползла гадючья свадьба мира-без-Рыцарства, что как раз и соответствует вышеприведённой фразе.

Вовсе не обязательно не общаться с женщинами. Совсем даже напротив. Вот только: тончайшего сопряжения скорее всего не будет. Посему, нельзя духовно опираться на то восхищение, которого в плавном вальсе уже нет, тем более — не будет, но крылья которого были и любили.

Свеже-синий Цветок пахнет озоном.

Молнии разлук — постоянное короткое замыкание субъектности на Злую Демиургию. Так и происходит «одиноким мужчиной».

Он и может совершать Опус Пилигрима.

Даже, если женщина.

Итак: вавилонствующий Сплит. Разбрызган по римским камням людской пластилин. Вихрится бульон судеб. Логоса всё нет.

Архитектура висит неподвижно. Взгляд привлекает некий глаз: небольшая каменная Роза на часовенке, в которой сейчас расположился турцентр.

Ситуация следующая: в её центре — Шар. К нему уже дошли с периферии четыре Луча, которые также оканчиваются Шарами (их Шары касаются Центральной Сферы). Получается своеобразный Крест. Ещё четыре Луча, по диагонали идут к этой Свадьбе, но не доходят, останавливаясь почти на полдороге, повисая в воздухе своими Шарами...

Таким образом проявляется динамика в казалось бы, статическом Знаке. Сия Роза точно ощущается самым живым среди бурлящего разливного холодца невнятных тел.

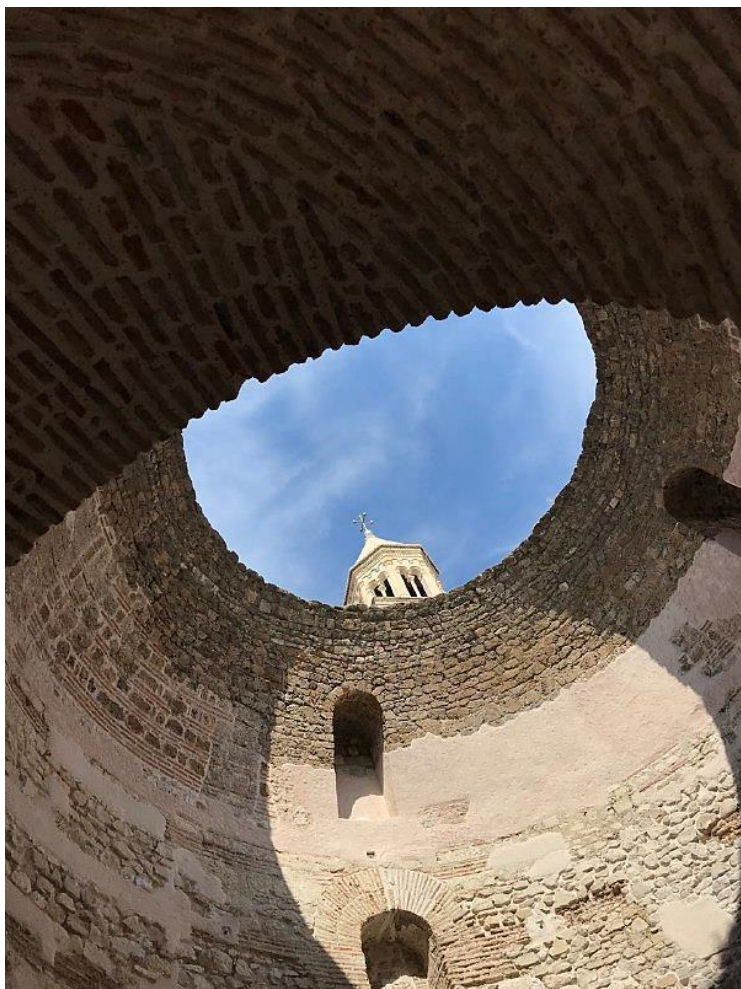
Да просто потому, что в ней живёт Смысл.

Каменная Роза — для судьбы угроза.

Девять Сфер.
Сам круг Розы — десятая.
Завершённость.
Роза эта дышит, стоп-кадр её цикла определён выше.

В ней заложена не одна энигма. Однако, время сказок закончено. Читатель может сам попробовать погрузиться в волшебные глубины Каменного Цветка.

9) ТРОГИР КАМЕННОЙ ШКАТУЛКИ. ПОРТАЛ-240.

Завершающий полный день этого нашего Пилигримажа.

Приплываем в Трогир. Людей здесь значительно меньше и от этого хорошо.

Каменная Шкатулка открыта.

Как ни странно, мы живём подле единственного Храма Трогира, в который не смогли попасть год назад, он же — самый древний здесь, посвящён Святой Варваре.

И он сегодня открыт.

Захожу.

Небольшое помещение довольно сильно вытянутое вверх. Этот Храм практически зажат меж домов; он ещё дороманский. По композиции, весьма похож на пещерные церкви Каппадокии.

Колонны.

Апсида.

Чистая умытая Белизна.

Над входом — вязь Символов: Цветки, Буквы, Кресты-Плетеры...

Цветок, кстати, может означать устойчивое состояние-божество, то есть — фиксированный модус мистического Опыта. Это же отражено в Кресте как элемент Плетера-бесконечника. Буквы играют функцию дальнейших определителей трансцендентной векторности.

Наверное, в Трогире, сей Тампль наиболее чистый и спокойный, вход в него совершенно свободный и он как бы спрятан и впаян в Мистерию Улицы, что делает всё ещё более интересным.

Человеку, по самой своей транзитной форме, свойственно пребывать в иллюзиях. В фантазиях и в наведённых миражах.

Трогирский Собор сохранил великолепный Портал Радована, сотворенный в 1240 году, то есть — в самый расцвет Средневековья.

Там запечатлён целый мир: и по мотивам Писания, и в Бестиарном ключе, и в мистико-магическом...

Расшифровать это послание и непросто, и весьма объёмно, и — захватывающе вдохновенно.

Мы коснёмся только некоторых версий, касательно фигур Адама и Евы.

Первым делом бросается в глаза разница Жестов рук: оба прикрывают левой половые органы, а вот правая рука у Женщины расположена горизонтально, касается пальцами локтя другой руки; у Мужчины — по диагонали и касается ладонью горла. Левое и правое предплечья Адама параллельны в диагональных позициях и разнонаправленные: к половому центру и к горлу; наблюдается дихотомия данной позиции.

У Евы нет разделённости в жесте, руки связаны одной композицией и слиты вместе; вся сочетанная форма направлена к зароду, половым органам.

Здесь, читателя, уже можно направить к вдохновенным студиям Евгения Головина и к его многочисленным эссе о Мужском и Женском (например, к великолепной книге «Весёлая наука»). Однако, несколько замечаний сделаем и мы.

Мужчина получается как бы разорванным между природой воспроизводящей (Кибелой) — рука на паху и Словом, которое — Логос и Порядок, рука на горле.

У женщины такого раздвоения нет: рука на гейзере Великой Матери (та же, что и у Мужчины), вторая рука горизонтальна, что символически значит то же самое; более того, руки гармонично соединены.

Итак: Мужчина — «Рыцарь на Распутье», «или – или»: то ли подчиниться Току Вод и стать кастратом-рабом Кибелы, или — Убить Быка и совершить Штурм Неба. Ситуация изначально проблемна...

Даже сама поза содержит некое напряжение, дама же — элегантна и целостна в своём «травяном векторе».

И Адам и Ева стоят на Львах, на особых формах грубых огней, и тем не менее, их тела держат на себе всю структуру Портала.

Соединение его вверху (по ритму Трикуты и полуциркульными арочными формами) намекает о Священной Свадьбе как о Событии, возможной добыче Эликсира. Исходя из этого мы получаем Ключ прочтения значения всех центральных элементов Портала: как то — Распятая Спасителя, Вифлеемской Звезды и так далее. Последняя, кстати, изображена необычно: Семь Лучей светят свободно, а Восьмой выливается как эманация (сие — заключает в себе исключительно глубокий Смысл).

На этом и прервёмся, завершив сию сказку недосказанной...

Погружение в Символы — есть зыбкий шанс прорваться из тирании предопределённости.

Человечество существует в снах и в иллюзиях. Одна из наиболее глубоких и детализированных — миф о Мужском и Женском.

Здесь настолько много ловушек и лжи, что практически нереально выйти из тюрьмы Кибелы ни мужчине, ни женщине.

Хотя шансы, всё-таки есть. Пусть и небольшие. И это означает (для мужчины) перманентную Войну.

Священную Войну за свою душу и судьбу, Сражения за любимых женщин. А для женщины это не значит войну: она просто пойдёт по той или иной Линии концентрации. И если эти Линии окажутся разнонаправленными, просто будет страдать. Так, как умеет это делать только женщина, черпая из страдания новые силы.

Женщина — как эхо. Как тень. Любая ошибка или слабость мужчины сразу проецируется в её оперативность и никогда не будет прощена.

Распятие. Вертикаль и Горизонталь. Спаситель страдает на Кресте: бинеры Времени и Пространства, Смерти и Жизни, Мужского и Женского...

Война: между Землёй и Небом Война.

Спаситель, через особый Тайный Огонь смог Преобразиться и полностью разрешить эти бинеры.

В определённом смысле, Опус и есть Со-Распятие в деле такого рода Операций.

Условия Опуса сейчас крайне сложные. Так плохо, не было ещё никогда. Реализация, Смысл и Небо максимально далеки.

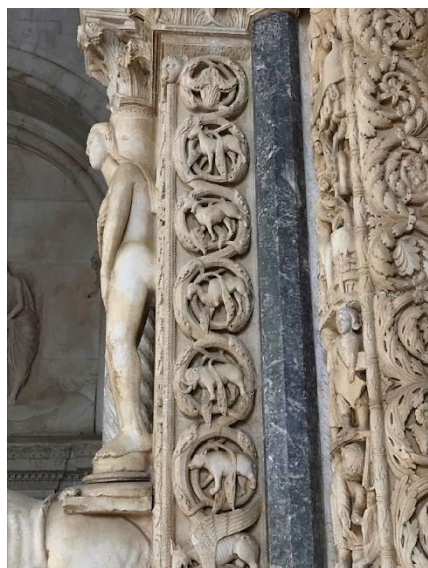
Человечество банально перемалывается в жерновах чёрной алхимии Злых Демиургов. Люди здесь ничто, Пыль.

Тем не менее, осуществлять Опус — это наибольшая драгоценность судьбы из всех возможных.

Невзирая ни на что.

АРИСТАТА ЭТЕВИТАТ

Послесловие.

Возвращение к Единорогу

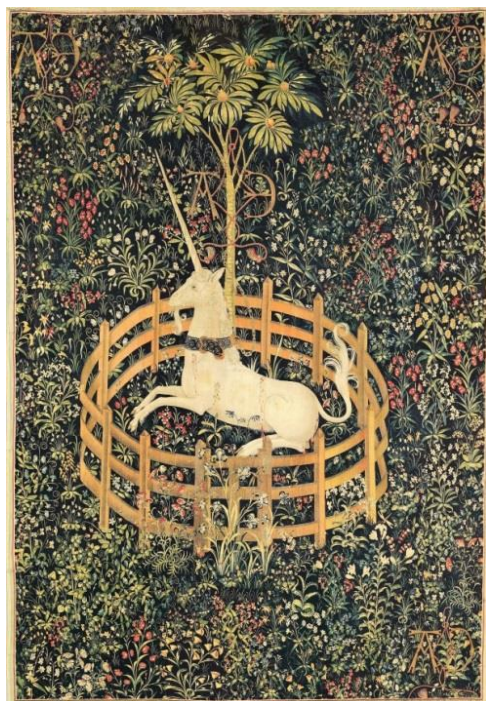
Итак: завершена книга сия.

Часть Восточного Опуса — Турецкий Пилигримаж. Потом — длительный поход в Непал (про это — отдельная книга). Некий разлом, Перекрёсток и перемена горизонта: об этом ряд стихов.

Монтенегро — Опус Чёрной Скалы и внезапно приоткрытое окно в Нашу Европу.

Париж, Шалон-ан-Шампань, Труа, Париж, драгоценные восемь дней в Его Саду; снова — Хорватия...

Кольцо замкнулось на свою исполненность: возвращение на Запад, к Готическим Тамплям, состоялось.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1

1. Османский ветер вновь раздувает плащ.....	3
2. Стамбул острых минаретов.....	8
3. О византийской гордыне и коварстве.....	13
4. И снова — об архитектуре. Истанбул. Чёрное и зелёное.....	25
5. Купола куполам рознь. Стамбул.....	29
6. Холм Юши.....	34
7. Истанбул. Мимар Синан.....	37
8. Плач Пречистой. Истанбул.....	43
9. Бурса. Первая и начальная.....	44
10. Познавая лик мечети.....	47
11. Весенняя осень Бурсы.....	55
12. Под эгидой Зелёной Мечети.....	58
13. Вопросы Изумруда. Бурса.....	64
14. Мечеть Каллиграфии. Бурса.....	66
15. Вечная весна Шейха Эдебали.....	71
16. Трактат чистых слёз и солёной крови.....	75
17. Никея. Город у озера.....	77
18. Эдирне: Opus Magnus Синана.....	81

ЧАСТЬ 2: СТИХИ

ЧАСТЬ 3

1/Перекрёсток. Montenegro.....	114
2/Монтенегро. Врата Котора.....	118
3/Мистерия Кота. Котор.....	122
4/Катар: Иероглиф Montenegro. Святой Трифон.....	128
5/Фасцинация Montenegro. Kotor.....	133
6/Монастырь Острог. Мавзолей Негоша-1.....	136
7/Мавзолей Негоша. Монастырь Острог-2.....	143
8/Которская риторика Базового Расплава.....	148
9/Котор. Будни пилигрима. Пераст.....	153
10/Будва быта и следствий.....	160
11/Слова, монастыри и олива.....	165
12/Свети... Монастыри и острова. Montenegro.....	174

ЧАСТЬ 4

1) На Запад? В Париж? Циркуляции Грааля.....	188
2) Лютеция — «Светоносная»? Париж.	197
3) Шалон-ан-Шампань. Готика в зеркале лат.....	208
4) Созвездие Труа. Возвращение на Запад.	221
5) Париж всё-таки не находит разрешения.	237
6) Дубровник. Империя Роланда (сиятельные обломки).	245
7) Вавилонский Сплит.	252
8) Каменная Роза Сплита.....	255
9) Трогир каменной шкатулки. Портал-240.....	258

ПОСЛЕСЛОВИЕ. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЕДИНОРОГУ

Возвращение к Единорогу

Возвращение к Единорогу

